Кадетская перекличка

№ 30

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов зарубежсм, Нью-Йорк, США

№ 30 Нью-Йорк Февраль 1982

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $ 12.00 USA for three issues
4.00 USA per single copy

Founder
Paul Olferiev

—

Managing Editor
Nicholas W. Koziakin

—

Administrator
V. Glinin
43 Dickson St.
Glen Cove, N. Y.
11542

—

All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ко дню скорбной годовщины. В. Тихомиров 3
Из воспоминаний. Князь Ухтомский 9
Император Павел I Петрович. В. Г. Глинин 11
«Белое движение». К. М. Перепеловский 36
И воистину светло и свято... Владимир Бодиско 60
Мысли о прошлом, настоящем и будущем. И. Автамонов 84
Календарь русской славы. Составил И. Автамонов 90
На западном фронте без перемен. Н. В. К. 103
Письма в Редакцию 104
Книжная Полка 112
От Комиссии по организации 8-го Съезда 115
Хроника 117
Памяти ушедших 119

Подписывайтесь и распространяйте

«Кадетскую Перекличку»

КО ДНЮ СКОРБНОЙ ГОДОВЩИНЫ.

Вопрос о прославлении царственных и других новомучеников формально был поднят на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви заграницей в сентябре 1971 г., а в 1974 году Архиерейский Собор не только подтвердил решение 71 года, но, сочувствуя их прославлению, Собор тогда же определил причислить к лику Святых всех Новомучеников за веру Христову, убиенных и умученных безбожной властью во главе с Государем Императором Николаем II, Его Августейшей семьей и их верными слугами.

Торжественный же акт об этом был объявлен Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви заграницей 13 мая 1981 года, который постановил провести торжество прославления в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери 1 ноября 1981 года.

Накануне этого прославления я и хочу коснуться духовного облика Царственных Мучеников, в особенности, на про-.тяжении 16 последних месяцев их земной жизни.

Твердо можно сказать, что нет слов описать все те издевательства, оскорбления и унижения, которым подвергались несчастные Царственные Узники, и тем не менее вот выдержка из письма Вел. Княжны Ольги Николаевны из заточения: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан и тем на кого они могут иметь влияние — чтобы они не мстили за него, так как он всех простил, и за всех молится, и чтобы помнили, что не зло победит зло, а только любовь». А вот и ее собственное стихотворение на ту же тему:

«Отец всем просил передать
Не надо плакать и роптать
Дни скорби посланы для всех
За наш великий общий грех».

или

«Он все обиды позабыл
Он всех врагов своих простил
И за него велит не мстить
А всех жалеть и всех любить».

А вот еще выдержка из ее же стихотворений, но скорее, молитвенного содержания:

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать

И крест тяжелый и кровавый
С Твоею Кротостью встречать.

Владыка мира,Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый смертный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Эти стихотворения полностью соответствуют духовному настроению Царской семьи в заточении. В них мы видим величие души Царственных Узников и образец величайшего смирения и покорности перед волей Божией.

Венценосная личность императора была последней личностью свободного сильного Монарха, стоявшая у грани старого мира. С его уходом ушел старый мир с его свободой, законом, порядком, с его совестью и справедливостью.

Личность Государя Императора несла в себе благородство духа, поистине, мирного и благоденственного жития. Что было при нем и что стало после него во всем мире — всем известно: то-есть резкий конец одного и грубое начало другого — конец личности человека и начало толпы, развитие идеологии современного демократизма. Лермонтов оказался настоящим провидцем разразившейся над Россией великой трагедии; и написал страшное «Предсказание» — 150 лет тому назад (1830 г.), которое исполнилось на наших глазах во всех деталях. Вот это маленькое стихотворение:

«Настанет год, России черный год
Когда Царей корона упадет
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пища многих будет смерть и кровь.
Когда детей , когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон»...

Духовный облик Царственных Мучеников никогда не встанет перед нашим взором с такой силой, как в страшный день Цареубийства, день всероссийской скорби. На фоне разразившейся трагедии, когда передовое общество не понимало и не поддержало своего Государя, вера в народе оскудела, именно тогда во всей духовной красоте явились лучшие ка-

RUSSIAN SAINTS

чества последнего Царя-Христианина и его Августейшей семьи, а именно: глубочайшая вера, покорность воле Божией, чистота душевная, смирение и терпение. Эти чувства покорности воле Божией и всепрощения Венценосные Родители внушили и своим детям, что видно из стихотворений и писем Вел. Кн. Ольги Николаевны.

Период времени в котором Государь и его Семья были заключенными должен остаться у всех в памяти, как образец смирения перед Волей Божией и исключительного величия души Царственных Узников.

Государыня, которая приняла православную веру со всей своей непосредственностью и со всей глубиной, свойственной ее природе, стала православной в самом законченном и абсолютном смысле слова, была безупречной женой и матерью, показала редкий пример высочайшей семейной добродетели. Она также всем своим существом полюбила свою новую родину, свято выполнив завет, полученный от умиравшего Императора Александра III, из рук которого в 1894 г. получила благословение на брак с Наследником престола, будущим Императором Николаем II Александровичем. Вот выдержка из письма Государыни: «Я чувствую себя старой, но я по прежнему мать этой страны, и страдаю ее страданиями, как будто она мое любимое дитя. Я люблю Россию, несмотря на все ее грехи и ужасы. Как нельзя отнять ребенка от матери, так нельзя того же сделать с Родиной. Черная неблагодарность России к своему Императору — разбивает мое сердце, но я молю Бога спасти Россию. А сам Государь прямо поразителен; у Него такая крепость духа, хотя бесконечно страдает за страну. Если бы вы видели боль и кротость его — поняли бы его. Предан он был теми, кому доверял. Оставлен был почти всеми приближенными, и лишь немногие пошли за ним на его Голгофу. Толпы, еще недавно, с восторгом встречавшие и приветствовавшие его — поносили его приветствуя тех, кто желал его казни».

И вот искупительная жертва принесена в Екатеринбурге... Русь захлебнулась в братской крови. Вопли и стоны наполнили родные просторы. Несказанно велики страдания русского народа. Подсоветский быт весь проникнут страданием. О, как нужна нам память о Царе — Мученике и его блаженной семье!

Молитвенной памятью о них мы должны проникнуться!

Все письма Ц. Семьи из заточения в числе 334 рисуют нам духовный облик Царственных Мучеников, характеризующий их душевное настроение в заточении и проникнуты не только верой их, долготерпением, смирением и покорностью Воле Божией, но и страданием за Россию и народ, их постоянной мольбой о спасении России. Крик их душ днем и ночью: «О, Боже, спаси Россию» и их вечная надежда, что Господь Всемилостивый не оставит ее, и Святая Богородица заступится за бедную Русь, нашу несчастную страну, нашу Родину.

Всех просят они не терять веру в Бога и Его милость.

Помимо писем, есть и другой источник, раскрывающий духовную жизнь Царственных Узников — это принадлежавшие им книги духовного содержания, найденные в доме Ипатьева после их гибели. Эта их небольшая библиотека могла бы служить украшением любой монашеской кельи.

Многочисленные подчеркнутые места в этих книгах — свидетельствуют о духовном устремлении Царственных Узников в тяжкие дни заточения.

Не остается сомнений в том, что Царственные Мученики, сохраняя бодрость духа как подобает истинным христианам, готовились к мученической смерти, надеясь вступить в иную, духовную жизнь, открывающуюся для человека за гробом. «Претерпевый до конца — спасется».

Книги эти — немые свидетели их духовного подвига в заточении.

«Подвиг есть в сражении
Подвиг есть в борьбе
Высший подвиг — в терпении, любви и мольбе».

(А. С. Хомяков.)

Великий духовный подвиг Государя Императора Николая II и его Августейшей семьи, воссиявший ярким светом после их мученической кончины, был глубоко осознан широкими кругами русской эмиграции, но вопрос об их канонизации был впервые поднят в Югославии. Еще в 1925 г. в сербской печати появилось описание чудесного явления во сне Царя-Мученика одной пожилой сербке; и с этого времени в Сербский Синод стали поступать свидетельства о том, что сербский народ не только глубоко чтит память убиенного русского Императора, но причисляет его к святым.

Приблизительно к тому же времени относятся и первые известные нам иконописные изображения Царственных Мучеников.

В августе 1927 г. в газетах Белграда появилась статья под заглавием «Лик Императора Николая II в Сербском Монастыре Св. Наума — на стенах Храма». Русский художник С. Ф. Колесников был приглашен для росписи Храма в этом монастыре. Исполняя порученную ему работу, он задумал написать лики 15-ти сербских Святых, размещенных в 15-ти овалах. 14 ликов были написаны сразу же, а место 15-го долго оставалось пустым. Необъяснимое чувство мешало ему закончить эту роспись. Но однажды в сумерки он вошел в храм. Внизу было темно, и только купол прорезывал лучи заходящего солнца. Все казалось неземным и необыкновенным. В этот момент он увидел, что оставленный им 15-ый чистый овал ожил, и из него глядел скорбный лик Имп. Николая II. Охваченный молитвенным порывом, он быстро стал работать прямо кистью (без контура углем) и он скоро его закончил и снабдил надписью «Всероссийский Имп. Николай II, принявший мученический венец за благоденствие и счастие славянства».

В 1936 г. при закладке в Брюсселе Храма Памятника Царской Семьи, сербский митрополит Досифей, выступавший от имени свят. патриарха сербского Варнавы сказал: «Сербия, обязанная России своим спасением, чтит Импер. Николая II как святого, на соборе сербских архиереев был поднят вопрос о причислении Царя-Мученика к лику святых сербской церкви. Но, вскоре, вспыхнула война и сербская православная церковь сама оказалась порабощенной безбожной властью и вопрос отпал.

Накануне канонизации напомню, что, по верованию древней христианской Церкви, подвиг мученичества один — сам по себе — уже доставляет святость.

Согласно общепринятому церковному учению и практики канонизации — даже тягчайшие грехи и ошибочные действия, совершенные членами Церкви на протяжении их жизни — сами по себе не могут препятствовать их последующему церковному прославлению.

Кротость и смиренное принятие уготованной им участи, возводит Царскую семью на высочайшую ступень христианского подвига. Отречение Государя на пользу России — эта добровольная жертва — вызывает чувство глубокого благоговения. Их кончина, как страстотерпцев, невольно вызывает в памяти образ первых прославленных святых земли русской, ее небесных покровителей — братьев Кн. Бориса и Гле-

ба, невинных мучеников погибших и простивших убийцу — брата.

Православная Церковь всегда рассматривала Царя не только как светского главу Государства, но и как священное лицо и носителя Божественной «Харизмы», т. е. особого дара Св. Духа — право Царя входить в церковный алтарь через царские врата. Церковь венчала Царя на царство, как «Хранителя Веры», защитника Церкви православной; верующий видит в императоре Николае II не только мученика — христианина, но именно как Царя-Мученика — помазанника Божия.

Государь и Государыня были удостоены той же мученической кончины, как их невинные дети, чистота жизни которых и мученическая кончина покрыты ореолом святости. (Казнь их, даже среди атеистов, не оправдывалась).

Мученическая кончина Царской семьи воспринимается, как свидетельство Божие об их мученичестве. Уместно вспомнить слова Апостола Павла:

«Взирая на кончину их жизни, подражайте вере их».

В 1947 г. в русской эмигрантской печати появилось сообщение о дерзновенном, молитвенном обращении к Царской Семье, когда во время 2-ой мировой войны в Югославии, небольшой отряд казаков с обозом, в котором находились раненые, женщины, дети и старики и один священник, потерял связь с главными силами и оказался в опасности, окруженным с трех сторон красными партизанами и прижатому с 4-ой стороны к непроходимому болоту. Это случилось в день Тезоименитства Государя Императора (6/13). Священник о. Илья, призвав всех к молитве, отслужил молебен Мученику Николаю, Государю Российскому. Припев на молебне был: «Святые Мученики Дома Царского молите Бога о нас».

Пел весь отряд. На возражение о том, что Царские Мученики еще не прославлены и чудеса от них еще не явлены, о. Илья ответил: «А вот молитвами их мы и выйдем» — и, действительно, чудесным открытием о. Ильи отряд и обоз вышли в полном составе из окружения, пройдя ночью через болото прямо к месту главных сил. Из окрестных жителей никто не хотел верить, что прошли они этим путем. Утром красные партизаны не могли найти и следа, куда ушел отрезанный отряд, который они считали своей верной добычей.

Уясняя себе духовный образ Царской семьи, церковный народ в каждой нужде может прибегать к ее небесной помо-

щи и через молитвенное поминовение ее в панихидах; именно так многие обращались за помощью к Св. праведнику Иоанну Кронштадтскому, Св. Герману Аляскинскому, Блаженной Ксении до их прославления.

И наши панихиды отнюдь не политические, а религиозно-мистические и потому они носят особый, отличный от обычных панихид характер.

Конечно, как и при всякой панихиде, мы молимся о прощении и оставлении грехов убиенных, но одновременно мы просим прощения и наших собственных грехов поскольку все мы, православные русские люди, так или иначе, виновны в том, что допущено было на нашей земле такое страшное злодеяние.

Бог, да ублажит их, упокоит и с праведными да причтет, а, нас, их Святыми молитвами помилует и спасет яко Благ и Человеколюбец.

«И сотвори им вечную память».

Святые Мученики Дома Царского, молите Бога о нас!

Адсланда, Ю. Австралия. **В. Тихомиров.**
19 июля 1981 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

В двухтомном историческом труде кн. Ухтомский описывает посещение Японии Наследником престола Вел. Кн. Николаем Александровичем, впоследствии Императором Николаем II. Приводим выдержку описывающую посещение Наследником японского монаха Теракуто.

В Японии Наследник посетил на одном острове кладбище наших моряков с фрегата «Аскольд», который совершил в 60-х г.г. кругосветное путешествие под командой выдающегося мореплавателя Унковского. В свите Цесаревича находились сыновья двух офицеров с «Аскольда» — Ухтомский и Эристов. Наследник обворожил своей лаской и вниманием старого японца, хранителя могил наших моряков и он обратился к Наследнику со следующими словами:

— Высокий Гость собирается посетить нашу священную древнюю столицу Киото, недалеко от последней подвизается наш известный отшельник монах Теракуто, взору которого открыты тайны мира и судьбы людей. Для него нет времени и он дает только признаки сроков. Он не любит прерывать

своего созерцательного уединения и редко к кому выходит. Если Царственный путник пожелает его видеть, он к Нему выйдет, если на то будет благословение Неба.

В штатском платье, в сопровождении принца Греческого Георгия и переводчика — маркиза Ито, видного деятеля Японии, Наследник Цесаревич пешком направился к Теракуто, жившему в одной из рощь вблизи Киото.

Уже издали подходящие увидели распростертую фигуру затворника буддиста. Наследник наклонился и бережно поднял его с земли. Никто не произнес ни слова, ожидая, что скажет затворник. Смотря невидящими глазами, как бы оторванный от всего земного, заговорил Теракуто: — «О ты, Небесный Избранник, о великий искупитель, мне ли проречь тайну земного бытия Твоего? Ты выше всех. Нет лукавства, ни лести в устах моих пред Всевышним. И вот тому знамение: опасность витает над Твоей головой, но смерть отступит и ТРОСТЬ БУДЕТ СИЛЬНЕЕ МЕЧА... и ТРОСТЬ ЗАСИЯЕТ блеском».

«Два венца суждены Тебе, Цесаревич: земной и небесный. Играют самоцветные камни на короне Твоей, Владыко могущественнейшей Державы, но слава мира проходит и померкнут камни на земном венце, сияние же венца небесного пребудет во веки. — Наследие предков Твоих зовет Тебя к священному долгу. Их голос в Твоей Крови. Они живы в Тебе, много из них великих и любимых, но из них всех Ты будешь величайшим и любимейшим. — Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну Твою. Ты будешь бороться за всех, а все будут против Тебя. На краю бездны цветут красивые цветы, но яд их тлетворен; дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают Отца. — Блажен, кто кладет душу свою за други своя. Трижды блаженней, кто положит ее за врагов своих. Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой. Настанет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а Ты свят и бессмертен. Оружие Твое против злобы — кротость, против обиды — прощение. И друзья и враги преклонятся пред Тобою, в р а г и ж е н а р о д а Т в о е г о и с т р е б я т с я. — Вижу огненные языки над головой Твоей и семьи Твоей. Это посвящение. Вижу бесчисленные священные огни и в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и совершится искупление. Станешь Ты осиянный преградой злу в мире. —

Теракуто сказал Тебе, что было открыто ему из Книги Судеб. Здесь мудрость и часть тайны Создателя. Начало и конец. Смерть и безсмертие, миг и вечность. Будь же благословен день и час, в который Ты пришел к старому Теракуто».

Коснувшись земли, Теракуто, не поворачиваясь, стал отходить, пока не скрылся в чаще дерев. Цесаревич стоял, склонив голову. Взволнованный, возвращался назад Цесаревич и просил не рассказывать о предсказании Теракуто.

Через несколько дней в Киото состоялось покушение на жизнь Наследника Цесаревича. Фанатик-японец ударил Его саблей по голове, но удар лишь скользнул, причинив неопасное ранение. Принц Георгий Греческий изо всей силы ударил преступника бамбуковой тростью, чем спас жизнь Цесаревичу. По возвращении Наследника Цесаревича в С.-Петербург, беседуя с принцем Георгием, Император Александр ТРЕТИЙ выразил желание получить на время трость. Император вернул ее принцу Георгию уже в оправе тончайшей ювелирной работы, всю бриллиантами осыпанную. Сбылось предсказание старого Теракуто: трость оказалась сильнее меча и трость засияла.

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I ПЕТРОВИЧ.

«Дому Твоему подобаетъ святыня,
Господи, въ долготу дней».

«Я желаю лучше быть ненавидимъ за правое дѣло, чѣмъ любимъ за дѣло неправое.»

Имп. Павелъ I.

В нашей Российской истории есть четыре наиболее оболганных правителя. Царь Борис Годунов, Имп. Павел I, Имп. Николай I и Император Николай II.

В превратностях судьбы Царя Бориса Годунова больше всего принимали участие Шуйские. История Имп. Николая I создавалась русской интеллигенцией, не простившей ему провала попытки революции в декабре 1825 г. и игнорируемой им аристократией. Судьба царствования Имп. Николая II решалась кроме русской интеллигенции и аристократии, состоявших в тайных обществах, также и иностранными «вершителями судеб».

Судьба же преступно-убиенного Имп. Павла Петровича ложится тяжелым укором на совесть большей части нашей ари-

стократии и дворянства того времени, объединенных в тайных обществах и при финансовой поддержке и подстрекательстве Англии.

Обобщая все это можно утверждать, что кроме Царя Бориса, все остальные двигатели исходили из одного и того же общего источника.

Личность Имп. Павла I в нашей отечественной истории стоит совершенно обособленно. Он знаменует собой поворотный пункт в течении нашей истории, направив идею государственной власти на русские национальные рельсы. И все то хорошее, что проявилось в нашей дальнейшей истории, можно смело сказать, имеет свои корни в личности Имп. Павла I и его реформах, замалчиваемых историками. Пусть они не так хлестки и многочисленны как реформы Петра I, но в них была заложена идея служения на благо народа в целом, на основе христианской справедливости, что никак не приходилось по душе нашему привилегированному ведущему слою.

«Среди государей дома Романовых интересной и загадочной личностью является Император Павел Петрович, венценосный мученик, рыцарь времен прошедших, глубоко верующий христианин, философ, как называет Его историк, француз Моран. Он не был понят и оценен, как современниками, так и их потомками. Говорилось о Павле Первом мало, писалось еще меньше. Многие считали его не вполне нормальным, некоторые, даже, сумасшедшим. Обращалось внимание на мелочи и упускалось главное. В учебниках русской истории XIX века вскользь упоминалось, что после Екатерины Второй царствовал Ее сын Павел Первый, при нем прославил русское оружие своими победами в походах по Италии и Швейцарии знаменитый полководец Суворов и описывались эти походы. О реформах Павла Первого вообще не упоминалось».

Пишет в своих записках Л. Г. Семеновского Полка кап. В. И. Мещанинов.

Тяжелое наследство легло на плечи Имп. Павла. Благодаря закону Имп. Петра I о наследии, — Государь сам выбирал себе наследника, что и привело к возведению на престол лиц угодных гвардии и аристократии. Это привело к тому, что Имп. Екатерина, захватившая престол, по праву принадлежавший ее сыну, намеревалась отстранить Павла Петровича и передать престол ее внуку Александру.

Неожиданная смерть Императрицы помешала этому ее намерению.

Аристократия, знать и, особенно, петербургское гвардейское офицерство состоявшее из дворян, привыкших за время долгого царствования Имп. Екатерины к беззаботной, беспечной и легкой жизни и к несению своих обязанностей спустя рукава, благодаря попустительству Матушки-царицы, возведенной на престол с помощью штыков столичной гвардии. Поместное дворянство находилось в периоде расцвета своих привилегий и рассматривало в большинстве своем, труд своих крепостных крестьян как неотъемлемую собственность, а самих крестьян, как бесправных рабов, что вполне соответствовало европейским идеям, занесенным к нам и внедряемым тем же дворянством. Павел Петрович, взойдя на престол, потребовал от гвардейских офицеров и правительственных чиновников добросовестного и точного исполнения служебных обязанностей, суровой дисциплины и отличного знания службы. В отношении же крестьян был издан манифест о трехдневной барщине. Это сразу лишило дворян-помещиков 50% рабочей даровой силы, что вместе с другими указами сильно урезывало экономические интересы и произвол помещиков.

Государь не захотел быть, как Его предшественницы, только дворянским царем, он становился на платформу Царя Российского, всенародного царя и потому нетрудно понять, что все Его новые мероприятия сделали из подавляющего большинства правящего класса, служивых дворян и крепостников помещиков лютых Его врагов. Для оправдания своего намерения убрать с пути своих эгоистических интересов строгого и благородного Монарха, столичному дворянству понадобилось изобразить Его ненормальным деспотом, врагом своего народа и даже своей семьи. Вот это-то и легло в дальнейшем в основу суждения о царствовании Имп. Павла I нашими историками, связанными или боявшимися «ордена русской интеллигенции».

Понятие интеллигенция и слово это появилось в нашем языке в XIX веке для обозначения людей из образованного класса, либерально или еще левее мыслящих и зараженных «прогрессивными» идеями западно-европейских тайных обществ. Вот это и является отличительной чертой так называемых наших «интеллигентов» и «интеллигенции» в отличие от всего остального образованного слоя и введено в употребление оно было как раз носителями и распространителями этих западных идей.

Будущий Император Павел Петрович родился 20-го сентября 1754 г. в царствование Имп. Елизаветы Петровны в семье Престолонаследника В. К. Петра Феодоровича и его супруги В. К. Екатерины Алексеевны, будущей Имп. Екатерины II Великой. Имп. Елизавета полюбила внука и сразу же взяла его себе на воспитание. В годы раннего детства Павел был совершенно оторван от семьи. Отец нисколько не интересовался им, а мать могла посещать его лишь по особому разрешению Имп. Елизаветы. С четырех лет его начали учить грамоте. В 1760 г. воспитателем был назначен граф Никита Иванович Панин, человек умный, честный и неподкупный, образованнейший и лучший из государственных людей той эпохи. После смерти Имп. Елизаветы и низложения Имп. Петра III, Екатерина, вступивши на престол, по праву принадлежавшему сыну, мало интересовалась воспитанием Павла, оставив его на попечении Панина. Всю свою нелюбовь к мужу она перенесла на сына.

В эти, и последующие, годы Цесаревича Павла обучали истории, географии, русскому, французскому, немецкому, латинскому и итальянскому языкам, Закону Божьему, арифметике, геометрии, физике, астрономии, рисованию, танцам, фехтованию, музыке и декламации. Под влиянием своего преподавателя Закона Божия архимандрита Платона, которого Павел очень полюбил, он с раннего детства был очень верующим и религиозным и остался таким на всю жизнь. В гатчинском дворце до революции можно было видеть коврик, протертый коленями Цесар. Павла во время молитв. Умственное развитие Павла складывалось под влиянием зрелых людей во главе с Н. Паниным.

Эти люди по своим высоким духовным качествам, способствовали развитию его ума, просвещению души и практически серьезному и национальному направлению его духовного склада.

После 14-ти лет Цесаревич приступил к изучению более серьезных наук, имевших уже государственное значение, — торговли, промышленности, государственной экономики внешней и внутренней политики, военных и морских наук. Он очень полюбил чтение, интересовался флотом, любил посещать Морской кадетский корпус и нередко платил из собственных средств за содержание там сыновей бедных дворян.

В 1773 г. воспитание Цесаревича было закончено и гр. Панин освобожден от должности воспитателя. Очень интересен

отзыв о личности Павла прусского посланника Сольмса: ... »Хотя он не высокого роста, но очень красив лицом; весьма правильно сложен; разговор и манеры его приятны; он кроток, чрезвычайно учтив, предупредителен и веселого нрава. Под этой прекрасной наружностью скрывается душа превосходнейшая, самая честная и возвышенная, и вместе с тем самая чистая и невинная, которая знает зло только с отталкивающей его стороны, и вообще сведуща о дурном лишь насколько это нужно, чтобы вооружиться решимостью самому избегать его и не одобрять его в других. Одним словом, невозможно довольно сказать в похвалу Великому Князю».

В том же году Имп. Екатерина женила сына на дочери ландсграфа Гессен-Дармштадтского. Принцесса, приняв православие, была наречена Наталией Алексеевной. В своей семейной жизни Павел был очень счастлив, но счастье продолжалось не долго, в 1776 г. Вел. Княгиня скончалась от неудачных родов. Это было первое и большое несчастье в жизни Павла Петровича.

В конце этого же года Имп. Екатерина вторично женила сына на Вюртембергской принцессе Софии-Доротее, получившей в православии имя Марии Феодоровны и этот брак Павла оказался очень счастливым и на фоне придворной атмосферы распущенных нравов двора, представлял собой резкий контраст.

Надо заметить, что при дворе Цесаревичу Павлу с самого детства пришлось вынести очень много ущемлений самолюбия со стороны временщиков Екатерины и придворной знати, но Цесаревич Павел по чувству долга, как Наследник русского престола, считал недостойным образовать собственную партию для парирования нападок дворцовых фаворитов. Показательны его мысли в письме к Сакену в 1777 г.

«Если бы мне надобно было образовать себе политическую партию, я мог бы умолчать о подобных беспорядках, чтобы пощадить известных лиц; но будучи тем, что я есть, для меня не существует партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моем характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось. Я желаю лучше быть ненавидим за правое дело, чем любимым за дело неправое». Пишет Павел по поводу обнаружения им безобразий в военном ведомстве в Риге. Мысли эти определяют ум Павла и пути развития его последующей государственной деятельности.

Историк Шильдер сообщает, что около 1778 г. В. К. Павел внезапно заболел и доктор его лейб-медик Фрейганг по некоторым признакам угадал что он был отравлен. Доктору удалось вылечить В. Князя, но он никогда не оправился совершенно и на всю жизнь нервная система его осталась расстроенной. Порывы его гнева были ничто иное как болезненные припадки. В связи с этим следует отметить, что после вспышек гнева Павел, по благородству души своей, всегда спешил загладить последствия своего гнева, хотя надо признать, что обстановка и люди, среди которых Имп. Павлу пришлось действовать, заслуживали часто и худшего.

У Б. Башилова мы читаем: «Панин (Никита Петрович, племянник Гр. Никиты Ивановича Панина, воспитателя Павла) все время настраивал Павла против матери, гарантируя сохранность жизни Екатерины. Павла соблазняли тем, что он имеет все законные права на корону, отнятую у него матерью. Благородный Павел отказался получить принадлежащий ему трон таким образом. Опасаясь, чтобы Павел не сообщил матери их предложение, заговорщики попытались отравить его». Из всего этого можно вывести, что не в интересах Орловых был бы этот переворот. Таким образом в первой фазе его — обработке Павла — Орловы не принимали участия и, без сомнения, не были осведомлены о ней. Зато организация отравления, весьма вероятно, была поручена им заговорщиками масонами, что Орловы и провели успешно, блюдя свои личные интересы. По мнению историка Шильдера они мечтали разделить с Екатериной власть.

«Раздражительность Павла происходила не от природы, а была последствием одной попытки отравления его. Кн. Лопухин уверял меня, — пишет Кн. Лобанов-Ростовский, — что этот факт известен ему из самого достоверного источника. Из последующих же моих разговоров с ним я понял, что это сообщено было самим Императором кн. Гагариной».

«Когда он приходил в себя (после припадка гнева), — свидетельствует кн. Лопухин, — и вспоминал, что говорил и делал в эти минуты, или когда из его приближенных какое-нибудь благонамеренное лицо напоминало ему об этом, то не было примера, чтобы он не отменял своего приказания и не старался всячески загладить последствия своего гнева».

В 1784 г. Имп. Екатерина подарила Павлу дворец и имение Гатчину, где и поселился Павел с семейством, которое в то время состояло из его супруги, старших сыновей Александра и

Константина, которые росли и воспитывались у Имп. Екатерины, трех дочерей Александры, Елены и Марии и младшего сына Михаила. В Гатчине-Павловске были созданы т. н. гатчинские войска в составе 6-ти батальонов, слабого состава, пехоты, роты егерей, трех кавал. полков по 150-200 сабель, казачьего эскадрона, батальона артиллерии — 12 орудий, всего 2500 чел., обученных и одетых по образцу армий Фридриха II, внешним устройством и порядком которых Павел руководился. Фридрих II, битый в свое время нашими войсками, к тому времени отошел в историю, а на военном небосклоне поднималась новая звезда ген. Бонапарта, чьи достижения на военном поле Павел не мог не знать. Но Бонапарт был генерал революционный... В Гатчине впервые вводится Павлом в устав обучение одиночному бою.

В это же время произошло сближение Насл. Престола Павла с А. А. Аракчеевым, который был рекомендован ему как способнейший и достойнейший офицер для устроения артиллерии, а позже стал и инспектором пехоты. Здесь же в Гатчине и зародилась крепкая дружба между будущим Имп. Александром I и Аракчеевым. Считаю необходимым добавить несколько слов характеризующих Графа А. А. Аракчеева. «Вся жизнь графа Алексея Андреевича, — пишет полк. П. Богданович, — переполненная самоотверженным, напряженным, беспрерывным, тяжким, ответственным и молчаливо-безропотным трудом, в обстановке зависти, клеветы и ненависти с одной стороны, и при слабом здоровье с другой, была пронизана возвышенным духом начертанных в храме Грузина слов бывших путеводной звездой Аракчеева в его служении Богу, Монарху и России: «Сердце мое чисто и дух прав перед Тобой».

Следует принять во внимание, что воспитатель Павла Н. Панин, как и многие другие, его окружавшие, принадлежали к масонскому ордену. Среди друзей Павла также было много масонов, стремившихся ввести Павла в масонство. Все это, в связи с начавшимся критическим отношением Имп. Екатерины II к тайным обществам, давало надежду масонам на благосклонное отношение Павла к ордену. Играя на чувствах Павла к матери, узурпировавшей, по праву ему принадлежавший, престол, они намекали Павлу о их желании видеть его на престоле, расчитывая видеть его носителем их вожделений и защитником масонских идей и привилегий дворянства в будущем. Это им и удалось и в 1784 г. Павел вступил в масонскую ложу Елагина, причем на него оказывал сильное давление

личный его друг архитектор Баженов, уговаривавший Павла вступить в орден Розенкрейцеров-Мартинистов. Надо сказать, что Павел, благодаря своему независимому характеру и большому государственному уму, не воспринял полностью идей масонства и сохранил все свое положительное направление мыслей и остался попрежнему верующим православным христианином. По благородству своего характера, Павел, с детства окруженный масонами не догадывался об истинных тайных целях мирового ордена и его тайных руководителей. Он считал, что они добродетельные люди, желающие добра всем людям. Но позже у Павла, видимо, зародились какие-то подозрения. Когда же он узнал о деятельном участии масонов во французской революции, он полностью переменил свое мнение о них и Баженову, приехавшему к нему уговаривать стать розенкрейцером, где имелось намерение сделать Павла капитулом ордена в России, заявил ему резко: «Я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста; о них я слышать не хочу, и ты рта не разевай о них».

Во всяком случае, расчеты масонов и аристократии на Павла не оправдались. Имп. Павел не поддался их влиянию и не стал зависимым от них «дворянским царем», а вполне сознательно, согласно своим убеждениям, сделался Царем всего Русского народа, что и доказал, вскоре по вступлении на престол, целым рядом законов и мероприятий, чем и подписал себе смертный приговор. Для подготовки и проведения в жизнь плана устранения Павла, ведущий слой, и все ущемленные в своих личных интересах люди, прибегли к старому, испытанному способу, — лжи и клевете.

Для лучшего уяснения реформ проведенных Имп. Павлом I, надо вернуться несколько назад к концу царствования Имп. Екатерины II и посмотреть в каком состоянии находилась Империя под мудрым управлением Императрицы. «В отношении финансов — пишет историк Платонов, — время императрицы Екатерины замечательно водворением у нас бумажного денежного обращения... Сначала ассигнаций было выпущено умеренное количество; размен их на звонкую монету совершался беспрепятственно, и потому ассигнации пользовались любовью населения... В конце царствования Екатерины ассигнаций обращалось уже на 150 миллионов, а разменного металлического фонда для них почти не было.... Цена асигнаций поколебалась и упала... (ассигнационный рубль стоил не дороже 68 коп.), а цена всех товаров поднялась. Таким обра-

зом денежное обращение пришло в беспорядок и дурно отразилось на всем хозяйственном обиходе страны». В своих «Лекциях по русской истории» Платонов говорит, что эпоха Екатерины «была завершением уклонений от старо-русского быта, который развивался в XVII веке и что внутренняя деятельность Екатерины узаконяла ненормальные последствия темных эпох XVIII века».

Признание же со стороны потомства Екатерина заслуживает тем, что при ней границы Русского государства, благодаря Румянцеву и Суворову были доведены до берегов Черного моря и военная мощь старинных врагов, Турции и Польши была окончательно подорвана. Все что было тогда блестящего в военном отношении носило в большинстве случаев печать Румянцева или гениальной личности Суворова. Но к этому надо добавить, что Суворов к решению главных вопросов организации военных дел не подпускался, им пользовались, когда надо было улаживать что-либо серьезное. Для более верной исторической оценки итогов царствования Имп. Екатерины II обратимся к «Замсткам по русской истории XVIII в.» умнейшего человека своего времени (по отзыву Имп. Николая I) Пушкина.

«Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства... Екатерина знала плутни и грабежи своих временщиков, но молчала. Ободренные таковой слабостью, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностью пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа: от канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно...

Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением.

Греческое вероисповедание, — отмечает Пушкин дальше, — отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер».

Имп. Петр I, прекрасно понимая все это, со всей силой обрушился на православие, как источник этого своеобразия. Екатерина по отношению к православию заняла совершенно ту же позицию.

«Екатерина, — пишет Пушкин, — явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важной своей должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии.

В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколь пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своей папу, составляло особое общество, независимо от гражданских законов, и вечно налагало суеверные законы просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все состояния от единой власти, но огражденные святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историей следственно и просвещением. Екатерина знала все это и имела свои виды». С прискорбием приходится согласиться с Пушкиным. Картину же состояния гвардии и жизни столицы прекрасно описывает В. В. Крестовский в своей повести «Деды».

Необычайно интересная статья г-жи Жанны Комарницкой в № 28 «Кадетской Переклички», — «Библиотека Первого Кадетского Корпуса в Санкт-Петербурге» полностью подтверждает мою мысль. Можно смело утверждать, что в эпоху Имп. Екатерины II наши служилые аристократия и дворянство начали воспитываться на принципах французских философов и революционеров. Либерализм, вольнодумство, атеизм и прочие плевелы пышно начали цвести с того времени и, декабристы времени Имп. Николая I были способными детьми воспитанников Екатерины, хотя свой либерализм они применяли прежде всего к самим себе, по отношению же к своим подчиненным и крестьянам были «исправнейшими помещиками».

Под конец своего царствования, Екатерина начала понимать результаты ее увлечений идеями французских философов, духовных отцов революции. Последовало запрещение масонст-

ва и высылка некоторых лиц, но к сожалению, было уже поздно, идеи эти вместе с примером французской революции дали свои плоды и воспитали поколения русских революционеров и в дальнейшем создали так называемый «орден русской интеллигенции».

Великая была Государыня Екатерина II, безусловно она желала блага своим подданным (особенно дворянству), но если желаемое добро не очищено и не проверено многократно, то оно часто приносит вместо блага — непоправимое зло.

В то время, когда на Западе начинается новая эпоха, создаваемая Бонапартом, в последний срок до окончательного кризиса Российской Империи, в 1796 г. умирает Имп. Екатерина II. Царствование, давшее ряд блестящих военных успехов, заканчивалось параличем в организации военного дела и флота. Финансы были окончательно подорваны.

В это критическое время на престол вступает Павел, ему 42 года.

Вот в каких словах описывает «Старый Кирибей» вступление нового Императора Павла I Петровича в Москву для коронования в 1797 году:

«Гудит и несется колокольный звон всех сорока сороков храмов и церквей Московских. На своей знаменитой «Помоне» Государь один, без всякой охраны, среди необозримых волн народа. Простой люд, вплоть до пекарей Московских и крепостных у царского стремени. Для каждого у Царя находится ласковое слово, слово ободрения и надежды на лучшую жизнь... — Родные мои, — приподнимаясь на стременах, звонко восклицает Павел. Как только могу, и в чем да поможет мне Бог, хочу помочь вам, облегчить вашу судьбу... — На миг толпа как-то стихает, потом видно, — многие крестятся, и вдруг от всего сердца вырывается чей-то громкий возглас: «Вот это так Царь»...

— Словно искра в пороховой погреб, возглас этот вызывает грандиозный взрыв восторга. Ликующие перекаты ура, как летом из тучи ударивший гром, навек закрепляют за Павлом звание народного Царя... — А серая красавица «Помона», с грудью что наковальня, горделиво сгибая крутую шею и перебирая своими точеными ногами, медленно продвигается к Спасским воротам, теряя одну за другой свои серебряные подковы... — По традиции все четыре подковы для коронационного торжества ковались непременно из одного и того же самородка русского серебра. Каждая подкова прикреплялась

всего несколькими гвоздями с тем, чтобы при въезде в Москву конь потерял бы на счастье народное все четыре подковы... — Какие счастливцы подняли подковы Павловского коронования? До революции одна из них еще хранилась в музее Конюшенного Ведомства...

— По совершении церковного чина священного коронования, — как сообщает изданный министерством императорского двора в 1899 году «Коронационный Сборник», нововенчанный император Павел Первый, встав с трона, громко прочел составленный им закон о порядке престолонаследия, ставший с того дня Основным Государственным Законом. Сойдя затем с трона, он вошел в алтарь и положил этот акт на жертвенник Успенского собора в особый — нарочито для того устроенный — серебреный ковчег...

— Павел Первый в вопросе о престолонаследии выше воли императора поставил незыблемый закон, прямым заданием коего является обеспечение законной преемственности Императорской власти».

В тяжелое время Павел стал императором, — во Франции бушевала революция, распространяя свои тлетворные идеи вокруг себя. Русское государство было в чрезвычайно расстроенном состоянии. Церковь была унижена и разорена. Ведущий слой наш заражен вольтерианством, масонством и атеизмом. Финансы в полном упадке, государственный долг огромен. Рекрут и солдат военное начальство разбирало в услужение и часто превращало в крепостных. Так из 400000 солдат, 50000 было разобрано в услужение. Положение крепостных, не имевших права жаловаться было бесправным и тяжелым.

«Император Павел, — пишет Август Коцебу в своих записках, — имел искреннее и твердое желание делать добро. Все, что было несправедливо или казалось ему таковым, возмущало его душу, а сознание власти часто побуждало его пренебрегать всякими замедляющими расследованиями; но цель его была постоянно чистая; намеренно он творил только одно добро. Собственную свою несправедливость сознавал он охотно. Его гордость тогда смирялась и, чтобы загладить свою вину, он расточал золото и ласки... Пред ним, как пред добрейшим Государем, бедняк и богач, вельможа и крестьянин, все были равны. Горе сильному, который с высокомерием притеснял убогого. Дорога к Императору была открыта каждому; звание его любимца никого пред ним не защищало».

Император Павел повелел привести крестьянское сословие к присяге, показав таким образом, что они такие же подданные государства, как и другие сословия. Кроме того губернаторам был разослан указ немедленно сообщать царю о всех злоупотреблениях помещиков.

Перед Зимним дворцом устанавливается ящик, ключ от него находится только у Имп. Павла. Каждый подданный мог опустить туда прошение Царю. Вводится тредневная барщина и запрет заставлять крестьян работать по праздникам. Запрещается продажа дворовых людей и крестьян без земли и запрещено разделять семейства. Казенным крестьянам было дано самоуправление и по 15 дес. земли. Прощено до 7 миллионов недоимок. Хлебная повинность, разорительная для крестьян, заменена денежной. Открыты для продажи казенные хлебные магазины, чем снижена цена на хлеб.

Эти меры, конечно, не могли привести к уничтожению крепостного права. Государь и не мог это сделать, не разрушивши всю структуру Российского государства того времени, но в сильной степени облегчало, как физическое, так и моральное состояние крестьянского сословия.

Павел прекращает щедрую раздачу государственных денег всякого рода фаворитам, что было в обычае до его воцарения. Павел считает что царь не имеет права своевольно обращаться с государственной казной. «Доходы государственные, — пишет он, — государства, а не государя и, составляя богатства его, составляют целость, знак и способ благополучия земли. Поэтому расходы должно соразмерять по приходам и согласовать с надобностями государственными и для того верно расписать так, чтобы никак не отягчать земли».

Для улучшения финансового положения, Государь приказывает перелить многочисленную серебряную дворцовую посуду и отчеканить рубли. Перед дворцом сжигается на 5.000.000 рублей бумажных денег. Мера эта поднимает курс рубля.

Следует указ Имп. Павла I об отмене телесных наказаний к лицам старше 70 лет. Возник слух, что Государь намерен вообще отменить телесные наказания для всех граждан. Одно из дворянских депутатских собраний обратилось к Государю и выразило мнение, что русский народ не созрел еще для этого. В ответ на это Павел в тот же день издает указ о неосвобождении дворян, осужденных за уголовные преступления от телесных наказаний. Если прибавить к этому указ Императора об обязательной военной или гражданской службе и уничто-

жении других вольностей и привилегий дворянства накопленных этим сословием за время управления Императриц, становится понятной вся та нелюбовь и ненависть к Имп. Павлу I, пожелавшему быть Царем Российским, а не только дворянским. Понятным становится и старания современников представить Павла, как человека ненормального, полусумасшедшего. С сожалением приходится признать, что все эти старания нашего ведущего слоя дали основание революционерам основать свои теории на сословной борьбе.

Будучи глубоко религиозным человеком, Павел прекращает административное преследование Православной Церкви и старообрядцев, Он возвращает Церкви отобранные у нее имения. Заботится об улучшении материального положения духовенства, о поднятии его духовного уровня, а также авторитета среди народных масс. Вводится награждение духовенства золотыми наперсными крестами и светскими орденами. Старообрядцы получают право иметь своих священников и до революции 1917 г. чтут память Имп. Павла I и только Имп. Николай II, завершивший указом о веротерпимости 1905 г. реформу Павла, становится им столь же близким как и его державный Предок.

В отношении армии, Павел, к сожалению, не сумел или, может быть, не имел возможности, оценить самобытность военных взглядов Румянцева и Суворова. Надо сказать, что русская армия была, пожалуй, единственной отраслью государственной жизни сохранявшей при Екатерине II русские традиции. Повторяю, гвардия находилась на обособленном положении.

«Русская армия тех времен, — пишет А. Керсновский, — мало походила на другие европейские армии. Она глубоко от них разнилась и внешним видом — просто удобной «потемкинской» формой, и устройством — будучи единственной национальной армией в Европе, и обучением — моральным воспитанием, а не европейской бездушной дисциплиной, и самой стройной тактикой».

Нездоровая же политическая и моральная атмосфера возникшая в России в царствование императриц в высшей степени отрицательно отразилась на нравах офицерства, особенно гвардии и ведущего слоя. Исключением из этого общего явления были воинские части находившиеся в подчинении Румянцева и Суворова.

Имп. Павлу ставят в вину, что он ввел в армию и гвардию

немецкие порядки, взяв в пример армию Фридриха II с ее бездушной дисциплиной, но надо принять во внимание ту обстановку, в которой проходила молодость Павла. Павел прекрасно видел, куда ведет Россию быт того времени. К сожалению, несмотря на многочисленные просьбы Павла отправить его в действующую армию, где он мог бы видеть русского солдата в бою под управлением Румянцева, Суворова и флот под командой Ушакова, Екатерина не пошла ему навстречу. Там бы он мог многое позаимствовать от них и познакомиться глубже с русской военной доктриной, тактикой и выучкой войск. Понятно, что Павел, как естественную реакцию на нравы и службу гвардии, которую он мог наблюдать постоянно, обратил свое внимание на западного соседа, которого он хорошо знал. Пожалуй, я не буду далек от истины, если выскажу мысль, что большая доля вины в этом падает на Екатерину и ее фаворитов. Будь отношение Екатерины к сыну другим, вероятно, Русской армии не пришлось бы одеть прусского образца мундиры, что, впрочем не помешало Суворовским чудо-богатырям бить такого серьезного противника, как французы, да еще в такой обстановке.

В первый же день по вступлении на престол, Имп. Павел расформировывает генеральный штаб, дезорганизованный и бессильный что-либо делать, ибо с ним совершенно не считались главнокомандующие, в силу своих связей при дворе Императрицы. На четвертый день ген. штаб сформировывается заново. Имп. Павел производит чистку офицерского состава армии и гвардии, что нашим дворянством и историками объясняется самодурством. На самом же деле являлось необходимостью в борьбе с распущенностью, казнокрадством и другими должностными преступлениями начальствующих лиц.

«Павловская муштра имела до некоторой степени положительное воспитательное значение. — Пишет А. Керсновский в Истории Русской Армии, — Она сильно подтянула блестящую, но распущенную армию, особенно же Гвардию конца царствования Екатерины. Щеголям и сибаритам, манкировавшим своими обязанностями, смотревшими на службу, как на приятную синекуру и считавшим, что «дело не медведь — в лес не убежит» — дано понять (и почувствовать), что служба есть, прежде всего, служба...

Император Павел, несмотря на всю свою строгость и вспыльчивость, любил солдата — и тот чувствовал это и платил Царю тем же. Безмолвные шеренги плачущих гренадер, мол-

ча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11-го марта 1801 года являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории Русской Армии».

Имп. Павел обращает серьезное внимание на улучшение солдатского быта. Построено было много казарм, что уничтожало вредное влияние постоя. Увеличено жалование, пенсия упорядочена. Строго запрещены вольные работы, чтобы не отвлекать войска от их прямого назначения. Награждение орденами, бывшее раньше привилегией офицерства, распространено и на солдат. Кроме армии Имп. Павел живо интересуется и вопросами благоустройства флота и интересами России на морях.

Остается еще коснуться величайшей интриги сплетенной вокруг Имп. Павла и Суворова. В ненормальных отношениях, сложившихся между Павлом и Суворовым, нельзя винить одного только Павла, но надо отдать должное и невоздержанности на язык Суворова, что, конечно, с радостью и преувеличением доносилось Павлу. Больше всего вина падает на врагов Павла и Суворова, все тех же личностей приближенных к Императору, во главе с графом Н. Паниным и графом П. Паленом, ген. губернатором Ст.-Петербурга, злым гением Павла, будущих убийц Царя, не щадивших труда, оговаривать Царю Суворова и клеветать Суворову на Царя, в чем они достигли успеха. Суворов все же был уволен в отставку вовсе не за критику военных реформ Павла, как это обычно изображается, а по чистой клевете.

Графиня Головина пишет, что князь Репин получил письмо от графа Михаила Румянцева (сына фельдмаршала), служившего в чине ген. лейтенанта под командой Суворова. Румянцев был человеком ограниченным, обладавшим большой гордостью и талантливым интриганом. С ним Суворов обращался по заслугам, что и вызвало у Румянцева желание отомстить Суворову. Румянцев написал кн. Репину, что будто бы Суворов волнует умы готовит бунт. Кн. Репин хоть и понимал всю лживость этого письма, но не мог отказать себе в удовольствии навредить Суворову, которому завидовал. Он сам доложил о письме Императору и в результате Суворов был сослан в свое имение. Справедливость требует заметить, что Павел вызвал Суворова в Ст.-Петербург. Перед этим Суворов написал Императору письмо с просьбой о помиловании, но по приезде в столицу, начал критиковать и осмеивать новые правила службы, обмундирования и снаряжения, не только за

глаза, но и в присутствии Государя. Павел переламывал себя и оказывал Суворову необычайную снисходительность и недоумевал о причинах упорства Суворова, которого со своей стороны безусловно подстрекали, как могли. Наконец Павлу это надоело и он не удерживал Суворова, когда тот заявил, что он хочет вернуться в свое имение. Но мы также знаем, что когда появилась необходимость в опытном полководце, Павел вызвал Суворова и поставил его во главе Экспедиционного Корпуса.

Император написал ему следующий рескрипт:

«Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться. Виноватого Бог простит! Римский Император требует Вас в начальники своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на то согласиться, а Ваше — спасать их. Поспешите приездом и не отнимайте у славы Вашей время, у меня удовольствия Вас видеть.

Пребываю к Вам благожелательный Павел».

По возвращении Суворова из Италийского похода, Государь осыпает его милостями и наградами, но тут выступают опять будущие убийцы Павла I и прибегают как обычно к клевете. Пален докладывает Императору, что во время походов в Европе, солдаты и офицеры Суворовской армии постоянно нарушали военный устав: рубили на дрова алебарды, не носили ботинок, офицеры побросали эспантоны и тому подобное. Относительно самого Суворова, Пален клеветал, что он, став кузеном Сицилийского короля, зазнался и ни во что не ставит награды, которыми отличил его Павел I и, что он умышленно не спешит в Ст.-Петербург, где ему готовили триумфальную встречу. При каждом удобном случае Пален докладывал Императору о вызывающем поведении Суворова. Апофеозом всей клеветы было когда Пален доложил Царю, что Суворов просит разрешения ходить в столице в австрийском мундире!.. И весьма правдоподобной кажется мысль, что Зубовы, замужем за одним из них была дочь Суворова, будучи сами в заговоре, старались очернить Государя и настраивали Суворова на всякие выходки, подтверждающие мысли Павла о «вызывающем поведении» знаменитого фельдмаршала.

Пален и другие заговорщики торжествовали. Суворову, недоумевавшему чем он не угодил Императору, не было устроено никакой встречи, Павел же не мог понять «странного» поведения Суворова. Для широкой публики это «поведение»

Павла давало возможность заговорщикам лишний раз обвинить Императора в ненормальности. Враги Павла тщательно распускают слухи о сошествии его с ума. Все что ни предпринимается Императором, дополняется такими подробностями и преподносится так, чтобы представить Его полусумасшедшим. Все распоряжения Павла по мере возможности умышленно искажаются и утрируются. Заговорщики широко пользуются провокацией, клеветой и не гнушаются самых гнусных интриг. Оно и понятно, не могли же они мотивировать свой заговор тем, что Павел стремился стать «народным Царем». Они преследовали свои определенные цели, — востановить вольности дворянства и опять закрепить за собой крестьянское сословие. Так постепенно подготовлялось общественное мнение.

По этому поводу Ключевский писал: «Собрав все анекдоты, подумаешь, что все это какая-то пестрая и довольно бессвязная сказка; между тем в основе правительственной политики (Имп. Павла) внешней и внутренней, лежали серьезные помыслы и начала, заслуживающие наше полное сочувствие... Павел был первый противодворянский царь этой эпохи, а господство дворянства и господство, основанное на несправедливости, было больным местом русского общежития во вторую половину века. Чувство порядка, дисциплины, равенства было руководящим побуждением деятельности Императора, борьба с сословными привилегиями — его главной целью».

Ко всему этому надо прибавить, что Павел, разочаровавшись в своих союзниках Австрии и Англии и, оценив их по существу, заключил с Бонапартом союз и они готовили сообща удар по Англии через Индию. Бонапарт к тому времени угасил французскую революцию. Это и привело Англию к решению помочь заговору для низложения Имп. Павла. Посол Англии Чарльз Уинтворт, высланный Павлом за неблаговидную деятельность; после убийства, передал через свою любовницу О. Жеребцову, сестру Зубовых, два миллиона рублей для заговорщиков. Возникает вопрос, какие же суммы английского золота были переданы раньше в Россию для организации заговора? Точно такую же предательскую роль сыграл посол Англии Бьюкенен в революции в России в 1917 г.

Пален усиленно внушает В. К. Александру, что ненормальность Павла представляет угрозу не только государству, но и царской семье и, что у Павла существует намерение заточить в монастырь, или крепость, как супругу Марию Феодо-

ровну, так и Александра, устранив его таким образом от престолонаследия. Всеми способами Пален старается вовлечь Александра в заговор, но безрезультатно и, только после долгих провокаций и лжи, убеждает Александра согласиться на устранение отца, дав ему клятву, что жизнь Императора будет сохранена и ему не причинят никакого зла. Одновременно он, по мере возможности, старается настроить Павла против сыновей, внушая ему мысль о неблагонадежности их в смысле желания устранить отца и воцариться Александру самому. Надо признать, что и тут ему удалось посеять плевелы сомнения у Павла и в день убийства, Павел распорядился подвергнуть Александра и Константина домашнему аресту.

«Император Павел, — пишет в своих записках Н. Саблуков, офицер Л. Гв. Конного Полка, — был истинным христианином, человеком глубоко религиозным, отличался с раннего детства богобоязненностью и благочестием. По взглядам своим это был совершенный джентльмен, который знал как надо обращаться с истинно-порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали к родовой или служебной аристократии. Я находился на службе в течение всего царствования этого Государя, не пропустил ни одного учения или вахт-парада и могу засвидетельствовать, что хотя он часто сердился, но я никогда не слышал, чтобы из уст его исходила обидная брань...

... И, действительно, это был человек в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды и повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман, заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же лихоимство и взяточничество...

Об Императоре Павле принято обыкновенно говорить, как о человеке, чуждом всяких любезных качеств, всегда мрачном, раздражительном и суровом. На деле же характер его вовсе не был таков... Павел Петрович был полон жизни, остроумия и юмора; он был добродетелен и ненавидел распутство; был строг относительно всего, что касалось государственной экономии, стремясь облегчить тяготы, лежащие на народе; весьма щедр в раздаче пенсий и наград. В основе характера этого императора лежало истинное великодушие и благородство и несмотря на то, что он был ревнив к власти, он презирал тех, кто раболепно подчинялся его воле, в ущерб правде и справедливости, и наоборот уважал людей, которые бес-

страшно противились вспышкам его гнева, чтобы защитить невинного... Он знал в совершенстве языки славянский, немецкий и французский, был хорошо знаком с историей, географией и математикой»...

Вот что пишет в своих воспоминаниях княгиня Ливен:

«Хотя фигура его была обделена грацией, он далеко не был лишен достоинств, обладал прекрасными манерами и был очень вежлив с женщинами... Он обладал литературной начитанностью и умом бойким и открытым, склонным был к шутке и веселию, любил искусство; французский язык знал в совершенстве, любил Францию, а нравы и вкусы этой страны воспринимал в свои привычки. Разговор вел скачками, но всегда с непрестанным оживлением. Он знал толк в изощренных и деликатных оборотах речи. Его шутка никогда не носила дурного вкуса и трудно представить себе что-либо более изящное, чем короткие, милостивые слова, с которыми он обращался к окружающим в минуты благодушия. Я говорю это по опыту, потому что мне не раз, до и после замужества, приходилось соприкасаться с Императором.

Гнев и раздражительность Павла были ничем иным как болезненными припадками, возбуждаемыми по самым различным причинам. От себя хочу заметить, что обстановка, постоянные интриги и люди того времени привыкшие к синекуре за время Екатерины и ангела могли бы вывести из себя. Как пример приведу такой простой случай: князю Ливену Император повелевает прочесть рескрипт с благоволением какому-то полку, отправлявшемуся в поход. Рескрипт этот Ливен должен был прочесть на параде после того как Император прочтет свой приказ. Огласив приказ, Имп. Павел обращается к свите и говорит: «Ливен читай», — а Ливена нет, — он забыл, что ему предстояло читать рескрипт. Поставьте себя на место Императора, что бы Вы сделали?

Имп. Павел послал адъютанта на квартиру Ливена, где он передал ему одно слово: «Дурак».

Вот истинный образ, совершенно противоположный ходячему представлению о Павле Петровиче, так усердно распространяемому нашей «интеллигенцией» и историками, связанными с идеологией тех тайных обществ, где решалась суьба несчастного Императора-мученика.

Император Павел I занял в истории Российской совершенно особое положение. Он стал Царем всего народа и старался вернуть государство на рельсы общих народных интересов и

Церкви, а не одного соловия по примеру Запада. Этим он нажил многочисленных личных врагов из представителей высшего ведущего слоя, не отличавшихся моральной устойчивостью. К концу своего, к сожалению, короткого царствования Имп. Павел, разочаровавшись в политике Англии и убедившись в ее вероломности, сближается с Первым Консулом Франции Бонапартом. Государственным умом своим Павел понял, что интересы России не в борьбе с Францией, шедшей к монархии, а противоположны интересам Англии и Австрии, желавшим русскими руками таскать из огня каштаны. Имп. Павел объявил войну Англии, заключив военный союз с Бонапартом. Был выработан общий удар по Индии и Павел отправляет в разведовательный поход казаков. Истина требует добавить, что это его мероприятие всеми силами и возможностями искажается и саботируется всеми врагами Павла, окружающими его.

Этой переменой своей внешней политики Имп. Павел вызывает у врагов своих, как внешних, так и внутренних, стремление убрать его с политической арены. Тайные вершители судеб Европы через масонство и связанную с ним Англию приступают к исполнению приговора над ним; английское золото льется в карманы заговорщиков-масонов. Всеми доступными им способами они, провоцируя и клевеща, выставляют Императора сумасшедшим, получая поддержку, ущемленного в своих интересах дворянства. Я не хочу огульно обвинять все сословие, безусловно было много исключений. Вот эта концентрация личной ненависти, классовых вожделений и холодного расчета могущественных и бессовестных врагов несчастного Имп. Павла Петровича и приводят к его гибели.

К сожалению, перед 11 марта, по навету Палена, Павел удаляет Аракчеева и Ростопчина, верных ему людей и только в последний день, почувствовав неладное, вызывает Аракчеева, но по распоряжению Палена его задерживают на заставе при въезде в столицу до утра, что заставляет заговорщиков в эту же ночь расправиться с Императором.

Всех заговорщиков было около 60-ти человек. В записках Фонвизина мы читаем: « ... Вот кто были лица, мне и всем в то время известные: с.-петербургский военный ген.-губернатор граф фон-дер-Пален; вице-канцлер граф Н. П. Панин; князь **Платон** Зубов — шеф 1-го кадетского корпуса; братья его: Валериан — шеф 2-го кадетского корпуса — и **Николай;** генерал-майор Бенигсен и Талызин — командир Преображенско-

го полка и инспектор с.-петербургской инспекции; шефы полков: Кексгольмского — Вердеревский; Сенатских батальонов — Ушаков; 1-го Артиллерийского полка — Тучков; командиры гвардейских полков: Уваров — Кавалергардского; Янкович-Демириево — Конногвардейского; Депрерадович — Семеновского, и князь Вяземский — шеф 4-го батальона Преображенского полка; того же полка полковники: Запольский и **Аргамаков;** капитан Шеншин и штабс-капитан барон Розен; поручики: Марин и Леонтьев; два брата Аргамаковы; граф Толстой — Семеновского полка полковник; князь Волконский — адъютант в. к. Александра Павловича; поручики: Савельев, Кикин Писарев, Полторадский, Ефимович; Измайловского полка полковник Мансуров; поручики: Болховской, **Скарятин** и Кутузов; Кавалергардского полка полковник Голенищев-Кутузов; ротмистр Титов; поручик Горбатов; артиллерист полковник князь **Яшвиль;** поручик **Татаринов;** флотский капитан командор Клокачев. В заговоре, кроме военных, участвовали несколько придворных и гражданских лиц и даже отставных».

Привожу эту выписку с перечнем заговорщиков, чтобы показать к какому слою общества принадлежали эти Иуды, забышшие присягу и поднявшие руку на своего прирожденного Государя. Физические убийцы подчеркнуты мной.

Возникает одно непредвиденное для заговорщиков обстоятельство. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. дворцовый караул в Михайловском замке несла Конная Гвардия, вернее эскадрон преданного Павлу полковника Саблукова. Пален клевещет на Конную Гвардию и внушает Государю мысль о ненадежности К. Гв. и добивается того, что Император отсылает караул Конной Гвардии в казармы и в караул вступают Семеновцы, чьим шефом был В. К. Александр.

Вечером 11 марта на общем собрании заговорщиков был окончательно выработан план и распределены роли. После обильных возлияний, находясь в сильно возбужденном алкоголем состоянии, проникают заговорщики во дворец, куда проводит их задними ходами Аргамаков. Вход в спальню преграждают два камер-гусара, один из которых падает убитым, другой, раненый, бежит к караулу за помощью. Ворвавшись в спальню во главе пьяных заговорщиков, Бенигсен спрашивает Павла согласен ли он подписать отречение. Император, отдавая себе отчет зачем эти люди пришли, спрашивает их: «Что я вам сделал»? Вот как кратко описывает сцену цареубийства Н. Потоцкий: — «Не разговаривай!» —грубо кричит

ему в ответ Николай Зубов и бьет Императора Павла по руке. А когда инстинктивным жестом защиты Павел отталкивает его от себя, пьяный злодей изо всей силы ударяет Императора в висок массивной золотой табакеркой. Громко застонав, несчастный Царь падает на пол. Как по сигналу, как дикие звери, эта шайка — Яшвиль, Скарятин, Татаринов, Зубовы — бросаются на того, в верности кому они клялись на кресте и Евангелии. Скрежеща зубами и изрыгая грубейшие ругательства, эти звери колят Царя-Мученика шпагами, бьют его кулаками, топчут ногами... и наконец Скарятин набрасывает ему на шею свой офицерский шарф, а Яшвиль затягивает этот шарф до того мгновения, когда они уже видят, что перед ними бездыханное тело».

Семеновский караул в ответ на крики камер-гусара, схватив без команды ружья, бросается со штыками на перевес по лестнице наверх к спальне Императора. Стоявший наверху Бенигсен, сохраняя самообладание, командует: — «Караул, стой! К ноге! Смирно!» — Солдаты автоматически исполняют эту команду и Бенигсен объявляет им, что Император Павел скончался от апоплексического удара и на престол вступил Император Александр I.

Угрюмо молчат солдаты и подчиняются команде караульного начальника, которому приказано увести караул. Приведенный Паленом, присутствует при этом Александр, потрясенный подлым нарушением клятвы.

Надо еще упомянуть, что за несколько дней до 11 марта в Неву вошла яхта английского Адмиралтейства, чтобы принять на борт заговорщиков, в случае неудачи.

Мученической кончиной окончилось короткое царствование оклеветанного Русского Монарха, деятельностью своей заслуживающего название Русского Царя.

Не стоит останавливаться на той буре восторга, который не прикрываемый ничем прорывался среди большинства аристократии того времени. Ликование было бурным. «Тиран умер». Ликовал ведущий класс государства, чая возвращения к временам императриц и временщиков, и всяческих благ для себя. Им вторило большинство дворянства, надеясь на возвращение старых льгот и связанных с ними материальных благ.

А народ, — народ молчал, скорбно переживал цареубийство и молился за Царя. То же было и в армии, — «Радуйтесь братцы — тиран умер», — сказал офицер, обращаясь к своим гренадерам. Солдаты отвечали: — «Для нас он был не тиран, а отец».

Солдаты Конной Гвардии, как описывает Саблуков, отказались присягать Александру, пока они не увидят Имп. Павла мертвым. Из посланного во дворец знаменного взвода, несколько человек были допущены к изуродованному и загримированному телу Императора. По возвращении взвода со штандартом, Саблуков спросил правофлангового: — «Что же, братец, видел ты Государя Павла Петровича? Действительно он умер? — Так точно, ваше высокоблагородие, крепко умер».

В чьих интересах было убийство Имп. Павла I кроме масонов и Англии, показывает восстановление жалованой грамоты дворянству Имп. Александром I, которое возвело на престол неопытного В. Князя совершенно так же, как это практиковалось в XVIII веке. В дальнейшем же все получилось так же как было при Екатерине II, давшей эту грамоту дворянству, будучи обязанной ему престолом. Интересные строки мы находим у известного историка В. Кн. Николая Михайловича, где он пишет, что — «дворянство было всегда ненавистно Александру, а корень ненависти к нему связывался не с крепостным правом, а с ролью дворянства в событии 11 марта, не забытых Государем в течение всей его жизни».

Вот что мы читаем в «Павловском гобелене» — Старого Кирибея.

— «Полностью сбылось предсказание прозорливого инока Александро-Невской Лавры Авеля, — прозванного «Вещим», — сделанное им лично Императору Павлу Петровичу: — «Коротко будет царствование Твое, и вижу я, грешный, лютый конец Твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь Ты на Царственной груди Своей. В Страстную субботу погребут Тебя... Они же злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят Тебя безумным, будут поносить добрую память Твою. Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит Тебя и к гробнице Твоей понесет скорби свои, прося заступничества и умягчения сердец судей неправедных и жестоких»... За это предсказание свое инок Авель-Вещий, по распоряжению Санкт-Петербургского военного губернатора Палена, был заточен в Петропавловскую креость «за возмущение душевного сокойствия Его Величества». В ней он пережил исполнение своего пророчества, и был освобожден по приказанию Александра Первого, как только Ему доложили об этом случае»...

— «Глубоко православным был убитый масонами Имп. Па-

вел I, память коего, как и Царя Иоанна Грозного, доселе чтится народом, прибегающим к их молитвенному заступничеству в случаях страданий от вопиющих неправд»... — пишет Н. Д. Тальберг в своей книге «Святая Русь».

Государь Император Павел I Петрович является первой венценосной жертвой на алтаре нашего Отечества в борьбе его с ополчившимся мировым злом, одним из главных задач которого, является борьба с христианством и мне думается, что он по справедливости является не ново, а — «старо-мучеником» российским.

Существует мнение, не будь Имп. Петра I с его буйной деятельностью, не устояла бы Россия перед натиском Европы. Вероятно, оно справедливо. Вся беда наша в том, что характером своей деятельности Петр I принес Россию в жертву Западу, искоренив национальные формы и загнав под спуд русскую православную суть.

Красной нитью проходит в нашей истории борьба нашего «ведущего слоя» с князьями, позже с царями и императорами за власть и привилегии. Вначале, по своей личной инициативе, позже, когда наш ведущий слой подпал под влияние и контроль тайных обществ, уже под их влиянием и руководством.

Своим острым государственным умом, понял Имп. Павел I на какие пути нужно направить государственный корабль. Его можно сравнить по значению в нашей отечественной истории с Имп. Петром I. Разница в идеологической деятельности в том, что Петр ломал русскую суть, облекая ее в иностранные формы и вливая в них западное мировоззрение, — Павел же оставляя Петровскую форму, стремился возвратить содержание ее на Русскую Православную платформу.

Неугасимым светочем стоит фигура Императора Павла I на фоне истории нашего Отечества, освещая путь его по дорогам бытия и до конца пути этого, руководятся Цари наши заветами их Державного Предка.

Убиенному Государю Императору Павлу I Петровичу — Вечная Память.

В. Г. Глинин.

ИСТОЧНИКИ.

Н. Д. Тальберг — "Отечественная быль", "Святая Русь".
С. Ф. Платонов — «Учебник Русской Истории».
Н. Потоцкий — "Император Павел Первый".
В. И. Мещанинов — "Записки".
Б. Башилов — "Рыцарь времен протекших".
«Цареубийство 11 марта 1801 г.» — Записки участников и современников.
В. Крестовский — "Деды".
Старый Кирибей — "Павловский Гобелен".
А. А. Керсновский — "История Русской Армии".
П. Н. Богданович — "Аракчеев".

«БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ».

(См. "Перекличку" № 26)

Статья эта, как можно было видеть из редакционного подзаголовка, была в виде доклада прочитана на 7-м Кадетском Съезде в Буживале в июле прошлого 1980 года. Надо сказать, что полный текст доклада, приготовленного для Съезда, из-за большого количества вопросов, подлежавших обсуждению на Съезде, не мог быть прочитан полностью и подвергся значительному сокращению в той его части, которая не относилась непосредственно к Белому движению.

Таким образом вся первая часть доклада, имевшая целью напомнить причины, породившие в офицерской среде контрреволюционные настроения, оформившиеся затем в открытую вооруженную борьбу против большевиков, была на Съезде изложена очень сжато и это лишило доклад задуманного исчерпывающего его характера.

Теперь я пользуюсь еще раз страницами «Переклички», любезно мне предоставленными ее редактором, для того чтобы восстановить полный текст, до произведенного сокращения, той части доклада, которая была, для экономии времени участников Съезда, сокращена до минимума, и тем самым дать более ясное представление об обстановке, создавшейся в армии в период от начала революции в марте 1917 года и до ноябрьского переворота.

Хочу все же предупредить читателей о том, что в печатаемом ниже тексте им встретятся некоторые неизбежные повторения, но более подробные и содержательные, того, что в краткой форме было уже одними услышано в Буживале, а другими прочитано в № 26-м «Переклички».

К. Перепеловский.

12 марта (все числа по новому стилю) 1917 года в Петрограде, после четырехдневных беспорядков, переродившихся в революцию, несколько членов Государственной Думы, представлявших в ней революционные партии, наскоро созвали депутатов от воинских частей гарнизона, от рабочих фабрик и заводов и от населения столицы и создали таким упрощенным способом Совет рабочих и солдатских депутатов, сразу же, через посредство входивших в него представителей воинских частей, захвативший фактическую власть над гарнизоном Петрограда и его окрестностей.

Состав Совета был крайне разнороден, но главную массу его членов составляли 2 тысячи тыловых солдат и 800 рабочих, в большинстве своем совершенно неграмотных в политическом отношении. Поэтому центр тяжести всей работы, руководства и влияния перешел в Исполнительный комитет Совета, составленный почти исключительно из социалистических интеллигентских элементов. Самую уничтожающую критику Исполнительного комитета дал один из его членов В. Б. Станкевич, офицер (поручик) военного времени, политический клеврет Керенского, назначенный впоследствии комиссаром Северного фронта. Станкевич говорит между прочим: «Поражающей чертой в личном составе комитета является значи-

тельное количество инородческого элемента. Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмерно их численности, и в Петрограде, и в стране».

По этому же поводу генерал Деникин замечает в своих «Очерках русской смуты»: «Такое исключительное преобладание инородческого элемента, чуждого русской национальной идее, не могло, конечно, не повлиять на все направление деятельности Совета в духе гибельном для русской государственности».

Так был создан положивший начало так называемому двоевластию параллельный с Временным правительством, образованным тремя днями позже, орган неофициальной, но более сильной власти, явно тяготевшей к большевизму и пораженчеству и опиравшийся на 160-тысячный гарнизон столицы и на 400 тысяч рабочего населения.

Сразу же после своего сформирования Временное правительство, составленное из представителей либеральной интеллигенции, оказалось в плену у мятежного гарнизона Петрограда, одержавшего легкую победу над малочисленными защитниками старого строя, руководимыми, вернее сказать — совсем не руководимыми, растерявшимися начальниками. Это свое подчинение правительство сейчас же само зафиксировало декларацией о неразоружении и невыводе из Петрограда, якобы для защиты революции, воинских частей, принимавших участие в мятеже.

С первых же своих шагов Временное правительство обнаружило полную свою зависимость от Совета, который путем постоянного давления заставлял правительство исполнять предъявляемые ему Советом требования, и которому оно не могло противопоставить ни силы, ни твердой воли к сопротивлению. В сотав правительства вошел, сначала как министр юстиции, а затем — военный и морской, представитель революционной демократии товарищ председателя Совета Керенский, типичный представитель левой интеллигенции, адвокат по профессии, человек с огромным самолюбием и болезненно тщеславный.

Для характеристики взаимоотношений, создавшихся между Советом и правительством, можно привести выдержку из письма военного министра Гучкова, одного из главных деятелей революции в марте, генералу Алексееву, датированного 22-м марта: «Временное правительство не располагает никакой властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех

размерах, как допускает Совет, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно смело сказать, что Временное правительство существует только пока это допускает Совет».

У лишенного поддержки Петроградского гарнизона Временного правительства была еще в те дни сила, на которую оно могло бы опереться, пока до нее не дошло еще разлагающее влияние Совета. Силой этой была Действующая армия.

В начале революции почти весь командный состав и вообще подавляющая часть офицерства Действующей армии, больше всего озабоченные предохранением армии от разложения, были на стороне Временного правительства, повиноваться которому призывал войска отрекшийся Император в своем последнем обращении к армии 21 марта. Приказывал подчиняться новому правительству через своих прямых начальников и Великий Князь Николай Николаевич, назначенный Государем перед своим отречением на пост Верховного Главнокомандующего.

Это признание Временного правительства законным преемником Верховной государственной власти было тем более понятно, что престиж старого режима был безвозвратно подорван в глазах большинства офицеров, так что почти никто из них не мог уже больше верить в возможность победного окончания войны без радикальных перемен в управлении государством, в то время как все заявления министров Временного правительства и лидеров либеральной интеллигенции, призванных к управлению страной, говорили о том, что целью совершившегося переворота является именно стремление обеспечить России возможность довести войну до победного конца.

Но продолжение войны до победы требовало уберечь армию от надвигавшегося развала, уже захватившего тыл, и поэтому за сохранение боеспособности армии началась борьба между командным составом, сопротивлявшимся последствиям разлагающего войска влияния Совета, с одной стороны, и социалистическими партиями с большевиками во главе, с другой, боровшимися за так называемую «демократизацию» армии.

Началась эта борьба еще до образования Временного правительства. Чтобы предупредить и парализовать попытки Временного комитета Государственной Думы, предшественника Временного правительства, подчинить себе солдатские мас-

сы, Советом был издан «приказ № 1» о немедленном проведении во всех воинских частях выборов в комитеты и о подчинении всех воинских частей в их политических выступлениях только Совету и своему выборному комитету. Все имеющееся в части вооружение должно было впредь находиться в распоряжении и под контролем ротных комитетов, и ни в коем случае, не должно было выдаваться офицерам даже по их требованию. Приказ отменял также обязательное отдание чести вне службы и прежнее титулование офицеров.

Значение приказа № 1 было огромно. Он в корне подрывал всякий начальственный авторитет офицеров, передавая власть над солдатами в руки наиболее революционно настроенных солдат.

После образования Временного правительства и протеста его военного министра Гучкова против издания этого приказа, Советом был опубликован приказ № 2, разъяснявший, что оба приказа относятся только к войскам Петроградского военного округа. Но приказ № 1 уже успел получить широкое распространение, и к апрелю месяцу в Действующей армии и в тылу действовали почти повсюду самочинно возникшие комитеты, и военный министр, поставленный перед совершившимся фактом, не мог сделать ничего другого, как легализировать существование таких комитетов, с течением времени, под влиянием прогрессирующей деморализации армии, превратившихся в демагогические солдатские советы.

Характеризируя вкратце действительное назначение солдатских комитетов, приведем, забегая несколько вперед, выдержку из воспоминаний Буденного: в июле 1918 года, — говорит Буденный, — тогда помощник командира красного кавалерийского полка, действовавшего против частей Донской армии, — несколько приехавших в его полк молодых большевиков-пропагандистов настойчиво требовали проведения, в создававшихся тогда регулярных частях Красной армии, выборов в солдатские комитеты по образцу существовавших в старой армии после мартовской революции. Вполне резонно Буденный отвечал им, что комитеты были в то время нужны для разложения старой армии, но совершенно излишни теперь, поскольку Красную армию нужно всячески укреплять, а не разрушать. Старый вахмистр, ничего общего не имевший с профессионалами революции, верным солдатским чутьем угадал скрытую мысль авторов приказа № 1.

Комитеты, ротные, полковые, дивизионные, армейские и вся-

кие другие, послужили орудием борьбы с командным составом, и главной их задачей стало преодоление того препятствия, которое мешало дальнейшему «углублению революции» в войсках. Препятствием этим и был командный авторитет офицеров, а красугольным камнем, вокруг которого шла борьба, было сохранение в армии дисциплины, как основного фактора ее боеспособности.

Круг ведения комитетов ограничивался первоначально вопросами хозяйственными и просветительными. Но с первых же дней своего существования, уступая давлению наиболее революционно настроенных своих членов и по инициативе проникших в их состав крайних социалистов и большевиков, комитеты повели борьбу за расширение своих прав, вмешиваясь в вопросы строевой и боевой службы, ослабляя и дискредитируя власть и авторитет командного состава. Понемногу установилось фактическое право комитетов смещать и выбирать начальников. Положение начальника, которому комитет «выражал недоверие», становилось совершенно невозможным, и ему оставалось только уйти из части. Особенно страшным было, конечно, стремление комитетов вторгаться в боевые распоряжения начальников, затрудняя, или делая совершенно невозможным, ведение боевых действий.

Между командным составом, стремившимся предотвратить окончательный развал армии, и крайними социалистическими партиями, представлявшими разрушающую силу революции, оказалось Временное правительство, состоявшее из типичных русских интеллигентов, людей может быть честных и идейных, но совершенно не понимавших ни жизни, ни быта армии и не знавших исторических законов ее существования, неспособных, к тому же, сопротивляться требованиям Совета. На словах, в речах своих министров и в своих воззваниях и призывах, правительство продолжало развивать мысль о необходимости продолжать войну до победы, но на деле, под непрекращающимся давлением Совета оно все время уступало солдатской массе, не желавшей больше воевать и неудержимо стремившейся к немедленному миру.

После ряда мер по «демократизации армии», как введение комитетов, упразднение дисциплинарной власти начальников, отмена смертной казни, уничтожение военно-полевых судов, назначение комиссаров при командующих армиями, главнокомандующих фронтами и Верховном Главнокомандующем, правительство прислало в Ставку проект приказа, получившего

название «декларации прав солдата», разработанный совместно военной секцией Совета и правительственной комиссией. В предоставлении солдатам прав проектируемая декларация шла так далеко, что вызвала горячий протест Ставки и всех главнокомандующих, а военный министр Гучков, сам сторонник демократизации армии, отказался ее подписать и сложил с себя звание военного министра, «не желая разделять ответственности за тяжкий грех, творящийся в отношении родины».

Несмотря на протесты Ставки, Керенский, заменивший ушедшего в отставку Гучкова на посту военного министра, немедленно подписал и обнародовал декларацию «прав», сразу же воспринятую солдатами как отрицание каких-либо обязанностей. Среди прочих прав, дарованных декларацией, было и право принадлежать к любой политической организации и открыто высказывать свои политические убеждения, иначе говоря — вести пропаганду. Все печатные издания, газеты, прокламации, листовки, должны были допускаться в армию беспрепятственно, и двери казарм и входы в окопные землянки широко раскрылись перед большевистской и другой пораженческой литературой.

Опубликование декларации дало повод генералу Деникину, тогда главнокомандующему Западным фронтом, сказать в своем выступлении на совещании министров и главнокомандующих 29 июля в Ставке, что «когда говорят, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно, армию развалило военное законодательство последних четырех месяцев, а большевики лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма».

Со времени возвращения Ленина из эмиграции в Россию, 16 апреля 17-го года, активность партии большевиков, переименованной в «коммунистическую партию», чрезвычайно возросла, дойдя до открытого вооруженного выступления против Временного правительства в Петрограде 16-18 июля, легко, впрочем, подавленного Владимирским военным училищем и казаками. Главным своим лозунгом большевики избрали «долой войну, вся власть советам!», больше всяких других отвечавший настроениям солдатской массы, стихийно не желавшей больше воевать.

Ободренные декларацией прав, комитеты еще более энергично продолжали свою борьбу против командного состава армии. Пользуясь провозглашенным Советом лозунгом — «мир без аннексий и контрибуций!», большевики и другие по-

раженцы из состава комитетов, так же как их печатные органы, получившие широкий доступ в армию, подстрекали темные солдатские массы к неисполнению боевых приказов и к братанью с неприятелем. Солдатам внушалась мысль, что командный состав является классовым врагом, преследующим во всех своих действиях лишь возврат к старому режиму и только свои личные интересы. Солдатам говорилось, что единственным препятствием на пути к немедленному миру являются только офицеры. Солдаты натравливались на офицеров, и во многих частях жизнь командного состава становилась совершенно невозможной. Офицеров оскорбляли на каждом шагу, часто по ним стреляли, их убивали, жгли в топках кораблей, топили в море. Отсюда и получил начало разрыв между офицером и солдатом, постепенно превратившийся в пропасть.

Решение Временного правительства продолжать войну до победного конца «при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников» (декларация Вр. пр-ва 27 марта), ставило правительство и Верховное командование перед вопросом об исполнении взятых на себя Россией на союзной конференции в Петрограде в феврале 1917 г., еще до революции, обязательств перейти в наступление весной 1917 года. Верховный Главнокомандующий генерал Алексеев, его начальник штаба генерал Деникин и генерал Юзефович, генерал-квартирмейстер Ставки, совершенно единомышленно считали необходимым наступление, так как оставаясь пассивной и лишенной побудительных причин к боевой работе, армия несомненно и быстро догнила бы окончательно, а успешное наступление могло бы оздоровить войска и вернуть солдатам утраченное чувство патриотизма. Победа в войне давала мир внешний и некоторую возможность мира внутреннего.

Начало наступления, назначенное первоначально на май месяц, по разным причинам все откладывалось, и эту отсрочку Временное правительство использовало для большой агитационной работы в войсках. Начался «ораторский» период войны. По позициям и по тылам армий разъезжали посылаемые правительством ораторы и уговариватели, и полились речи, взывавшие к революционной сознательности и призывавшие солдат к исполнению их воинского долга. Ездил и уговаривал и сам военный министр Керенский, получивший от остряков титул «главноуговаривающего».

1 июля, после отличной артиллерийской подготовки перешли в наступление 7-я и 11-я армии Юго-Западного фронта.

Первые два дня наступления в направлении на Львов проходили успешно, однако очень быстро наступательный порыв войск спал, и армии начали топтаться на месте; наступать дальше пехота явно не хотела. Были случаи, когда полки, подойдя вплотную к покинутым противником окопам, возвращались назад под предлогом, что наша артиллерия так разрушила эти окопы, что негде будет ночевать.

6 июля, нанося вспомогательный удар в направлении на Калуш, перешла в наступление 8-я армия генерала Корнилова. И здесь повторилась та же картина: сначала атака имела успех, оборона противника была прорвана, и наши войска продвинулись на 25-30километров. Затем самый небольшой нажим непрятеля заставил всю 8-ю армию в полном беспорядке отхлынуть назад.

К 14-15 июля наступление замерло окончательно. Воевать солдаты больше не желали.

19 июля подтянутые германским командованием резервы нанесли сильный контрудар и, прорвав фронт 11-й армии, повернули на юг, выходя на тылы 7-й и 8-й армий. И армии Юго-Западного фронта панически бросились назад, бросая свою артиллерию и запруживая все дороги в тыл дезертирами. Путь их был обозначен пожарами, насилиями над мирными жителями, грабежами и убийствами.

21 июля главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Гутор, впавший в состояние прострации, был смещен и на его место был назначен командующий 8-й армией генерал Корнилов.

Впечатление, произведенное этой катастрофой, получившей название «Тарнопольского разгрома», было настолько сильно, что вызвало резкую перемену в настроении войсковых комитетов. 22 июля комиссар и комитеты 11-й армии послали Временному правительству телеграмму: «Большинство частей находятся в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, убеждения потеряли силу, на них отвечают угрозами, а иногда и стрельбой. На протяжении сотни верст тянутся в тыл вереницы беглецов с ружьями и без них. Положение требует самых серьезных мер. Сегодня главнокомандующим (уже генералом Корниловым. К. П.) отдан приказ стрелять по бегущим».

С своей стороны комиссары Савинков и Филоненко телеграфировали правительству: «Выбора не дано: смертная казнь из-

менникам, смертная казнь тем, кто отказывается жертвовать жизнью за родину».

Новый главнокомандующий фронтом генерал Корнилов, суровый, решительный и независимый, не останавливающийся ни перед какими самостоятельными действиями, требуемыми обстановкой, и ни перед какой ответственностью, сразу же сформировал ударные батальоны из юнкеров и добровольцев-солдат для борьбы с дезертирством, грабежами и насилиями, приказав расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных с соответствующими надписями на дорогах и видных местах. Он запретил в районе фронта всякие митинги и приказал разгонять их, применяя оружие.

24 июля генерал Корнилов послал непосредственно Временному правительству, минуя Ставку (генерала Брусилова), телеграмму, требуя немедленного введения смертной казни: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования... Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов».

25 июля это требование генерала Корнилова было исполнено. Временное правительство восстановило применение на фронте смертной казни, упраздненное им же 12 марта, и введены были выборные военно-революционные суды, заменившие так же упраздненные военно-полевые.

Меры, самочинно принятые генералом Корниловым для прекращения анархии на фронте и в армейских тылах, его решительные действия и твердый язык, которым он в нарушение дисциплины стал говорить с правительством, чрезвычайно подняли его авторитет среди офицерства и в глазах несоциалистической части русского общества. Можно сказать, что день вступления генерала Корнилова в должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом предрешил его дальнейшую судьбу. Для многих он стал подлинным народным героем и многие стали ждать от него спасения страны.

Последовавшее за этим назначением генерала Корнилова некоторое успокоение и упорядочение Юго-Западного фронта, вызванные смелой и решительной борьбой нового главнокомандующего с армейскими большевиками, выяснившаяся бес-

полезность оставления на посту Верховного Главнокомандующего генерала Брусилова и безнадежность замены его другим генералом, таким же оппортунистом, каким оказался генерал Брусилов, и в особенности настоятельные советы Савинкова, занявшего пост военного министра, побудили Керенского решиться на назначение генерала Корнилова Верховным Главнокомандующим.

Керенский, конечно, ясно отдавал себе отчет в неизбежности столкновения в будущем с человеком, всеми фибрами своей души отрицавшим его военную политику, но органически неспособный, — по словам Набокова, — действовать прямо и смело, он рассчитывал, использовав твердость и решительность нового Верховного в деле восстановления боеспособности армии, удалить генерала Корнилова точно так же, как были смещены два его предшественника, генералы Алексеев и, затем, Брусилов.

Получив телеграмму о своем новом назначении, генерал Корнилов послал правительству телеграмму с требованием немедленного принятия мер к распространению на всю территорию России юрисдикции военно-революционных судов, как в отношении тыловых войск, так и населения, с применением смертной казни за ряд тягчайших преступлений. Он требовал также принятия мер для восстановления дисциплинарной власти начальников и введения в узкие рамки деятельности войсковых комитетов с установлением их ответственности перед законом.

Телеграмму свою генерал Корнилов заканчивал заявлением, что если эти требования не будут приняты правительством, то должности Верховного Главнокомандующего он не примет.

От имени правительства комиссар Юго-Западного фронта Филоненко заверил генерала Корнилова, что требования его принимаются правительством, и 6 августа генерал Корнилов вступил в должность Верховного Главнокомандующего.

Время шло, но верный своей политике балансирования между двумя политическими лагерями — либеральным и социалистическим, — или, как он ее называл, «политике поддержания национального равновесия», Керенский опасался пойти на открытый разрыв с Советом, решительно возражавшим против принятия требований генерала Корнилова. Под предлогом изучения этих мер в военном министерстве, он оттягивал разрешение поднятых генералом Корниловым вопросов, внушая тем

самым генералу Корнилову все большее недоверие и сомнение в желании исполнить данное через комиссара Филоненко обещание.

Особенно сильное впечатление произвел на генерала Корнилова инцидент, имевший место на совещании правительства в присутствии генерала Корнилова 16 августа. Когда генерал Корнилов в своем докладе коснулся вопроса о намеченной на Юго-Западном фронте операции, военный министр Савинков передал ему записку, предупреждая, что надо быть осторожным и всего не говорить, так как это сейчас же станет известным Совету, а оттуда и немцам.

Генерал Корнилов был поражен и возмущен тем, что в совете министров Российского государства Верховный Главнокомандующий не может без опасений касаться вопросов, о которых он считает необходимым поставить правительство в известность.

Опасения Савинкова были, очевидно, не напрасны: уже на следующий день после этого совещания в «Известиях Совета» были напечатаны выдержки из секретного доклада генерала Корнилова, сопровождаемые настойчивыми требованиями его удаления с поста Верховного Главнокомандующего.

По сведениям контрразведки Ставки в начале сентября готовилось в Петрограде новое вооруженное выступление большевиков с целью захвата власти («вся власть советам!» был лозунг, провозглашенный Лениным в его «апрельских тезисах»), но уже с учетом опыта неудачного первого их выступления в июле. В связи с обозначившейся в это же время угрозой немецкого наступления в направлении Риги, что уже представило бы непосредственную опасность для Петрограда, и, чтобы не быть застигнутым врасплох таким выступлением в момент серьезного кризиса на фронте, генерал Корнилов решил передвинуть ближе к Петрограду наиболее сохранивший воинский порядок 3-й конный корпус, стоявший в резерве Юго-Западного фронта, чтобы в случае необходимости направить его на усмирение Петроградского гарнизона.

24 августа, отдавая распоряжение об этой переброске своему начальнику штаба генералу Лукомскому, генерал Корнилов сказал, что в случае выступления большевиков нужно будет расправиться с немецкими ставленниками и шпионами во главе с Лениным, а Совет разогнать так, чтобы он никогда и нигде не собрался. Руководство этой операцией, — сказал ге-

нерал Корнилов, — он хочет поручить генералу Крымову, который не задумается, если это понадобится, перевешать весь состав Совета.

Генерал Корнилов добавил: «Против Временного правительства я не собираюсь выступать и надеюсь, что с ним удастся сговориться, и правительству, очищенному и укрепившемуся, я буду беспрекословно подчиняться».

Впоследствии генерал Корнилов разъяснил, что под этими словами он понимал, во-первых, исключение из состава правительства министров, предававших родину (инцидент на совещании 16 августа) и, во-вторых, такое переустройство правительства, которое обеспечило бы стране твердую и сильную власть.

2 сентября министр-председатель Керенский по докладу военного министра Савинкова согласился на объявление Петрограда на военном положении и на прибытие в Петроград конного корпуса для реального осуществления такого положения.

5 сентября Савинков в сопровождении начальника военного кабинета Керенского полковника Барановского приехал в Ставку для личных переговоров с генералом Корниловым. В присутствии генерала Лукомского Савинков сказал генералу Корнилову, что надо договориться, как обезвредить Совет, который противится принятию требований генерала Корнилова, и что в случае выступления большевиков его нужно будет подавить самым беспощадным образом, покончив одновременно и с Советом, если он поддержит большевиков. Ввиду того, что гарнизон Петрограда ненадежен, необходимо подвести к Петрограду надежные конные части и ко времени их подхода объявить столицу на военном положении. Савинков добавил, что все, что он говорит, полностью согласовано со взглядами министра-председателя Керенского.

Затем в кабинет генерала Корнилова были приглашены генерал Романовский (генерал-квартирмейстер Ставки) и полковник Барановский, и Савинков при них повторил все, что он говорил генералу Корнилову.

6 сентября, довольный результатами своей поездки, Савинков уехал из Ставки. Уезжая, он задал генералу Корнилову вопрос: «Каково Ваше отношение к Временному правительству?» Под впечатлением только что происходивших переговоров генерал Корнилов имел все основания предполагать, что колебания Керенского кончились, и, что он решил окончатель-

но порвать зависимость правительства от Совета. Поэтому он совершенно искренне ответил Савинкову: «Передайте Александру Федоровичу, что я буду всемерно его поддерживать, ибо это нужно для блага отечества».

Из этой фразы можно было бы, казалось, заключить, что основной вопрос взаимопонимания и обоюдного доверия между двумя главными действующими лицами разыгрывавшейся в это время драмы должен был бы почитаться улаженным: требования генерала Корнилова о создании сильной и независимой от Совета власти принимались Временным правительством, а болезненно тщеславный и подозрительный Керенский мог быть уверен в благожелательном отношении к нему генерала Корнилова. Но после отъезда Савинкова к генералу Корнилову явился бывший министр Временного правительства В. Львов, по отзыву своих товарищей по партии — человек неуравновешенный до ненормальности и большой путаник. Львов сказал генералу Корнилову, что приехал к нему по поручению Керенского (эту подробность Керенский, впоследствии обходил молчанием), для того чтобы узнать мнение генерала Корнилова о наиболее целесообразной форме создания твердой власти. Керенский считает, — говорил Львов, что 1) диктатором может стать он сам, Керенский, 2) что диктаторской властью может быть облечено небольшое правительство из 3-4 лиц, в том числе и Верховный Главнокомандующий и 3) что диктатором явится Верховный Главнокомандующий, при котором должно быть образовано небольшое правительство.

Неискушенный в политических интригах и комбинациях и, считая Львова порядочным человеком, генерал Корнилов даже не спросил, имеет ли посланец какое-либо письменное подтверждение своей миссии. Он просто ответил Львову, что предпочитает третий вариант, то есть — чтобы диктаторская власть была бы вручена ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ Верховному Главнокомандующему с непременным участием в управлении страной в составе директории Керенского и Савинкова. При этом генерал Корнилов заверил Львова в том, что лично для себя он ничего не ищет, к власти не стремится и, если диктаторские полномочия будут вручены Керенскому, генералу Алексееву, генералу Каледину или кому-нибудь другому, он, генерал Корнилов, готов немедленно подчиниться этому лицу. Генерал Корнилов добавил также, что по сведени-

ям Ставки на Керенского готовится в Петрограде покушение и потому он просит Керенского и Савинкова приехать для личных переговоров в Ставку, где он честным словом гарантирует им полную безопасность.

Вернувшись в Петроград 8 сентября, Львов поехал к Керенскому и, перепутав все, что он услышал в Ставке от генерала Корнилова и то, что ему говорили некоторые офицеры, сообщил Керенскому, что генерал Корнилов ТРЕБУЕТ немедленной передачи всей военной и гражданской власти в стране Верховному Главнокомандующему. Относительно же приглашения приехать в Ставку, он, Львов, будто бы убежден в том, что в Ставке Керенскому вынесен смертный приговор.

Эта убежденность Львова повлияла, по-видимому, на дальнейшие шаги Керенского. Потеряв совершенно душевное равновесие, он сейчас же отправил в Могилев телеграмму: генералу Корнилову немедленно сдать должность Верховного Главнокомандующего генералу Лукомскому и прибыть в Петроград. Такую телеграмму, без номера и подписанную просто «Керенский», мог отправить только человек, настолько лишенный государственного понимания, что ему даже не пришла в голову мысль о долге Верховной власти проверять слухи, сплетни и сообщения нервно настроенных обывателей, прежде чем принимать решения такого большого государственного значения как отрешение Верховного Главнокомандующего от должности.

Но такое спешное отрешение генерала Корнилова было той платой, которой Керенский, решивший порвать с генералом Корниловым, покупал нужное ему содействие Совета в борьбе с генералом Корниловым. И он не ошибся: Совет сейчас же постановил оказать Керенскому самую энергичную поддержку, оказавшуюся решающей. Исполняя просьбу Керенского повлиять на солдат встать на защиту революции, бюро военной организации большевиков сразу же организовало во всех воинских частях Петроградского гарнизона митинги, на которых велась усиленная пропаганда против генерала Корнилова, и десятки агитаторов были направлены навстречу продвигавшимся к Петрограду эшелонам 3-го конного корпуса, чтобы уговорить казаков и горцев не исполнять приказаний своих офицеров и не вступать в борьбу с гарнизоном столицы.

В Ставке телеграмма Керенского произвела эффект разорвавшейся бомбы и вызвала у всех, даже у комиссара Ставки

Филоненко, мысль, что телеграмма вообще подложная. Было и предположение, что Керенский находится в плену у Совета, если не в физическом смысле слова, то во всяком случае в моральном. Поэтому генерал Корнилов решил должности не сдавать, а генерал Лукомский телеграфировал министру-председателю свой отказ заместить генерала Корнилова хотя бы временно.

В течение следующего дня 9 сентября Савинков и ряд других лиц старались найти мирный выход из создавшегося положения. Но генерал Корнилов по-прежнему отказывался сдать должность, а Керенский, опасаясь двигающегося на Петроград 3-го конного корпуса, торопился приобрести еще более полное содействие Совета, которое могло быть достигнуто в своей полной мере скорейшим объявлением ген. Корнилоа мятежником. Именно с этой целью еще в то время, когда шли переговоры Савинкова с генералом Корниловым, Керенский, потерявший, по словам историка Милюкова ,всякую способность спокойной оценки происходившего, опубликовал официальное сообщение, в котором говорилось, что генерал Корнилов прислал к нему Львова с требованием передачи Временным правительством всей полноты гражданской и военной власти ему, генералу Корнилову, с тем чтобы им, по его личному усмотрению, было составлено новое правительство. Усматривая в этом требовании посягательство на Верховную власть в государстве, Керенский вторично приказывал генералу Корнилову сдать должность генералу Клембовскому.

Сообщение это не только лживо излагало события, оно имело еще и другую определенную цель: среди крестьян и рабочих оно порождало недоверие к генералу Корнилову как к мнимому стороннику старого режима, а в солдатских массах, где самое имя генерала Корнилова стало символом восстановления дисциплины и продолжения войны, в то время как солдаты хотели немедленного мира, это сообщение раздувало огонь вражды к офицерству, ярким представителем которого являлся генерал Корнилов. Керенский знал, что генерал Корнилов не мог оставить без ответа это сообщение, написанное рукой, опытной в политических интригах, и на это он и рассчитывал.

В ответной своей телеграмме генерал Корнилов, возмущенный возводимым на него ложным обвинением, заявлял, что сообщение министра-председателя является ложью и провокацией, что не он, генерал Корнилов, послал Львова к прави-

тельству, а сам Львов явился к нему в Ставку как посланец министра-председателя. Далее генерал Корнилов говорил:

«Вынужденный выступить открыто, я заявляю, что Временное правительство под давлением большевистской фракции Совета действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба, убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне призвать всех русских людей к спасению умирающей родины... Я заявляю, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России и я клянусь довести народ путем победы до Учредительного Собрания... Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле брани и чести, чтобы не видеть позора и срама русской земли...».

На следующий день 11 сентября было объявлено от имени генерала Корнилова «Обращение к народу»:

«Я, Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов перед лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина свободной России и беззаветная любовь к родине заставили меня в эти грозные минуты бытия отечества не подчиниться приказанию Временного правительства и оставить за собой Верховное командование. Поддержанный в этом решении всеми главнокомандующими фронтов, я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устранению от должности Верховного Главнокомандующего. Истинный сын народа русского погибает на своем посту и несет в жертву родине самое большое, что он имеет — свою жизнь.

В эти ужасающие минуты существования отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победного шествия торжествующего врага, Временное правительство, забывая вопрос независимого существования страны, кидает в народ призрачный страх контрреволюции... Забывая все обиды и оскорбления, я перед лицом всего народа обращаюсь к Временному правительству: приезжайте ко мне в Ставку, где свобода Ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и совместно со мной выработайте и образуйте такой состав правительства, который, обеспечивая победу, вел бы народ русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа».

Тон заключительных слов этого обращения свидетельствовал о том, что генерал Корнилов был готов во имя интересов родины идти на уступки. Но со стороны Керенского делалось все, чтобы мирное разрешение конфликта стало невозможным. В тот же день, когда генерал Корнилов выпустил свое обращение к народу, Керенский опубликовал приказ войскам Петроградского гарнизона: «Восставший на власть Временного правительства бывший Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов теперь на деле показал свое вероломство. Он взял полки с фронта и отправил их против Петрограда... Товарищи, час испытания вашей верности свободе и революции наступил... Встретьте стойко и славно ваших товарищей, обманутых генералом Корниловым, пусть увидят они перед собой истинные революционные полки, решившие защищать правительство революции».

Это была уже прямая ложь: никаких полков с фронта генерал Корнилов не снимал, 3-й конный корпус стоял в резерве Юго-Западного фронта, и это было известно Временному правительству. Сам Керенский приказал военному министру Савинкову просить у генерала Корнилова конный корпус для реального осуещствления объявляемого в Петрограде военного положения и для защиты Временного правительства от посягательств на захват власти большевиками.

В тот же день 11 сентября, несколькими часами позже по всем железным дорогам фронта и тыла была разослана телеграмма Керенского: никаких распоряжений бывшего Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова, ИЗМЕНИВШЕГО РОДИНЕ, не исполнять.

Насколько абсурдно было это обвинение генерала Корнилова в измене, что прекрасно понимал и сам Керенский, свидетельствует ответ Временного правительства на запрос генерала Лукомского на следующий день 12 сентября. Генерал Лукомский, начальник штаба Верховного Главнокомандующего, запрашивал из Ставки, чьи же распоряжения должны исполняться на фронте теперь, когда Верховный Главнокомандующий объявлен изменником. Ответ, переданный по радио «всем, всем, всем», гласил, что «все оперативные распоряжения генерала Корнилова, а также отдаваемые от его имени, обязательны для всех». Создавалось таким образом совершенно парадоксальное положение, когда за Верховным Главнокомандующим, отставленным от должности и преданным

суду за мятеж, а затем объявленным изменником, оставлялось оперативное управление войсками...

Исполняя между тем распоряжение Керенского, всевозможные железнодорожные советы и комитеты задерживали под разными предлогами эшелоны 3-го конного корпуса на больших и маленьких станциях и разъездах, так что не только начальники дивизий, но и командиры полков не знали, где находятся их эскадроны и сотни. Отсутствие пищи и фуража для коней, неопределенность обстановки и задачи, так же как и агитация агентов Совета, присланных из Петрограда, дезориентировали людей, в частях корпуса началось брожение и колебания, аресты офицеров, и в фактическое командование частями вступили комитеты.

Когда к генералу Крымову явился посланный из Ставки полковник Лебедев с приказанием генерала Корнилова выгружать полки и, двинувшись походным порядком, занять Петроград, генерал Крымов приказал доложить генералу Корнилову, что он фактически лишен возможности исполнить это приказание.

Получив от Керенского приказание явиться к нему в Петроград, генерал Крымов подчинился и поехал. Такая уступчивость со стороны генерала Крымова, человека весьма упорного, может быть объяснена только тем, что к этому времени ему уже стало ясно, что выступление генерала Корнилова окончательно проиграно. 13 сентября утром, после бурного объяснения с Керенским, генерал Крымов застрелился.

Назначенному еще до самоубийства генерала Крымова командиром 3-го конного корпуса генералу Краснову не оставалось ничего другого как, исполняя распоряжение Керенского, как-то собрать разбросанные части корпуса, отвести их к Пскову и постараться восстановить в них порядок и тем спасти, арестованных солдатами и казаками, офицеров.

Уже к вечеру 11 сентября неудача выступления генерала Корнилова стала очевидной. Горячий патриотический призыв генерала Корнилова мог быть услышан только либеральной интеллигенцией и буржуазией, бессильными, и вообще, малоприспособленными к борьбе. Налицо было только их сочувствие. В распоряжении генерала Корнилова имелась одна лишь действительная сила, которой было рядовое офицерство, и в этой среде его призыв нашел громадный отзвук. Отзвук этот в связи с провокацией, жертвой которой стал генерал Корнилов, не только привлек к нему сердца патриотов офицеров, но и оттолкнул их навсегда от Керенского и от социалистов

вообще. В примитивно политически мыслящем офицерстве глубоко закрепилось убеждение в том, что всякий социалист, крайний или умеренный, является потенциальным предателем, и, впоследствии, эта убежденность будет мешать вождям Белого движения использовать в работе на воссоздание России социалистов, даже вполне умеренных и патриотичных.

К сожалению, для того чтобы использовать офицерство как силу, на которую генерал Корнилов мог бы опереться не только морально, но и физически, нужна была большая и хорошо продуманная предварительная работа по ее подготовке и организации. Ничего в этом смысле сделано не было, да и сделать что-нибудь было очень трудно, так как солдаты жадными, подозрительными глазами следили за всякой офицерской организацией.

После своей телеграммы о смещении генерала Корнилова Керенский предложил пост Верховного Главнокомандующего генералу Алексееву, который был им же уволен с этого поста за якобы контрреволюционную речь на офицерском съезде в Ставке в мае месяце. Генерал Алексеев ответил категорическим отказом, заявив, что все дело нужно покончить выяснением недоразумений и оставлением генерала Корнилова в должности.

11 сентября состоялось назначение Временным правительством Верховным Главнокомандующим самого Керенского и был одновременно подписан указ о предании суду «за мятеж» генерала Корнилова, Лукомского, Романовского, Деникина и Маркова. Тогда же была назначена Чрезвычайная комиссия для расследования дела о бывшем Верховном Главнокомандующем генерале Корнилове и его соучастниках, «учинивших восстание».

Новый Верховный Главнокомандующий предложил генералу Алексееву занять должность его начальника штаба, и после тяжелой внутренней борьбы и больших нравственных мучений генерал Алексеев решил принять это назначение, надеясь, что своим влиянием он сможет облегчить судьбу участников Корниловского выступления, которым угрожала серьезная опасность быть захваченными карательными отрядами, формировавшимися из большевитствующих элементов для ареста генерала Корнилова.

Поставив себе задачей ликвидировать возможно безболезненнее выступления генерала Корнилова, генерал Алексеев должен был прежде всего уговорить генерала Корнилова сдать

должность Верховного Главнокомандующего, а затем предоставить себя в распоряжение Следственной комисси.

В течение двух часов 12 сентября происходил по прямому проводу разговор генерала Алексеева с генералом Корниловым, которого генерал Алексеев познакомил с безнадежным положением в 3-м конном корпусе, о чем в Ставке имели очень смутное представление. Перейдя к вопросу об управлении Действующей армией, генерал Алексеев сообщил, что в военное министерство поступают запросы от главнокомандующих фронтами, кому же теперь они должны подчиняться и чьи приказы исполнять, и закончил призывом к генералу Корнилову положить конец губительному отсутствию руководства Действующей армией (это и вызвало запрос генерала Лукомского, о чем было сказано выше, и парадоксальный ответ правительства).

Не получив от генерала Корнилова определенного ответа, генерал Алексеев все же выехал в Ставку и, остановившись в ночь на 14 сентября в Витебске, вызвал к аппарату генерала Лукомского и узнал от него, что для того, чтобы избежать столкновения между направляющимися на Могилев карательными отрядами и верными генералу Корнилову войсками, генерал Корнилов согласился сдать должность генералу Алексееву.

Прибыв в Ставку 14 сентября днем, генерал Алексеев принял Ставку в свое подчинение без всяких затруднений. Вечером того же дня генерал Корнилов и его сподвижники были по приказанию Керенского арестованы, а в ночь на 15 сентября прибыла в Ставку Следственная комиссия тотчас же приступившая к допросу арестованных генералов.

По свидетельству одного из арестованных, генерала Лукомского, наличие провокации со стороны Керенского, лежавшей в основе выступления ген. Корнилова, было настолько очевидно для членов комиссии, что после первых же допросов выяснилось, что все члены комиссии относятся к генералу Корнилову и его сподвижникам в высшей степени благожелательно и решили настаивать перед правительством на предании их всех нормальному гласному суду, а не суду военно-революционного трибунала, как того требовала революционная демократия.

По поводу обвинения генерала Корнилова в «мятеже» имеется очень интересное свидетельство, приведенное в книге «Корниловский ударный полк» полковником Левитовым, быв-

шим командиром 2-го Корниловского полка. Свидетельство это одного из членов Следственной комиссии военного следователя полковника Украинцева было напечатано в газете «Новое русское слово» от 13 августа 1956 г. в виде письма в редакцию. Полковник Украинцев писал, что, приехав в Ставку в Могилеве, комиссия допросила генерала Корнилова, который объяснил членам комиссии весь ход дела, начав с посещения Ставки В. Львовым, и о том, что 3-й конный корпус был двинут к Петрограду не для свержения Временного правительства, а по просьбе самого же Керенского, переданной генералу Корнилову Савинковым 5 сентября, для усмирения Петроградского гарнизона в случае его выступления на стороне большевиков во время готовившегося в столице восстания и попытки захвата власти большевиками; в подтверждение своих слов генерал Корнилов показал членам комиссии телеграфные ленты переговоров с Петроградом по этому вопросу. Далее полковник Украинцев пишет, что представленные вещественные доказательства в виде этих телеграфных лент не оставляли никаких сомнений в том, что 3-й конный корпус двигался на Петроград с ведома и согласия, если не всего правительства, то во всяком случае главы такового, и тем самым рушились обвинения генерала Корнилова в желании и намерении свергнуть власть правительства при помощи вооруженной силы. «А мы, комиссия, — продолжает полковник Украинцев, — оказались в самом нелепом положении и не знали, имеем ли мы право вынести постановление об аресте обвиняемых правительством генералов. В обсуждении этого вопроса члены комиссии доходили до того, что обсуждали серьезно не следует ли членам комиссии вернуться в Петроград и сложить свои полномочия. Если мы не сделали этого шага, то главным образом в сознании, что такой шаг был бы равносилен колоссальному политическому скандалу, который обязательно нарушил бы кое-как державшееся равновесие политических сил в стране, причем — в пользу большевиков».

Через несколько дней генерал Корнилов и ближайшие соучастники его выступления, в ожидании окончания расследования, были переведены в г. Быхов, в 50 клм. от Могилева. Туда же вскоре были привезены генерал Деникин, главнокомандующий Юго-Западным фронтом, со своим начальником штаба генералом Марковым, и другие старшие генералы Юго-Западного фронта, арестованные как соучастники выступления

генерала Корнилова и содержавшиеся под арестом в Бердичеве.

Революционная демократия и Временное правительство, благодарное Петроградскому Совету за помощь в деле генерала Корнилова, отпраздновали свою победу, широко раскрыв двери тюрем и выпуская на волю большевиков, арестованных после июльского их выступления, давая им возможность гласно и открыто вести дальнейшую свою работу по уничтожению Российского государства. Через три дня после ареста генерала Корнилова, 17 сентября был выпущен на свободу Бронштейн-Троцкий, сразу же избранный председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Авторитет советов, истинных победителей генерала Корнилова, чрезвычайно возрос среди народных масс во всей стране. Особенно сильно сказалось это в Петрограде, где из президиума Совета должны были уйти виднейшие представители других социалистических партий, как слишком умеренные, и руководящая роль перешла окончательно к большевикам.

«Понимал ли Керенский, что, объявляя себя противником генерала Корнилова, он выдает и себя и Россию Ленину? — задает вопрос историк Милюков, один из лидеров тогдашнего либерального лагеря и которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к генералу Корнилову. — Понимал ли он, что данный момент — последний, когда схватка с большевиками могла быть выиграна для правительства?»

Ответом на эти вопросы может служить свидетельство Набокова, бывшего управляющего делами правительства (Временного). «За 4-5 дней до захвата власти большевиками (7-го ноября) — говорит Набоков, — я спросил Керенского, как он относится к возможности выступления большевиков. «Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло, — отвечал Набокову Керенский. — Они будут раздавлены окончательно, у меня сил больше, чем для этого нужно».

Этот хвастливый ответ Керенского свидетельствует, во-первых, о том, что до самого конца существования Временного правительства его председатель не отдавал себе отчета в действительной обстановке и, во-вторых, ответ этот явно противоречит позднейшим заявлениям Керенского, сделанным им в печати уже в эмиграции, что захват власти большевиками стал возможен благодаря выступлению генерала Корнилова. Ведь по его же собственным словам он, Керенский, имел сил

больше, чем было нужно, чтобы раздавить большевиков окончательно.

Тем временем в Ставке положение генерала Алексеева, согласившегося как было сказано выше, принять должность начальника штаба Керенского, становилось совершенно невозможным. «Я сознаю, — писал он одному из союзных военных агентов, — свое бессилие восстановить в армии хоть тень организации. Комиссары препятствуют исполнению моих приказов, а жалобы мои не доходят до Петрограда. Не взирая на все обещания Керенского, судьба Корнилова остается загадочной».

23 сентября, через десять дней после своего назначения, не в силах дольше терпеть такое положение, генерал Алексеев ушел с поста начальника штаба Верховного Главнокомандующего и был заменен генералом Духониным, храбрым солдатом и талантливым офицером Генерального штаба, добровольно принесшим себя в жертву, заведомо рискуя своим добрым именем, а впоследствии и жизнью, исключительно из желания спасти положение.

7 ноября в Петрограде произошел захват власти большевиками. Временное правительство было объявлено ими низложенным, а министр-председатель его и Верховный Главнокомандующий Керенский бежал, сначала в Псков, потом к генералу Краснову в Гатчину, а оттуда исчез неизвестно куда.

Образованный в Петрограде Совет народных комиссаров во главе с Лениным не сносился сначала с генералом Духониным и только недели через две приказал ему предложить командованию неприятельских армий остановить военные действия. Генерал Духонин ответил, что не может исполнять приказаний правительства, власти которого он не признает. 18 ноября декретом Совнаркома был назначен Верховным Главнокомандующим видный партиец большевик прапорщик Крыленко.

2 декабря в Быхов к генералу Корнилову явился из Ставки полковник Кусонский и доложил, что через четыре часа Крыленко с эшелонами большевистских отрядов приедет в Могилев, который будет сдан без сопротивления. «Генерал Духонин приказал доложить Вам, — сказал Кусонский, — что всем заключенным (их оставалось в Быхове пять человек) необходимо сейчас же покинуть Быхов и направиться на Дон».

Генерал Корнилов решил идти с Текинским конным полком один, походным порядком, и предложил четырем генералам,

Деникину, Лукомскому, Маркову и Романовскому, отправиться в путь самостоятельно. Генералы Деникин и Лукомский переоделись в штатское, генерал Марков надел солдатскую форму, а ген. Романовский превратился в прапорщика инженерных войск. 2 декабря все четверо покинули Быхов, и в тот же вечер выступили из Быхова и текинцы во главе с генералом Корниловым.

Генерал Духонин понимал, конечно, что, освобождая быховских узников, он подписывал себе смертный приговор, но тем не менее остался в Могилеве, не желая, чтобы гнев большевиков обрушился на головы его подчиненных. На их уговоры уехать он отвечал: «Я имею тысячу возможностей скрыться, но я этого не сделаю. Я знаю, что Крыленко меня арестует, меня может быть расстреляют, но это смерть солдатская...».

3 декабря толпа озлобленных большевиков на глазах своего главковерха подняла генерала Духонина на штыки и растерзала его, а после этого жестоко надругалась над его останками, оставив его тело валяться на железнодорожных путях около вагона нового Верховного Главнокомандующего.

Генералу Корнилову предстояло сделать с Текинским полком в тяжелое время года переход почти в 1.500 верст, большевикам же удалось выследить путь движения полка. Около станции Унеча, Черниговской губернии, примерно в 200 верстах от Могилева к юго-востоку, при переходе через железную дорогу, текинцы попали под пулеметный огонь красного бронепоезда и понесли большие потери. На следующий день полк опять имел потери, наткнувшись на засаду, устроенную большевиками в лесу. После переправы через реку Сейм, в заболоченном, и еще плохо замерзшем районе, текинцы потеряли много лошадей. Полагая, что полку будет безопаснее идти дальше на юг без него, генерал Корнилов решил оставить текинцев и, переодевшись крестьянином, с подложным паспортом отправился в дальнейший путь на Дон одиночным порядком.

После трудного и опасного путешествия по железной дороге генерал Корнилов добрался 19 декабря до Новочеркасска, где уже находился генерал Алексеев.

Следовавшие самостоятельно генералы Деникин, Лукомский, Марков и Романовский прибыли в Новочеркасск в начале декабря, но по совету Донского Атамана генерала Каледина уехали на Кавказ и вернулись на Дон лишь по приезде туда генерала Корнилова.

К. М. Перепеловский.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.

(Н. Гумилев)

У испанских народов есть типичная поговорка: «Смотрю на бой быков, сидя за барьером». Так говорят о себе лица, пассивно следящие за интересующими их событиями. Именно такими зрителями в отношении метаморфоз русской эмиграции оказались мы, кого судьба забросила в маленькие страны, отдаленные от столиц, где «витии», где «словесная война». Источник нашей информации — газеты, а приходят они с огромным опозданием, если доходят вообще. В силу этих обстоятельств, три очень интересные статьи Андрея Седых о трех эмиграциях или волнах, помещенные в редактируемой им газете, прочел я лишь теперь. В основном согласился, кое о чем хотелось бы поспорить, но время ушло, источников информации нет, а выступать голословно мешает та самая опытность, которая приходит к нам вместо мудрости, по словам Анны Ахматовой.

Однако, в той же газете вот уже несколько лет появляются заметки об организации в Соединенных Штатах союза ветеранов последней войны, сражавшихся в советской армии, а это новое образование в среде русской эмиграции настолько необычно, настолько идет в разрез с существовавшей до сих пор идеологией, что откликнуться на него необходимо.

На первый взгляд, все в порядке. Союз ветеранов Соединенных Штатов существует, сколько знаю, со времен войны Севера и Юга. В нем состоят в добровольном порядке все те кто боролись за эту страну. Вступали в союз и многие русские, попавшие в Штаты после первой войны, повинуясь чувству военного призвания, желая послужить новой родине и базируясь на общности идеологии. Правовое обоснование для вступления бывших советских воинов в союз ветеранов совершенно несомненно, т. к. сражались они против общего врага, тем самым косвенно защищая интересы Соединенных Штатов. Понятен и чисто практический интерес новых американских ветеранов состоять членами союза, ибо таковые пользуются известными существенными привилегиями.

Другое дело идеологическая подкладка. Белая Армия пела: «Смело мы в бой пойдем за Русь Святую»... Но эту песню пели и ее противники, с тою лишь разницей, что они шли смело в бой не за Русь Святую, а за «власть советов». Так было в дни

гражданской войны. Власть советов победила, боровшиеся за Русь святую ушли в изгнание, унеся с собою желание продолжать борьбу за те же идеалы, передав позднее это стремление своим детям. Те что боролись на другой стороне сначала чувствовали себя победителями, но скоро поняли, что обещанного им рая нет и не будет. Так шло время между двумя войнами. Молодежь эмиграции постепенно врастала в окружающую среду, принимала подданство, отбывала воинскую повинность, в большей или меньшей степени заражалась идеями, господствовавшими в умах их сверстников, обретала новый патриотизм. Лишь в славянских странах, где сохранились русские учебные заведения, этот процесс был замедлен, молодежь продолжала считать себя русской, хоть и была полностью лояльной в отношении приютивших ее стран. Когда грянула вторая мировая война, вся русская молодежь заграницей честно встала в строй соответствующих армий, полностью и безупречно выполнила долг солдата, во многих случаях показывая пример соратникам из коренного населения своих стран. Так было в Польше, Франции, Югославии, Германии, позднее в Соединенных Штатах. В 1941 году Германия оккупировала почти всю западную Европу и начала войну с Советским Союзом. Для эмиграции пришло время самоопределяться. Те кто полностью вжились в интересы своих стран поступали соответственно: продолжали сидеть в лагерях для военнопленных в Германии, а если были на свободе и не желали быть пассивными, вступали в ряды тех, кто по их понятиям лучшим образом служил своей стране. Были русские в польской армии генерала Андерса, в отрядах французского сопротивления «маки», в анти-германских соединениях генерала Дражи Михайловича в Югославии, в лояльных в отношении Германии отрядах генерала Недича и депутата Льотича, в хорватских «домобранах» Павелича и даже в коммунистических партизанах Тито. Никто из них о России не думал, все они служили своим новым родинам.

Иным оказалось положение той части эмиграции, которая считала себя безоговорочно русской. Осенью 1941-го года в Сербии началось формирование Русского Корпуса с основной целью освобождения России от советской власти. Корпус, естественно, формировался под эгидой и при помощи немецкого командования и вступавшие в него люди полагали, что их идеи и стремления разделяются вершителями судеб Германии. О Русском Корпусе написано много. Во время войны, сколько

знаю, эмигрантская печать в свободной Америке и в занятых немцами странах Европы о нем не упоминала. После войны вся левая часть эмиграции обрушила на Корпус лавину обвинений: изменники, предатели, пособники палачей, антисемиты. В порядке самозащиты бывшие чины Корпуса использовали все возможности, чтобы напомнить о чистоте своих идей, жертвенности, патриотичности, героизме. Потом страсти утихли, споры стали более редкими и спокойными и наконец замолкли окончательно. Однако заключение вынесено не было и вместо ясной картины истории Корпуса, для будущего исследователя останется лишь то что ныне именуется живописью: беспорядочная смесь мрачно-черных и непорочно-белых штрихов.

Мне, бывшему корпуснику, давно уже хочется высказать свой взгляд на прошлое, вспомнить самому и напомнить другим те мысли и идеи, которыми жили мы в дни войны, нашу реакцию на постоянные зигзаги гитлеровской политики в отношении России, на события происходившие в Югославии, где нам пришлось служить вопреки желанию сражаться за родину. Раньше выступать по этому вопросу на страницах «Переклички» или «Наших Вестей» мне не хотелось. Были еще живы многие активные участники тех событий, привыкшие смотреть на в е щ и только со своей колокольни, очень чувствительные к словам малейшей критики. Теперь их уже нет, а люди моего поколения, бывшие молодыми в дни войны, сейчас достаточно умудрены годами и опытом, чтобы говорить о прошлом объективно. Другая причина, побуждающая меня к высказыванию своих мыслей — это коренное изменение в составе русского зарубежья, замена господствовавшего раньше российского национального самосознания неким хаотическим нагромождением идеи, где много разговоров о самостийности, пробивается дух марксизмо-ленинизма, а былой русский патриотизм уступает место патриотизму советскому.

Русская политическая эмиграция в нашем лице кончает свое существование и уходит в историю. Родившись в дни исхода Белых воинов, она активно боролась за свои идеалы словом и делом. В этой борьбе гибли и вожди в лице генералов Кутепова и Миллера, и рядовые соратники из рядов воинского союза, как Захарченко-Шульц и другие, а позднее и из Национального Союза Нового Поколения, самоотверженно отдававшие жизнь за спасение родины. Русский Корпус был последней попыткой «смело в бой идти за Русь святую» и вопреки

всем наветам его воины «сумели честь отстоять», а многие и «умереть со славой».

Трудно говорить об идеологических основах, развитии и истории Русского Корпуса, не напомнив о положении русской эмиграции ко времени его основания, трудно, т. к. многие события в жизни Корпуса были прямым последствием этого положения. Первая эмиграция в массе своей, а на Балканах особенно, была эмиграцией военной, чьим стержнем и объединяющим началом был Обще Воинский Союз (РОВС), руководимый высшими начальниками Белой Армии. Пока живы были генералы Врангель, Кутепов и Миллер, РОВС вел активную борьбу с коммунизмом и участники союза чувствовали себя к ней причастными. Но ГПУ-НКВД знало, что делало и после похищения последнего из белых вождей РОВС начал замирать, из боевой превращаться в историческую организацию, о которой белградский юмористический журнал «Бух» писал, что ее лозунг отныне «пуля дура, членский взнос молодец».

Несколько раньше произошло и другое событие, взволновавшее эмиграцию: Великий Князь Кирилл Владимирович объявил себя Императором Всероссийским. Реакция меньшинства была позитивной в силу несомненного права Великого Князя возглавить династию на основании первородства, из желания восстановить законоположения, нарушенные революцией. Создалось движение «легитимистов», был основан «Корпус Императорской Армии и Флота» из отколовшихся чинов РОВС-а. Привлекательным было и начавшееся движение в чинах, присвоение придворных званий и даже титулов для морганатических супруг некоторых членов императорской фамилии. Сын Великого Князя, носивший до этого времени титул Князя, будучи правнуком, а не внуком Императора, как того требовал закон, превратился в Великого Князя и Императорское Высочество.

Одновременно реакция подавляющего большинства эмиграции была резко отрицательной, хотя монархические настроения еще доминировали в ее среде. Было ясно, что Великий Князь обязан был принять на себя бремя власти непосредственно после отречения от престола Императора Николая Второго за себя и за сына, и после отказа Вел. Князя Михаила Александровича от своих прав. Многолетние уклонения законного наследника престола от провозглашения себя императором невозвратимо нарушило законы Империи и с этой точки

зрения манифест Великого Князя пришел слишком поздно. Но рядом с этим, манифест пришел и слишком рано, т. к. на территории Империи все еще существовал Советский Союз и условий для восстановления монархии не предвиделось. Эту точку зрения повидимому разделял и сын Великого Князя, который после кончины отца ограничился принятием на себя звания Главы Династии, но не Императора, к вящему смущению убежденных «легитимистов», уже присягнувших новому Царю.

Медленное угасание РОВС-а побудило многих его членов искать новых путей для борьбы. Герой Белого Дела, прославленный дроздовец Генерал Туркул возглавил новую воинскую организацию, названную (если не ошибаюсь) «Союзом Участников Войны», которая отрицала вне-политичность военнослужащих и ставила себе целью продолжение деятельности белых вождей. Главным руководителем этой организации в Югославии стал корнет Л. В. Сердаковский, чьи воспоминания печатаются частично в «Перекличке».

Для полноты картины необходимо вспомнить и о «штабс-капитанском» движении И. Л. Солоневича. После выхода в свет его очень талантливой книги «Россия в концлагере», несомненной предшественнице «Архипелага ГУЛАГ», этот первый беглец из советского застенка сумел завоевать симпатии и авторитет у «молчаливого большинства» военной эмиграции. Не сойдясь во взглядах с большинством генералов, Солоневич назвал их «осколками былых поражений» и призвал рядовых офицеров к некоторому роду политической самодеятельности, во имя «народной монархии», но без указания организационного начала и путей предстоящей борьбы. По этой причине, повидимому, «штабс-капитанское» движение оказалось мертворожденным, а «молчаливое большинство» продолжало жить идеей, отлично выраженной забытым, увы, поэтом:

Одна надежда только в жизни,
Одно желание в груди:
Услышать властное — иди,
И умереть в своей отчизне.

А главной трагедией эмиграции было то, что «властное — иди», услышать было уже не от кого.

Таково было положение у старшего и среднего поколения русских изгоев. Младшее же поколение, к которому принадлежали и мы, удовлетвориться ожиданием у моря погоды, не могло в силу молодости и динамичности. Более спокойные

давали выход накопившейся энергии в патриотических, но относительно аполитичных организациях, какими были «Сокол», «Витязи», «Разведчики», курсы военной подготовки, руководимые в Белграде полковником Гордеевым-Зарецким. Более энергичные вступали в настоящие политические партии.

Крайне правые создали союз «Младороссов», руководимый пресловутым Казем Беком, тем самым, что после войны оказался советским гражданином и даже письменно охаивал себя и своих единомышленников в московских газетах. Впрочем, этого можно было ожидать, т. к. основным лозунгом его с о ю з а было «Царь и Советы». Если в Париже Младороссы играли какую-то роль, то на Балканах вся их организация состояла из десятка-двух потомков некогда славных фамилий.

Подчиняясь духу времени, Родзаевский в Маньчжурии и Вонсяцкий в Америке пытались создать партии русских фашистов. Первый, при помощи японцев, имел какой-то местный успех, но оба начинания кончились плачевно и следов по себе не оставили.

Самым мощным, активным и идеологически направленным начинанием оказался «Национальный Союз Нового Поколения». Без чьей-либо помощи, подвергаясь критике со всех сторон, маленькая группа патриотов сплотила вокруг себя самую деятельную часть молодежи, сумела возжечь в их сердцах огонь жертвенной любви к России, желание души свои отдать за други своя. Еще до войны «нацъмальчики» пользовались любой возможностью для проникновения и активной работы на родине, во время войны почти полностью пробрались на оккупированные территории, где будили в русских людях желание возродить Россию без немцев и без коммунистов, а после войны словом и делом продолжают свою жертвенную деятельность. Давно перестав быть «новым поколением», члены Союза, пережив повидимому ряд внутренних потрясений, переименовали свою организацию в «Национально Трудовой Союз», которым руководят теперь новые люди в большинстве из рядов второй, послевоенной «волны». Полностью понимая необходимость конспирации, не могу не сожалеть о том, что НТС до сих пор не сообщил всему миру имена тех, кто нашел в себе силы и желание жизнью пожертвовать для спасения родины.

Так жила эмиграция до начала войны. В бытовом отношении положение ее в Югославии все более стабилизировалось. Белые воины, худо ли — хорошо ли, устроились чиновниками

или служащими, нижние чины работали на фабриках и постройках, большинство обзавелось семьями, продолжали существовать кадетский корпус, девичий институт, гимназия, молодежь оканчивала университеты и начинала делать профессиональную карьеру, в армии несколько русских имело уже чин полковника. Все это давалось не легко. В печати и по радио начались уже открытые выступления против «русов», которые кормились, де, за счет бедного населения, занимали места и положения предназначенные для коренных югославян. Роль России в спасении Сербии и создании Югославии замалчивалась и забывалась, а русские все больше и больше чувствовали себя нежелательными иностранцами или людьми низшего класса. Но при всем том жизнь налаживалась, у большинства накоплялся моральный или материальный капитал, в виде недвижимости, права на пенсию, общественного положения. К началу войны у русских исчезло уже чувство бездомности, им было уже что терять.

Война началась в 1939 году. К этому времени симпатии русских были в большинстве на стороне Германии, в которой видели они единственного бескомпромиссного противника коммунизма. В то время Гитлер еще не открыл своего звериного лица, а преследование левых казалось нужным и логичным. Нищая Германия превращалась в сильнейшую европейскую державу. Ушатом холодной воды оказался договор Молотова с Риббентропом, безнаказанное нападение советов на Финляндию, анексия Прибалтики. Вера в Германию пошатнулась и когда Югославия отвергла пакт о ненападении и тем самым вызвала бомбардировку Белграда и военные действия на всех своих границах, русские честно выполнили свой долг, защищая приютившую их страну, для многих ставшую второй родиной.

Это было в апреле 1941 года, а через несколько месяцев Гитлер начал войну против Советского Союза, знаменитый «блитц-криг», с продвижением на десятки километров, котлами, сотнями тысяч пленных. Надежды возгорелись вновь. Рыцарская Германия вступила на прямой путь борьбы с коммунизмом и близким казался час возрождения национальной России, тем более, что и сам народ воевать не хотел, сдаваясь в плен целыми дивизиями, если не армиями. Мысль о том, что гитлеровская Германия воюет не за свержение коммунизма, а за немецкие колонии на плодородных русских землях и в голову не приходила, настолько высоко было доверие

к немцам. Русская эмиграция твердо верила, что настал час для ее активного участия в происходящем, для возрождения борьбы за Русь Святую.

Первым событием в этом направлении было появление в Белграде некоего полковника Симинского, который начал вербовку добровольцев для участия в некой весьма секретной акции. О том, что, как и где должны были делать добровольцы — не сообщалось, но доверие к Германии и желание включиться в борьбу за Россию было настолько высоко, что на призыв откликнулись десятки, а возможно и сотни молодых людей. Каюсь, на эту удочку старалась попасть и наша сплоченная группа соколов из Земуна и спаслась она лишь тем, что прибыла слишком поздно. Сколько знаю, молодежь эту, после короткой подготовки, предполагалось забрасывать за линию фронта, для пропаганды среди населения и воинских частей. Несколько моих добрых друзей, счастливо вернувшихся из этой авантюры, повидимому настолько связаны запретом разглашать пережитое, что до сих пор не говорят об э т о м хотя и перешагнули за седьмой десяток. Жаль; их воспоминания могли бы еще лучше осветить беспринципность отношения немцев к их русским союзникам, лишний раз показать патриотический пыл молодежи, согласной идти на любой риск в деле служения своим идеалам.

По приходе немцев в Белград, сменилось и возглавление русской эмиграции. Неожиданно во главе ее оказался генерал Скородумов. Нельзя сказать, что был он лицом неизвестным, скорее наоборот, т. к. говорить о себе он заставлял часто и много. Молодым офицером участвовал он в боях первой войны, заслужил крест Святого Георгия, был ранен, потерял руку и попал в плен к немцам. Несколько раз пытался бежать, но вернулся в Россию уже после революции. Для уравнения со сверстниками был произведен в чин полковника, а потом и генерала, хотя возможно и не по приказу Главнокомандующего, а по указу Императора Кирилла, к сторонникам которого примкнул одним из первых. В горячих спорах с другими генералами о прошлом, о причинах революции и о деятельности Белых в дни гражданской войны, горячо отстаивал свою точку зрения, вплоть до вызова на дуэль. Провел огромный труд по сбору средств и сооружению на белградском кладбище великолепного памятника русским воинам, куда перенесены были останки солдат, павших на солоникском фронте. Будучи личностью весьма полемической, генерал су-

мел высоко держать свою голову во всех эмигрантских передрягах, сохранить незапятнанной честь русского офицера.

Первым мероприятием генерала было восстановление барельефа императорского герба над входом в скромное здание русского посольства. Затем началась регистрация русских эмигрантов, проживавших на территории Сербии и наконец грянул гром: был издан приказ о призыве на службу в Русском Корпусе всех эмигрантов, годных к строевой службе. В приказе была запомнившаяся фраза, которую цитирую по памяти: «По выполнению долга перед приютившей нас страной, я приведу вас на родину». На первую часть фразы внимания было обращено мало, зато вторая прозвучала как долгожданное «властное — иди» и хоть в тех условиях о мобилизации не могло быть и речи, сотни русских людей добровольно оставили насиженные места, службу и семьи, чтобы встать на тернистый путь борьбы за свободную Россию.

Нужно подчеркнуть и очень знаменательный факт, что никто из добровольцев не задавал вопросов о вознаграждении за службу или о помощи своим семьям. Первые роты Корпуса с полным правом маршировали под песнь, родившуюся в дни гражданской войны: «Не плачьте матери, отцы, крепитесь жены, дети, — для блага родины своей забудем все на свете».

Фактической основательницей будущего Корпуса была молодежь. Повидимому подготовка была проведена заранее, т. к. с первого же дня записи добровольцев в топчидерских казармах находился в з в о д молодых людей, под командой полковника Гордеева-Зарецкого, впоследствии превратившийся в 1-ю юнкерскую роту. На должности унтер-офицеров состояло несколько наших товарищей — кадет, окончивших до этого курсы военной подготовки и носивших уже погоны подпоручиков, что дало повод называть их в шутку производством Митрополита Анастасия. «Кирилловцами» они не были, а другого авторитета, кроме Владыки Митрополита, в эмиграции не существовало. Первая юнкерская рота состояла в большинстве из белградских гимназистов, а вторая, организовавшаяся несколько позже, из бывших кадет, к тому времени студентов или инженеров, техников, топографов, преподавателей. Еще позднее была сформирована и третья рота из совсем зеленой молодежи, шести-семи-восьмиклассников гимназии или кадетского корпуса. За свойственную этому возрасту игривость, третью роту прозвали «индейской». Так был создан юнкерский батальон, который немедленно приступил к занятиям.

Одновременно сформировались два кавалерийских эскадрона, несколько пехотных рот и одна артиллерийская, состоявшие в подавляющем большинстве из офицеров. В казачьих же частях основным контингентом были чины унтер-офицерского или рядового звания, откликнувшиеся столь многочисленно, что первая сотня очень скоро развернулась в батальон. Гвардейский дивизион, в полном составе работавший на сахарном заводе в городке Белый Монастырь, прибыл в строю под командою своих офицеров, при шашках и с хором трубачей. В те первые дни энтузиазма и надежд было хоть отбавляй.

Однако очень скоро стало ясно, что будущее Корпуса далеко не обеспечено. Основатель, генерал Скородумов, оказался не у дел и командование принял его начальник штаба, генерал майор Б. А. Штейфон. Впоследствии выяснилось, что согласие на формирование было дано не военным немецким командованием, а главным уполномоченным Германии по вопросам промышленности и снабжения на территории Сербии, Нейхаузеном, который отводил Корпусу лишь роль охранников для рудников, индустрии, путей сообщения. Согласие же военного командования было получено, вопреки недоброжелательству партийных кругов, полковником Кевишем, офицером германской императорской армии, понимавшем, что победить Россию без поддержки русских — нельзя. При этом положении генерал Скородумов, открыто заявивший, что Корпус формируется для борьбы словом и делом на территории России, оказался личностью неприемлемой и ему пришлось уйти, а формировавшиеся части получили название «Шуцкор»-а, т. е. Охранного Корпуса.

Неблагополучно было и в рядах Корпуса. Как генерал Скородумов, так и генерал Штейфон состояли в «Корпусе Императорской Армии и Флота» и на этом основании вели подбор сотрудников из числа своих единомышленников, уделяя больше внимания политической принадлежности, чем личным качествам каждого из них. В силу этой причины штаб Корпуса оказался неработоспособным, многие командные должности попали в руки несоответствующих людей, а среди оставшихся за бортом, действительно способных и достойных офицеров, стоявших в строю рядовыми, возникал обоснованный ропот. Знаю случай одного «легитимиста» артиллерийского полковника, спокойно сидевшего дома пока не сформировалась, предназначенная ему, одиннадцатая рота, в то время как много

старейших полковников и два-три генерала несли караульную службу с винтовкой на плече.

Большую роль сыграло и определение жалований в зависимости от занимаемых должностей, как и ассигнование пособий для семей. Это побудило многих глубоких стариков и даже инвалидов, вступить в Корпус, отнюдь не из моральных, а чисто из меркантильных соображений. Я не осуждаю командование, таких людей принимавшее. Наоборот, мне кажется, что это большая заслуга Корпуса, который помог пережить лихолетие многим честным и заслуженным офицерам. Плохо было лишь то, что на основании своего прошлого и чинов добивались они командных должностей, препятствуя продвижению достойных и превращая свои подразделения в нечто подобное инвалидным командам.

Немцы определили стройную иерархию в создаваемых частях. Командир Корпуса соответствовал чину генерала, начальник штаба — полковника, как и командиры полков. Начальники отделов штаба и командиры батальонов — майора, командиры рот — капитана, командиры взводов — поручика и подпоручика. Определено было и количество фельдфебелей, унтер-офицеров и даже ефрейторов. Каждой должности соответствовало установленное жалованье. Беда была лишь в том, что в составе Корпуса, от Командира и до рядового, большинство было русскими офицерами, желавшими носить соответствующие погоны. Был найден компромиссный выход: погоны соответствовали русским чинам, а занимаемые должности обозначались на петлицах воротника. Отлично помню культурнейшего и милейшего генерала майора генерального штаба Малеванова с унтер-офицерским галуном на воротнике и генеральскими зигзагами на плечах.

Молчаливое признание русских чинов побуждало многих стараться продвинуться вверх по этой лестнице. По «легитимной» линии производств быть не могло в силу отрезанности Корпуса от местопребывани Главы Династии, т. ч. производства по русской линии было только у казаков, ибо три атамана, Донской, Кубанский и Терский, проживали в Белграде. По окончании ускоренного курса юнкерского училища, произведены были в подпоручики и все юнкера, приказом генерала Штейфона. Помню как косились на меня мои сверстники. Служил я в ветеринарном отделе и его начальник доктор В. В. Истомин приказал мне одеть капитанские погоны, базируясь на том, что все окончившие университеты автоматически полу-

чали чин «губернского секретаря», соответствовавший капитану. Хаос в чинах и званиях окончился лишь с включением Корпуса в состав немецкой армии.

Особенно тяжело отразилась борьба за командные места на молодежи. Всем было ясно, что новые г.г. подпоручики осуждены нести службу рядовых вплоть до того дня, когда последний из старых офицеров уйдет в запас в силу дряхлости или состояния здоровья. К тому же молодежь уже по опыту знала, как трудно находиться под командой стариков в боевой обстановке, где командир должен быть во главе своего подразделения, вести за собой подчиненных, не отставать от них. По этим причинам началась утечка молодежи главным образом в немецкую вспомогательную полицию, где организовались русские отряды, впоследствии переобразованные в полк «Варяг».

Месяца через два после основания Корпуса, Первый полк, под командой доблестного генерала Зборовского, отбыл в район Шабца-Лозницы, а второй, окончив формирование, в район рудника Бор. Началось «выполнение долга перед приютившей нас страной», а надежды на действия в России — померкли. К тому времени прибыло уже пополнение из оккупированной Венгрией области (Нового Сада), а позднее и из Болгарии, послужившие основным контингентом для образования Третьего полка. Под несомненным влиянием немцев, был переформирован и штаб Корпуса. Наиболее дряхлые или непримиримо «легитимные» лица были уволены в пенсию, а на их места назначены способные и достойные офицеры. Пережив неурядицы первых месяцев, Корпус медленно, но верно, становился настоящей воинской частью.

Начали просачиваться к нам и вести из Германии. Говорилось о бедственном положении русских военнопленных, об эксцессах немецких войск в оккупированных областях, о том что русских патриотов начали преследовать и в самой Германии. Фронт стабилизировался под Москвой, советские войска начали упорно и успешно сопротивляться. Эти вести пошатнули общее доверие к Германии. Становилось ясно, что Гитлер борется не за освобождение России, а за какие-то свои сокровенные цели. Пришлось призадуматься о своей роли в происходящем. Не берусь говорить от лица всех, но та группа друзей и знакомых, с которой приходилось повседневно общаться, пришла к общему выводу: да, с немцами нам не совсем по дороге; враг у нас один, а цели разные, как и методы

применяемые к их достижению; повидимому настанет час, когда из союзников немцы превратятся во врагов, но и в этом случае бороться с ними изнутри будет легче чем извне, особенно если мы, уйдя из Корпуса, превратимся снова в инертную эмигрантскую массу. К этим соображениям прибавился еще один фактор огромного значения: части Корпуса уже вели бои с коммунистическими партизанами, неся потери и нанося их врагу. Честь и достоинство белого воина не допускали и мысли о возможности прекратить борьбу.

Нужно сказать несколько слов и о том, как понимали мы свое положение в отношении Югославии. Существует мнение, что действия Корпуса были выявлением черной неблагодарности в отношении этой страны, боровшейся за свою свободу. Теперь, по прошествии сорока лет от тех событий, когда Югославия возродилась и худо ли, хорошо ли, избегает щупальцев советского спрута, такое мнение кажется обоснованным. Тито похоронили с помпой и весь мир признал в нем героя и мудрого политика, полностью забыв о том, как добрался он до власти, сколько слез и крови пролито народом по его вине. Один Михайло Михайлов постарался напомнить об истинной роли Тито в событиях сороковых годов, но голос его потонул во всеобщих дифирамбах. А о настоящих патриотах, «жизнью запечатлевших содеянный ими подвиг», как в свое время писали о посмертно награжденных орденами, Генералах Михайловиче, Недиче и «народном посланнике» Льотиче забыто окончательно и бесповоротно.

Югославяне с правом гордятся своей борьбой против немцев за свободу и независимость, но лишь очень немногие из них вспоминают о том, что первым вступил на этот путь не Тито, а генерал, тогда еще полковник, Драголюб (Дража) Михайлович, возродивший историческое движение «четников» под историческим же девизом «За Кралья и Отаджбину». Он был признан Королем, произведен в генералы, назначен военным министром правительства в изгнании и получал помощь оружием от англичан. О Тито же, который тоже начал партизанское движение, в те дни и слышно не было. К Драже Михайловичу шли патриоты, к Тито коммунисты. Дража призывал к борьбе, Тито принуждал. Одним из эффективных способов дл этого было убийство немцев в селах и местечках, на которое карательные отряды отвечали массовыми расстрелами жителей. Народ бросал дома и семьи и шел в леса, к партизанам. По вступлении советов в войну, начался нажим на ан-

глийское правительство, в целях прекращения помощи Драже и передаче ее Тито. В угоду союзникам, Черчиль заставил Короля-мальчика отвергнуть Дражу и признать Тито, а коммунисты начали распространять слухи о том, что Дража стал союзником немцев. На самом же деле в Югославии началась малая гражданская война, где правые сражались против левых, а оба против оккупаторов.

В этой сложной ситуации положение Русского Корпуса было очень трудным. Обманутые в своих надеждах на прямую борьбу за Россию, принужденные принимать участие в местных событиях, чины Корпуса душою были с Дражей, но выявлять этой симпатии не могли. Фактически и «четники» были союзниками в борьбе с коммунизмом, но громко говорить об этом было нельзя. Важно другое, Корпус никогда не участвовал в боях против «четников», а две-три короткие схватки явились следствием нападений на транспорты оружия, столь необходимого им для продолжения борьбы, ввиду отказа в помощи со стороны англичан.

Экономический и политический хаос наступивший в Сербии, безвластие на местах и невозможность навести порядок своими силами, заставили немцев искать выход из положения в сотрудничестве самих сербов. Им было предложено сидевшему в плену генералу Недичу возглавить сербское правительство. Фамилия Недичей была известной и популярной среди населения. Все три брата, Милан, Милутин и Милорад, были кадровыми офицерами, соратниками Короля Александра по Первой войне, из которой Милорад вышел инвалидом. Старшие продолжали служить в армии и имели уже чин армейского (полного) генерала, а младший, отставной полковник, многие годы был градоначальником Белграда и председателем союза инвалидов. Генерал Милан Недич, принимая предложение немцев, отлично сознавал, что идет на жертву, поступаясь личными интересами для помощи своему исстрадавшемуся народу. Генерал не ждал и не искал славы, ни благодарности. Всякий беспристрастный наблюдатель должен признать, что деятельность генерала оказалась очень благотворной. Он сумел обуздать несоразмерные аппетиты немцев в отношении поставок, в меру возможности наладить снабжение населения самым необходимым, восстановить минимальный порядок в самоуправлении на местах. Сербия усилиями генерала снова становилась государством со своими законами и правопорядком. Деятельным сотрудником генерала был депутат Льотич, а оба

они и словом и делом показывали, что работают не для немцев, а вопреки им.

Единственными противниками генерала Недича были коммунисты. Установление минимального порядка в стране выбивало почву из под их ног. Они знали, что чем хуже населению, тем лучше для достижения их целей и старались противодействовать словом и делом. Для наведения порядка генерал Недич принужден был организовать воинские части, сначала с чисто полицейскими заданиями, которые вскоре принуждены были вступить в открытый бой с партизанами. Отряды самозащиты с политическим оттенком организовал и Льотич. С этими людьми Корпусу было вполне по пути и хоть взаимодействие никогда не осуществлялось, по причине принадлежности Корпуса к германской армии, отношения установились вполне корректные.

Резюмируя все сказанное, необходимо прийти к заключению, что чины Корпуса отнюдь не платили неблагодарностью сербскому народу, а наоборот стремились защитить его от нового порабощения — красным дьяволом. Корпус шел в ногу с сербскими националистами, борясь разными путями с общим врагом. Правоту же его действий доказал сам Тито, устроив настоящую кровавую баню по своем прибытии в Белград, выдав советам многих из тех русских, которые поверили в эволюцию советской власти и остались в Югославии. Среди них были и старики, как генералы Ткачев и Литвинов, полковники Дрейлинг и Марьюшкин, о котором вспоминает в «ГУЛАГЕ» Солженицын, и многие, многие другие. Была и относительная молодежь, а среди нее наши братья — кадеты Свищев, Жуков, — весь синодик не перечислишь. Победи Германия, Сербию ожидала та же судьба, что и Россию, т. е. необходимость продолжать сопротивление немцам. Победи союзники и не будь сильны коммунисты, Югославия возродилась бы на началах конца первой войны и в этом случае, возможно, признала бы помощь Корпуса в борьбе с красным спрутом.

Не раз приходилось слышать и мнение о том, что Корпус стремился к борьбе со своим русским народом. На мой взгляд, это чистая демагогия. Народ не личность, а весьма неопределенное понятие. К русскому народу сегодня в равной мере принадлежит и Сахаров, и Брежнев. Первый ведет отважную борьбу со вторым и со всей его кликой. Однако, нам и в голову не приходит говорить о том, что академик Сахаров бо-

рется с народом, который Брежнев возглавляет и среди которого имеет бесчисленных приспешников. Наоборот, мы считаем что все действия Сахарова направлены на благо многонациональной России. Корпус был законным наследником, плоть от плоти, Белой Армии, чьи идеи воспринял и гордо пронес до конца своего существования. Только советские историки считают что Белая Армия сражалась против народа, весь же здравомыслящий мир давно признал что борьба шла против его поработителей.

Чтобы окончить с этим затянувшимся разбором идеологических вопросов, необходимо ответить и на обвинение Корпуса в антисемитизме. Со всей ответственностью могу заявить, что обвинение это голословно и повидимому перенесено с больной немецкой головы, на здоровую русскую. Не скажу, что мы симпатизировали еврейскому народу в целом. Многие из нас прочли «Международное Еврейство» Форда, «Протоколы Сионских Мудрецов» Нилуса или «Что нам в них не нравится» Родионова. Мы не могли забыть и роль евреев в русской революции, начиная от Троцкого-Бронштейна и кончая Кагановичем. Но всякий из нас имел друзей — евреев, преклонялся перед гением Эйнштейна или талантами Рубинштейна, Левитана, Алданова-Ландау. Приказ евреям носить желтые звезды в нас вызвал отвращение, а создание еврейского лагеря в павильонах бывшей выставки — негодование. Если можно было понять преследование отдельных лиц, в чем-либо замешанных, то заключение целых семейств, со стариками, женщинами и детьми, включительно, являлось бессмысленной и бесцельной жестокостью. О том же, что эти люди были осуждены на смерть и что вывозили их не на новое поселение, а на расстрел, мы тогда не знали. Об «окончательном решении еврейского вопроса» лично я услышал только в конце сорок четвертого года. Русский Корпус в преследовании евреев не принимал никакого участия, а наоборот помог нескольким из них скрыть свое происхождение. В еврейском вопросе руки у нас безупречно чисты.

Но вернемся к судьбам Корпуса. Первые два года его существования прошли относительно спокойно, главным образом в несении гарнизонной и охранной службы. Бывали походы для предотвращения деятельности партизан, в районах реки Дрины, ставшей границей между Сербией и Хорватией, и в Хомолье, было несколько нападений на охрану объектов на железнодорожной линии Кральево-Косовская Митровица. При

одном из них геройски погиб весь маленький гарнизон бункера, предпочевший смерть — сдаче. Три полка Корпуса несли службу, вполне соответствовавшую среднему возрасту своих чинов и только молодежь чувствовала себя обездоленной. Все же немцы поняли, что «Шуцкор», созданный вопреки их политике, представляют собою огромную ценность. Корпус был зачислен в состав немецкой армии и переодет в ее форму. Исчезла неразбириха в чинах и должностях, повысились требования к командному составу. Большую, хоть и незаметную роль сыграл в этих изменениях офицер для связи с немецкими представителями капитан Б. А. Залесский и созданное им «дружеское объединение». Положительным была и замена немецкого уполномоченного по делам Корпуса майора Лихтенэккера, личности более политической чем военной, кадровым офицером, полковником Шредером, хорошо говорившим по русски. Полковник Шредер вплоть до своей кончины, последовавшей в прошлом году, поддерживал связь с бывшими «корпусниками».

Надежды на пополнение Корпуса и на его более активную роль в происходивших событиях возникли по прибытии роты советских военнопленных, которые до этого несли охранную службу под командой немцев где-то на востоке. Временное командование этой ротой принял капитан Залесский, разделивший ее на четыре взвода, которыми командовали молодые офицеры из состава «дружеского объединения». Целью пребывания роты в Белграде было ознакомление с ее убеждениями, установление общей идеологии, столь необходимой в воинских частях. По началу работа шла очень успешно. Исчезло недоверие, лекции превратились в беседы, где слушатели уже задавали вопросы и спорили. Наростало взаимное доверие, а командиры уже знали кто чего стоит, на кого можно положиться, за кем нужно остро присматривать. К сожалению период этот был очень коротким, новоприбывших разбили на две роты, назначили строевых начальников и отправили во Второй полк. Увы, новое начальство очень плохо разбиралось в психологии этой молодежи, попавшей в совершенно новую для них среду, и вместо старания сделать из нее единомышленников, приложило все усилия для превращения ее в образцовых подчиненных типа «Слушаюсь» и «Рад стараться». А с другой стороны линии огня неслись призывы к переходу в стан борцов за привычный социализм, заверения в том, что родина все простит и забудет. Трудно было

сомневаться в том, кто выиграет в этой борьбе за души. Почти все бывшие красноармейцы перешли к партизанам, но при этом не было ни одной попытки захватить и увести с собою командиров. Повидимому не все семена уважения и сочувствия к белым, посеянные в их душах, заглохли. Было обидно, что Корпус не выдержал первого экзамена на право пополняться за счет военнопленных, было горько за эту, в сущности хорошую, молодежь, которую на родине ожидали лишь СМЕРШ и ГУЛАГ.

Осенью 1943 года открылась и вторая возможность для пополнения Корпуса: немецким командованием было получено согласие румынского правительства на призыв добровольцев из состава русского населения анексированных Румынией областей. Первую группу вербовщиков возглавил снова капитан Залесский. Запись шла настолько успешно, что Корпус к концу своего существования имел уже пять полков и, не будь Румыния занята советскими войсками, продолжал бы разворачиваться. Несомненно, в отклике добровольцев на призыв большую роль играло их тяжелое положение в Румынии, где оказались они нежелательными иностранцами, но и стремление бороться за свободную Россию было огромным фактором.

Наплыв добровольцев полностью изменил облик Корпуса. Сначала были пополнены три основных полка, потом было приступлено к формированию двух последующих. Во всех частях появилась молодежь призывного возраста и типа, т. е. не такая воспитанная и культурная, какими были юнкерские роты. Необходимо было ее превращать в солдат, в сознательных борцов за Россию. «Учить приказом» не приходилось, нужно было «учить показом», а для этого командный состав пожилого возраста не годился. Снова начались перетасовки, а главное открылись курсы по подготовке офицерского состава согласно требованиям немецких уставов. Наконец-то молодежь получила возможность осуществить свою надежду стать офицерами, не только в теории, но и на практике. К чести старшего поколения нужно сказать, что курсы эти, весьма напряженные и требовавшие большой физической выносливости, окончили многие обер и штаб-офицеры, включая даже одного генерала. В результате Корпус стал настоящей воинской боевой частью, где пожилые люди командовали полками и батальонами, люди среднего возраста — ротами, а на взводах стояла относительная молодежь.

Увы, этот период был уже «началом конца». Немецкая ар-

мия в России не отступала, а откатывалась, титовские партизаны набирали силу, а с нею и смелость. Прежние периодические стычки стали каждодневным событием. Очень характерно то, что новое пополнение в этих боевых действиях показало себя с лучшей стороны, а о переходе на сторону врага и речи не было. Молодые офицеры справлялись со своими обязанностями безупречно.

Плохо было и на идеологическом фронте. Всем было ясно, что Германия войну проиграла, что надежд на освобождение России нет. Последней искрой в наступившей тьме светился генерал Власов и его Русская Освободительная Армия. Белые воины получили подтверждение в том, что они не одни, что и среди русских, живших «за чертополохом», есть люди разделявшие их стремления, чаяния и надежды. Хотелось верить, что еще не все окончательно потеряно, что появление русских частей, громко говорящих о своем желании создать свободную Россию, без немцев и коммунистов, еще может найти отклик в сердцах воинов советской армии. Корпус стремился к слиянию с РОА, большинство мечтало нашить на левый рукав щиток с Андреевским флагом и этими буквами.

Резко изменилось и отношение к немцам. От былого уважения не осталось и следа. Уже все знали, что война проиграна в результате невероятного нагромождения глупости и преступлений, допущенных Гитлером и его кликой, в отношении всего культурного мира в целом и в отношении России и ее народов, в частности. Гитлер сам себе подготовил неизбежную позорно-бесславную кончину. Но если мы сегодня настаиваем на необходимости не отожествлять имени России с коммунизмом, на том же основании и с тем же правом чины Корпуса делали разницу между Германией и национал-социализмом. Гитлер, Геббельс, Химмлер, Геринг и иже с ними заслужили осуждения и презрения, но Гансы и Фрицы, пронесшие на своих плечах всю тяжесть войны во имя иллюзорной цели величия их народа и родины, были достойны уважения. Не потому ли Гитлер так бесчеловечно и безрассудно преследовал евреев, что украл у них вековое заблуждение касательно «избранного народа»? Нет, предать своих соратников и анти-коммунистических союзников, немецких солдат, Русский Корпус не мог, как в силу общих моральных соображений, так и в силу унаследованных им традиций чести и достоинства русских офицеров. «Похабный» Брест-Литовский мир могли заключать представители красной армии. Белым воинам сама мысль об измене казалась кощунством.

После занятия Румынии и выхода советских войск на Дунай, начался крестный путь Русского Корпуса. Многие части были отрезаны в создавшемся «слоеном пироге», а красная армия пленных не брала, особенно если в ее руки попадали русские. Наступала же она во всеоружии, с танками, катюшами, богатой артиллерией. Не поверни советы на север, для захвата Венгрии и движения на Австрию, из чинов Корпуса спаслись бы единицы. Воевать же с партизанами, которым поручено было очистить от присутствия немцев всю остальную территорию, было значительно легче, хотя к тому времени Тито уже проводил мобилизацию в занятых им районах, а снабжение шло широко и открыто через адриатические порты.

Частям германской армии, расположенным в Греции грозила возможность быть отрезанными и главное командование приказало начать отступление через Югославию. Обеспечить же проход этих разрозненных и деморализованных частей должны были войска, находившиеся в Сербии и среди них Русский Корпус. Путь был очень далекий: через южную Сербию, Шумадию, Боснию, Хорватию, Словению, где всюду уже действовали партизаны, окрыленные надеждой на скорую победу. Первыми в неравной борьбе пали части Второго и Четвертого полков, отступавшие из района Пожаревца на Белград и отрезанные советскими войсками под Авалой. Первый полк вел тяжелые бои в районе Мачвы-Лозницы, а остальные части обеспечивали отход греческой армии от Чачка и через всю Боснию. В тяжелых боях у Бусовачи и Гучьей Горы, как и при взятии Травника, Корпус нес тяжелые потери и показал много примеров доблести. Особенно в этом отличалась молодежь, постепенно занимавшая командные посты на смену старшему поколению, которому просто не под силу было нести тяжести этого боевого отступления. Впрочем, старшие, по мере своих физических возможностей, всегда были примером для младших. Доказательством тому гибель на своем посту двух из пяти командиров полков, смертельно раненого генерала майора Зборовского и павшего в бою полковника Гескет, как и многих других господ офицеров императорской и добровольческой армий.

Но и младшее поколение не отставало в жертвенности от своих отцов. Не могу удержаться, чтобы не вспомнить о геройском поступке кадета Александра Редькина, подложившего под голову ручную гранату, чтобы не задерживать отступления своего отделения, когда был он тяжело ранен. Хо-

чется отдать долг и памяти личных друзей, кадет Ивана Волкова и Юрия Бекханова, гимназистов Владимира Алексеева, Андрея Ветра, совсем мальчика Коли Назимова и многих, многих других. Младшее поколение Корпуса не даром пело слова добровольческой песни: «И как один прольем кровь молодую».

В тяжелых боях вплоть до югославо-австрийской границы прошел Корпус свой крестный путь, но даже и там на привалах звучала единственная, родившаяся в Корпусе песня: «Русь зовет! Идем, родная, лишь немного погоди», ибо до последнего момента чины Корпуса считали свои действия борьбой за Россию. Хочется отметить и еще один незаурядный поступок. Генерал Скородумов остро ощущал свою ответственность в судьбах людей им в Корпус привлеченных. Военные годы он скромно прожил в Белграде на маленькую пенсию и о нем слышно не было. Когда же был отдан приказ об оставлении Белграда и о движении на юг для соединения со всеми частями Корпуса, генерал явился в Штаб, одел форму солдата и прошел все отступление в составе одной из штабных рот.

Потом было горькое сидение в лагерях австрийского Тироля, опасение быть выданными советам, по примеру казаков, разъезд по всем странам свободного мира, заботы об устроении своей жизни в новой обстановке. Но и по сей день бывшие «корпусники» поддерживают связь друг с другом, используют любую возможность, чтобы собравшись отдать дань героическому прошлому, вспомнить слова поэта: «Поныне живет в наших душах сознанье, что мы перед родиной нашей чисты».

В начале шестидесятых годов одному моему другу «корпуснику» представилась возможность защитить докторскую диссертацию в его «альма матер» — Белградском Университете. Для этого необходимо было получить разрешение от очень высокого, и очень партийного учреждения титовской Югославии. О том, что он служил в Корпусе, ему пришлось написать в анкете еще для получения югославянской визы, т. ч. когда его спросили, что он делал во время войны, он об этом сказал прямо. Последовал вопрос: «А что вы об этом теперь думаете»? Он ответил приблизительно следующее: зная как окончилась война, зная, что вопреки нашим чаяниям, советские солдаты сражались за их Союз, а не старались свергнуть эту власть, сейчас я свое участие в Корпусе считаю ошибкой. Но если бы вернулся 41-й год со всем тогдашним положением

и я был бы осведомлен о положении в России так, как тогда, я поступил бы точно также. Не является ли косвенным признанием чистоты наших устремлений со стороны противника тот факт, что разрешение на защиту диссертации было дано?

Помимо объединения чинов Корпуса, послевоенная эмиграция имела в своих рядах и других борцов против коммунизма — бывших воинов РОА, создавших свои организации и в просторечии именовавшихся «власовцами». В идеологическом отношении между двумя союзами не было никакой разницы. Больше того, в конце сорок четвертого года командир Корпуса генерал Штейфон лично беседовал с генералом Власовым и безоговорочно вступил в его подчинение. Между «корпусниками» и «власовцами» возможно и были разногласия, но главным образом этического порядка. Первым несомненно было предпочтительнее говорить об освобождении России в целом, а не ее народов в особицу, как это молчаливо допускалось «Комитетом Освобождения Народов России»,: созданным генералом Власовым еще в Праге. Но в основном вся военная часть русской эмиграции была идейно единой, антикоммунистической и анти-советской.

Иным стало положение по прибытии в эмиграцию «третьей волны», что и побудило меня к написанию этой статьи. Появился Союз Ветеранов Войны (если не ошибаюсь в названии), который ничего не говорит об освобождении России или ее народов, а всю свою заслугу видит в сопротивлении гитлеровской Германии, с одной стороны, и в защите советской родины с другой.

Вот что пишет об этом в книге «Утоли моя печали» бывший убежденный коммунист, а ныне столь же убежденный противник советской власти Лев Копелев: «Февраль 1945 года. Мы все знали: победа близка. Город окружен. Близка и главная, всеобщая победа. Задыхаясь от радости, орал: за наших детей, за наших любимых, за Родину, за Сталина — огонь!» Это напечатано здесь, заграницей. Если же просмотреть любую советскую книгу о конце войны, всюду увидим, что клич: «За Родину, за Сталина» был всеобщим, что эти два столь разных понятия сливались воедино и что советские воины сражались не просто за родину, а за Союз Советских Социалистических Республик, т. е. все за ту же «власть советов», со всеми истекающими последствиями.

Так было в 1945-ом году. А в 1971-ом, бывший сталинский лауреат, автор отличной книги «В окопах Сталинграда», где

воспеты подвиги советской армии, а теперь эмигрант, В. Некрасов, в своей беседе с журналистом, напечатанной в «Новом Русском Слове», высказывает совсем иные мысли:

«Но вернемся назад, к вопросу об ответственности за все, что произошло. Есть у нас некоторое оправдание — это война. Все мы, принявшие участие в войне, считаем, что как-то своей кровью, у кого — больше, у кого — меньше, опасностью, которой подвергались, героизмом, который кто-то проявил, как-то смыли своей кровью все-таки позор 30-тых годов. И это тогда вселило в нас, в меня, во всяком случае, некую веру... Я же в партию вступил, как говорится, с чистым сердцем и открытой душой, считая, что что-то уж смыли, дальше уж врать невозможно, уничтожили самое страшное, что есть на свете — Гитлера, что мы несем на своих знаменах правду, свободу и т. д.

Ничего этого, оказалось, мы не несли. Мы оказались не освободителями, а покорителями. Недавно я писал о том, как меня встречали в Польше. Я кончил войну в Польше, пролил кровь в Люблине. И вспоминаю, как меня обнимали, целовали, поили польским «бимбером», самогоном, — я был освободителем. А сейчас я вижу, что я был оккупантом.

И Красная Армия, к которой я не могу не иметь, по понятным причинам, какой-то симпатии, любви, превратилась в армию покорительницу, армию-оккупанта. Раньше говорили — немецко-фашистский оккупант, теперь русско-коммунистический оккупант. И это страшно. И вот то, что нам давало какую-то светлую нотку в жизни, создавало ощущение выполненного долга, мы защитили, мол, родину свою от врага, сейчас все это становится чем-то другим. Мы не защитили, мы покорили. Поэтому ответственность наша становится еще более сложной. Да, мы воевали не за Сталина, а за родину, за отцов, матерей, за свои хаты и дома, но в конце концов выяснилось, что мы утвердили этот пагубный, чудовищный строй!»

Всего один шаг остается сделать писателю, чтобы признать несомненный факт, что советская армия не только обеспечила Сталину возможность поработить пол-Европы, но и на многие годы заклепала ярмо на шее своего народа.

Бесконечно жаль, что мысли Некрасова еще не проникли в умы его бывших соратников из «третьей волны», объединенных в союзе ветеранов. Увы, все что они пишут и высказывают, ни на йоту не отличается от официальной советской

пропаганды. Все то же захлебывание своими успехами, квасной псевдо-патриотизм, забвение о роли союзников, бахвальство, почти площадная ругань по адресу противника. Эти люди повидимому до сих пор не поняли, что победа над «ублюдками», «головорезами» или «бандитами» ничего не стоит по сравнению с победой над организованной, дисциплинированной и самоотверженной армией, какой был немецкий «Вермахт» на фронте. То же, что делалось в тылу, творилось руками настоящих ублюдков и бандитов, тем самым спасавшихся от фронта. Но такие отбросы человечества существуют у всех народов и не ими ли полны знаменитые «органы»? Несомненно случаи мародерства и насилия были и среди фронтовых частей. Набившие оскомину «матка-курка, яйки», не выдуманы досужими журналистами. Но ведь на это советские бойцы ответили столь же знаменитым «давай часы», а относительно насилий Лев Копелев больше чем достаточно рассказал в своем «Хранить Вечно».

Да не будут приняты эти мои слова, как желание осудить советскую армию и оправдать немецкую. Я хочу только сказать, что как подвиги, так и преступления совершались с обеих сторон, напомнить слова Спасителя, что первым бросить камень в грешника имеет право лишь тот, кто сам без греха.

Я полностью и безоговорочно признаю и уважаю тяготы, лишения, страдания и жертвы, понесенные всеми солдатами советской армии, самоотверженность и героизм избранных. Мне близки и понятны их лозунги: за наших отцов, детей, семьи, за нашу родину. Но когда очередь доходит до Сталина, я понимать их перестаю. И мне кажется, что ветеранам пора четко отмежеваться от этого лозунга, пересмотреть свои взгляды на прошлое, следуя примеру писателя Некрасова. Им сделать это сравнительно легко, т. к. сражались они за этот лозунг не добровольно, а по принуждению, будучи призванными в армию. В этом их отличие от «корпусников» и «власовцев», которых никто не заставлял браться за оружие для борьбы за идеал свободной России.

В свое время, говоря о гражданской войне, другой писатель, М. Осоргин, высказал следующую мысль:

«Были герои и тут, и там; чистые сердца тоже, и жертвы, и подвиги, и ожесточение, и высокая, всекнижная человечность, и животное зверство, и страх, и разочарование, и сила, и слабость, и тупое отчаяние.

Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были, и бились между собою, две правды и две чести, — и поле битв усеяли трупами лучших и честнейших».

Эту идею, в применении к событиям последней войны, разделяет сейчас большинство представителей двух первых «волн» эмиграции. Не пришло ли время призадуматься над ней и «третьей»? **Владимир Бодиско.**

МЫСЛИ О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ.

(Печатается с сокращениями)

В «Перекличке» № 28, помещена прекрасная статья Владимира Бодиско, под названием «Прошлое, Настоящее, Будущее». Приятно читать, когда автор пишет от чистого сердца, не скрывая говорит о своих беспокойных мыслях, о своих сомнениях и правдиво анализирует разницу в психологии различных «волн» русской эмиграции. Он говорит о всевозможных политических и философских веяниях, которые волновали и наших отцов и всех нас, в течение десятилетий пребывания заграницей.

Читая эту статью, присоединяешься всей душой к таким фразам, как: «Увы, пришло время бороться не только против системы установленной в России, но и за само понятие России в этнографическом, историческом, культурном и моральном аспектах». Или: «Последовательность этих двух докладов, из которых первый говорил о светлом прошлом, а второй — о необходимости защищать его от поругания...».

Понятна и близка фраза: «Раздумье пришло позже, в студенческие годы, когда открылись для нас двери библиотек и мы смогли познакомиться со всем, что было написано в свободном мире о революции, ее причинах и следствиях». Но эта фраза уже вызывает на размышление: «А все ли было написано в свободном мире о революции? А не скрывает ли свободный мир от себя самого многое о причинах и следствиях революции? А на сколько т. н. «свободный мир» действительно свободен в своих писаниях? А как, к причинам революции, отнести фразу, сказанную в английском парламенте, в 1917 году, одним из министров, говорившем о русской революции: «Одна из целей этой войны достигнута» ».

Есть же фразы, над которыми следует задуматься. В них автор дает пищу для дальнейших исторических исследований, для изучения прошлого и для дискуссий, позволяющих найти истину. Вот они: «Им было просто немыслимо критически подходить к причинам русского катаклизма, искать их корни в несовершенстве существующего строя, экономического и социального неравенства различных слоев населения» (стр. 4). Или: «Несомненно экономическое и социальное неравенство основных слоев населения было грозной предпосылкой для революции» (стр. 6). И наконец: «... ответственность за революцию несут и правящие круги,... не сумевшие или не пожелавшие предотвратить надвигавшуюся катастрофу своевременными и полноценными реформами» (стр. 6).

Тут, на стр. 6, поставлены два обвинения, которые были свойственны нам молодым студентам и которые и до сих пор, в какой-то мере, засели в наших душах. Обвинения эти появились у нас потому, что мы крепко любили нашу родину и стояли перед вопросами, на которые не было ответа: «Как это случилось?», «Почему?», «Где и в чем справедливость?» — молодым всегда свойственны поиски справедливости.

Но молодость наша давно ушла, а вместо нее появился богатый опыт наблюдения за многими странами мира, их режимами, их правительствами, законодательством, забастовками, сменой диктаторов и полной неудовлетворенностью населения условиями жизни. С этим опытом мы можем по новому поговорить об этих обвинениях.

Мне думается, что не столько отсутствие «полноценных реформ» было причиной нашей катастрофы, сколько недостаточная неполноценная любовь к своей родине и отсутствие понимания, что для страны наступили тяжелые годы, как бывало и раньше в нашей истории, что надо напречь все силы и помочь своей родине выбраться из того бездорожья в которое она попала. Возможности для этого были, светлые, патриотически настроенные люди были, а вот в массах национального самосознания и доверия к властям не было. Настроения патриотизма и самопожертвования проявились в Белом Движении, а народные массы пошли за демагогическими лозунгами: «грабь награбленное», «мир хижинам, война дворцам».

Вернемся к первому обвинению — о неравенстве. Это вечный, это тяжелый, это почти неразрешимый вопрос. Но так как В. Бодиско упомянул в своей статье проф. И. А. Ильина,

заглянем в его работы и посмотрим, что проф. Ильин пишет о возможности равенства в людском обществе. Может быть этот экскурс даст нам твердый, логически обоснованный, фундамент. (Цитаты беру из книги проф. И. А. Ильина «Поющее сердце», глава 2, «О Справедливости»).

В начале главы «О Справедливости» проф. Ильин говорит, что обыкновенно каждый желает справедливости для себя и не понимает, что этим создает несправедливость для других и:

«В результате оказывается, «справедливостей» столько, сколько недовольных людей и единой, настоящей Справедливости найти невозможно. А ведь, строго говоря, только о ней и стоит говорить.

Это означает, что интересы и страсти искажают великий вопрос, ум не находит верного решения и все обрастает дурными и ловкими предрассудками. Из предрассудков возникают ложные учения; они ведут к насилию и революции; а революции приносят только страдания и кровь,...».

Дальше проф. Ильин пишет:

«Французская революция восемнадцатого века провозгласила и распространила вредный предрассудок, будто люди от рождения или от природы «равны» и будто вследствие этого со всеми людьми надо обходиться «одинаково»... Этот предрассудок **естественного равенства** является главным препятствием для разрешения нашей основной проблемы. Ибо сущность справедливости состоит именно в **неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми.**

Если бы люди были действительно равны, т. е. одинаковы телом, душою, духом, то жизнь была бы страшно проста и находить справедливость было бы чрезвычайно легко. Стоило бы только сказать: «одинаковым людям — одинаковую долю», или «всем всего поровну» — и вопрос был бы разрешен....».

И приходит к заключению:

«**На самом деле** люди **не равны** от природы и **не одинаковы** ни телом, ни душой, ни духом. Они родятся существами различного пола; они имеют от природы не одинаковый возраст, не равную силу и различное здоровье; им даются различные способности и склонности, различные влечения, дары и желания; они настолько отличаются друг от друга и телесно и душевно, что на свете вообще невозможно найти двух одинаковых людей».

Дальше проф. Ильин перечисляет причины этого неравен-

ства. Он говорит о разной наследственности, о разном воспитании, образовании, климате, о различных привычках и т. д.

Он говорит, что нельзя на людей возлагать одинаковые обязанности и нельзя давать одинаковые права детям, старикам, женщинам, невменяемым... Нельзя одинаково взыскивать со всех слоев людского общества и говорит:

«... справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми; напротив, она требует неравенства для неравных, но такого неравенства, которое соответствовало бы действительному неравенству людей.... Ребенка надо охранять и беречь; это дает ему целый ряд справедливых привилегий. Слабого надо щадить. Уставшему подобает снисхождение. Безвольному надо больше строгости. Честному и искреннему надо оказывать больше доверия... ...Поэтому справедливость есть **искусство неравенства».**

Очень интересно проф. Ильин говорит о том, что ненависть питает революцию:

«Безумно искать справедливость, исходя из ненависти; ибо ненависть завистлива, она ведет не к справедливости, а к всеобщему уравнению. Безумно искать справедливости в революции; ибо революция дышит ненавистью и местью, она слепа, она разрушительна; она враг справедливого неравенства... ...Справедливость не следует представлять себе по схемам «раз навсегда», «для всех людей», «повсюду». Ибо она именно не «раз навсегда», а живой поток индивидуальных отступлений».

Проф. Ильин открыто и твердо восстает против вульгарного понимания вопросов о неравенстве. Он утверждает, что это сложные и трудные проблемы и решать их по силам высоко интеллигентным и альтруистически настроенным людям. Становится ясно, что крики о равенстве или о свободе, брошенные в массы, являются сильным взрывчатым веществом и чистейшей демагогией.

Если мы принимаем и готовы следовать за проф. Ильиным, мы должны быть особенно осторожны в определении того, каково было неравенство слоев населения у нас на родине и было ли оно такой уж грозной предпосылкой для революции.

Думается, что идеальных государств нет! В каждом режиме, в каждом государственном организме есть области, которые можно улучшить. И это делалось на нашей родине. Тому огромному прогрессу в экономической жизни, в торговле, в образовании, в правосознании, в технике, который начался в России в первое десятилетие XX века, посвящено много тру-

дов. Неоспоримый факт быстрого роста Государства Российского замалчивается и в Сов. Союзе и иностранной прессой. Прогресс этот говорит нам, что если и были в стране какого-то типа неравенства, то они были бы вскоре изжиты.

Для нас, кадет, воспитанных на идее служения государству, представляется непонятным, как можно думать не о том «что я могу сделать для государства», а о том «что я могу получить от государства».

Оценивать жизнь в стране можно только сравнивая ее с жизнью соседей, с окружающими странами в историческом аспекте, в том же веке, в тех же десятилетиях. Нельзя с нашей психологией и с нашими понятиями сегодняшнего дня судить о прошлом.

Изучая нашу историю, сравнивая ее с тем, что было в те же годы в других культурных странах, приходим к выводу, что мы были не хуже других. Ведь в эпоху Ивана Грозного была Варфоломеевская ночь во Франции, кровавое воскресенье в Швеции. Рабов в Америке освободили на два года позже раскрепощения крестьян в России. У каждой страны бывают взлеты и падения. У нашей родины всегда был свой путь и на этом пути свои препятствия, но можно удивляться, как настойчиво и упорно русский народ переходил через все эти пороги и двигался вперед.

... Но не теряла Русь дороги,
Хотя порой валилась с ног.
Прошла овраги и пороги,
Пройдет и нынешний порог!..

Существуют в истории нашего отечества и очень неприятные моменты. В. Бодиско упомянул очень неприятную для нас Русско-Японскую войну. И для меня эта война была, своего рода бельмом на глазу русской истории. Но вот протекла Вторая мировая война и все наши «непростительные недосмотры», «оплошности», «неподготовленность», «неумение предвидеть», наше «авось», повторились, больше чем через тридцать пять лет, в других странах! Мы говорили всегда о неожиданном нападении японцев на наш Порт-Артур, а нападение тех же японцев на Перл-Харбор, где, за одно утро были выведены из строя почти все линейные корабли Американского Тихоокеанского Флота. Американские неприятности на Филиппинских островах, в начале войны? А потери японского флота в ходе войны, когда действия его, казалось бы

говорят о бездарности руководства? А ряд, крайне спорных действий и английского, и немецкого, и итальянского флота?

Теперь, я иначе смотрю и на нашу Русско-Японскую войну.

Я не оправдываю никого за наши просчеты, но я стал понимать, что просчеты свойственны всем людям, а не только нам. Прав В. Бодиско, когда говорит, что «Шестая часть земли, с названием кратким — Русь» не могла создаваться на основе одних ошибок или злодеяний и, что у русских людей есть гораздо больше оснований гордиться своей историей, чем ее стыдиться».

В своей статье, В. Бодиско, очень талантливо и красочно описывает «Долину Павших» в Испании. Я тоже там был и тоже восторгался этим памятником погибшим в Испанскую Гражданскую Войну. Но, вероятно, я еще не поднялся на ту ступень всепрощения, на которой стоял Ген. Франко. Я делаю разницу между теми, кто погиб сражаясь во имя Правды, во имя Любви к своему отечеству и теми, кто пал сражаясь во имя ненависти, злобы, мести. И трудно мне простить тех, у кого звериная психология. Особенно трудно, когда заглядываешь в статью проф. П. Пагануцци, в том же № 28 «Переклички».

Мы говорили о прошлом и о настоящем. А что же мы скажем о будущем, с нашей платформы «кадетского» мировоззрения?

Адмирал Гораций Нельсон, ведя свою эскадру в бой у мыса Трафальгар, поднял сигнал: «Англия ждет, что каждый исполнит свой долг».

И когда начнется восстановление нашей родины, после коммунистической разрухи, пожелаем, чтобы будущие строители подняли бы сигнальные флаги, на которых «долг по отношению к отечеству» был бы на первом месте, для всех граждан страны.

Когда адмирал Нахимов входил с эскадрой в Синопскую гавань, готовясь дать бой турецкому флоту, то с кораблей эскадры увидели, что на флагманском корабле, взбежавший по вантам на мачту сигнальщик, прибивает к мачте, накрепко, гвоздями, Андреевский Флаг.

Пусть же будущие строители крепко прибьют флаг к мачте корабля Российского и пусть не подпускают к этому флагу никакие интернациональные шайки. История нашей родины говорит, что Россия пройдет и нынешний порог!

И. Автамонов.

КАЛЕНДАРЬ РУССКОЙ СЛАВЫ.

Составил

И. АВТАМОНОВ.

МЕСЯЦ

ЯНВАРЬ.

1-го января (ст. ст.) 1700 г. Императором Петром Великим введено летоисчисление от Рождества Христова, вместо прежнего от «сотворения мира». При этом Имп. Петр отверг переход на новый стиль.

1-го января 1758 г. Во время «Семилетней Войны» с Фридрихом II — Великим, в этот день колонны русских войск Салтыкова и Румянцева вошли в Восточную Пруссию. Через одиннадцать дней был взят Кенигсберг и, вскоре, вся Восточная Пруссия была превращена в русское Ген. Губернаторство. Прусское население было приведено к присяге на русское подданство. Война с Фридрихом Великим продолжалась и, через два года, русскими войсками был взят Берлин.

3-го января 1804 г. Во время войны с Персией, ганжинский хан Джевод, покровительствуемый Персией, терроризировал своими набегами Закавказие. В конце 1803 г., главнокомандующий русскими войсками кн. Цицианов предпринял поход на Ганжу и 3-го Января 1804 г. овладел ею штурмом. Джевод погиб, а Ганжа была переименована в Елизаветполь. В дальнейшем ходе войны, персы продолжали наседать и шах персидский Баба-хан поклялся «выгнать из Грузии, вырезать и истребить всех русских до последнего человека», но через полтора года, при Загаме, персидские войска возглавляемые Аббас Мирзой, потерпели полное поражение и в беспорядке удалились, откуда пришли. Загам находится в двух переходах от Елизаветполя.

10-го января 1878 г. В конце Русско-Турецкой Войны, в этот день авангард Скобелева вступил в Адрианополь и, в тот же день, развивая успех, Скобелев двинул 1-ую кав. дивизию ген. Струкова на Константинополь, а 2-ую кав. д-ию на Радосто. Что предшествовало этому? 28 ноября 1877 г. пала Плевна. Это освободило 130,000 русских войск и позволяло нанести Турции решительный удар. Несмотря на сильные морозы, глубокий снег и обледенелые непроходимые кручи Балканского хребта, полки ген. Гурко вышли в поход за Балканы. С боями, атакуя неприятельские позиции, идя выше колен в снегу, к 20-му декабря русские войска были уже по ту сторону Бал-

канских гор. Воля Гурко. энергия офицеров и выносливость солдат победили природу. 23-го была взята София, а в сочельник установлена связь с сербами. Другие русские отряды тоже переходили горы, порою с сильными боями. Отряд ген. Радецкого, взяв в двойной обхват армию Весселя-Паши, колоннами Скобелева и Святополк-Мирского, заставил Пашу положить оружье (31,000 чел.), 28-го дек., под Шейновом. Это сражение решил сокрушительный удар Скобелева. Главнокомандующий Вел. Кн. Николай Николаевич старший, желая полностью использовать Шейновскую победу, решил без задержек овладеть Адрианополем. Войска двинулись тремя колоннами. Правая, ген. Гурко, шла на Филиппополь и здесь, в трехдневном бою разгромила последний оплот Оттоманской Империи — армию Сулеймана-Паши (бои от 3-го до 5-го янв.). Левая колонна, ген. Радецкого, шла через Ямболь на Адрианополь. Средняя колонна, двумя эшелонами, была двинута прямо на Адрианополь. В голове ее был отряд Скобелева (4-ый кор-с, стрелки и 1-ая кав. дивизия ген. Струкова). Уже 1-го января Скобелев бросил кавалерию в глубокий рейд, по тылам в направлении Адрианополя. 2-го янв. Московские драгуны заняли важнейший жел. дор. узел театра войны — Семенли, а дальше, в тылах противника, ген. Струков захватывал обозы, огромные склады продовольствия и снаряжения и 6-го стоял у Адрианополя. Дальнейшие события развивались быстро и 19-го января, когда в Адрианополе было подписано перемирие, русские авангарды стояли в 10-15 верстах от Царьграда.

14-го января 1878 г. Ввиду того, что после Крымской Войны Россия потеряла право иметь военный флот на Черном Море, все операции русского флота, во время Русско-Турецкой войны, сводились к смелым атакам русских маленьких катеров, вооруженных шестовыми минами, или, только что появившимися, самодвижущимися торпедами Уайтхеда, против турецких военных кораблей и речных мониторов, хорошо вооруженных, а иногда и хорошо бронированных. В этот день произошло первое, в истории морских войн, успешное применение торпедного оружия. Два минных катера, «Чесма» и «Синоп», под командой лейтенанта Зацаренного, спущенные с парохода «Вел. Кн. Константин», которым командовал лейт. С. О. Макаров (будущий знаменитый адмирал), потопили своими торпедами, на Батумском рейде, турецкий пароход-фрегат «Интибах.

24-го января (нов. ст.) **1916 г.** В Черном Море 14 гидропланов, доставленных в район турецкого порта Зонгулдак, на двух специально оборудованных «Гидро-транспортах», своего рода авио-матках и спущенных там на воду, совершили налет на Зонгулдаский порт. Бомбами гидропланов были разрушены портовые сооружения и потоплен турецкий транспорт в 7,000 тонн. Все гидропланы благополучно вернулись к своим авиоматкам. В истории военно-морских войн, это одна из первых операцией по применению морской авиации с оборудованных для этого кораблей.

27-го января 1807 г. В середине января этого года русская армия, в составе 95,000 чел., под командой ген. Беннигсена пыталась разбить, оторвавшиеся от главных сил Наполеона, корпуса Нея и Бернадотта, но оба они ускользнули, узнав о приближении русских сил. Наполеон расчитывал на то, что Беннигсен, продолжая преследовать Нея и Бернадотта, подставит под удар свой левый фланг, но, по счастливой случайности, русские перехватили курьера с бумагами от Наполеона к Бернадотту, план неприятеля стал ясным и после пятидневного маневрирования с успешными арьергардными боями, 27-го янв. Беннигсен дал отпор Наполеону в кровопролитном сражении под ПРЕЙСИШ ЭЙЛАУ. Сражение длилось весь день. Наполеон начал бой атакой нашего левого фланга к-сом Ожро. Однако, тот сбился с дороги, из-за поднявшейся метели, и вышел прямо на центр русских, где был встречен картечью 70 орудий в упор и ударом в штыки. Половина корпуса Ожро легла на месте, а вторая обратилась в бегство. Чтобы спасти их Наполеон бросил в атаку Мюрата (75 эскадронов, 8,000 сабель). Конница Мюрата доскакала до наших резервов, но здесь была отражена огнем карре и изрублена нашей кавалерией. В полдень подошел к-с Даву, охвативший наш левый фланг и сбивший его после жестокого боя. Положение спасли конно-артиллерийские роты Ермолова и Яшвиля (36 орудий). Вылетев перед фронт дрогнувшей пехоты, они, своей картечью пригвоздили колонны Даву. В это время к-с Нея охватил наш правый фланг, сбив прусский отряд к-са Лестока и стал заходить нашей армии в тыл, но был остановлен нашими 2-мя пехотными и 2-мя конными полками. Упорный бой по всему фронту прекратился лишь с наступлением ночи. В 10 часов вечера Беннигсен приказал начать отступление и русские незаметно отошли, а Наполеон простоял еще 9 дней на поле сражения, а затем ушел на зимние квартиры. С русской стороны

сражалось 65,000 бойцов, потерявших 26,000 убитыми и ранеными, у французов в сражении участвовало 85,000 чел и потери превышали 25,000. Этот бой, в какой-то мере, был прототипом будущего Бородинского сражения.

27-го января 1904 г. В этот день произошел всем известный славный бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японскими крейсерами и миноносцами. В корейском порту Чемульпо стоял ряд иностранных военных судов, находившихся в распоряжении своих консулов. Среди них находились и два русских корабля. Время еще было мирное, хотя можно было вскоре ожидать конфликта между Японией и Россией. Все военные суда, в зависимости от заданий, которые на них возлагаются, делятся на множество различных типов. Крейсер «Варяг» являлся **легким бронепалубным** крейсером, вооруженным 6-ти дюймовой артиллерией и обладавшим хорошей, для того времени, скоростью хода. Его заданием, во время войны, была бы разведка или нападение, на торговых путях, на корабли неприятеля. Считалось, что «Варяг» сильнее всех двенадцати японских **легких** крейсеров и сильнее каждого из 50 английских быстроходных крейсеров. От встречи с более сильными кораблями, как например броненосные крейсера, он должен был уклоняться, воспользовавшись преимуществом в скорости хода. «Кореец», как и многие другие канонерские лодки, был небольшим кораблем, с малой скоростью хода, но бронированный и с крупнокалиберной артиллерией. Задача таких кораблей это оборона побережья, охрана портов, поддержка десантных операций и пр. Война не была объявлена, когда у Чемульпо появилась японская эскадра в составе одного броненосного крейсера «Асама», с 8-ми дюймовой артиллерией, пяти легких крейсеров и 8 миноносцев, и командир «Варяга» кап. 1-го ранга В. Ф. Руднев, получил требование японского адмирала Урио сдаться. В противном случае русские корабли будут уничтожены в порту! (обстрел и военные действия в нейтральном порту противны международным законам). Командиры других иностранных судов не проявили особой охоты защищать международное право и кап. Руднев принял решение сделать попытку прорваться через японскую эскадру, окружившую вход в порт, и уйти в Порт-Артур.

Около 12-ти часов дня русские корабли вышли из Чемульпо и вступили в бой с противником. Бой продолжался 45 минут. Вначале только «Варяг» мог вести огонь и сосредоточил его на «Асаме». Когда же расстояние до японских кораблей со-

кратилось, то и «Кореец» смог открыть огонь из своих 8-ми дюймовых орудий. В течение боя японский миноносец был потоплен и два крейсера сильно повреждены, причем «Асама», из-за возникшего от снарядов «Варяга» пожара, должен был на время прекратить бой. Повреждения на русских кораблях и малая скорость хода «Корейца» показали, что прорыв осуществить нельзя. Корабли вернулись в Чемульпо и, после того, как команды были свезены на стоявшие в порту иностранные суда, «Варяг» был затоплен, а «Кореец» взорван своими командами. Геройское поведение русских кораблей заслужило признание всего мира.

Примечание: Из множества героических подвигов, на которых строилось здание Славы Российской Империи, в этот календарь вошли не все, а только самые известные и самые выдающиеся. События в календаре заканчиваются на 1917 году. Даты поставлены или в старом стиле, или в новом, сообразно тому, как они значатся в истории. Для составления календаря было использовано множество источников, но главный это: «История Русской Армии, А. А. Керсновского, 4 книги.

МЕСЯЦ

ФЕВРАЛЬ.

1-го февраля 1813 г. В этот день произошла победоносная битва под Калишем. Отечественная война переносилась из России в Пруссию. Уже 28 декабря Кутузов перешел по льду Неман. Целью зимнего похода было уничтожение фланговых французских корпусов и привлечение Пруссии на нашу сторону, и в январе вся восточная Пруссия была очищена от французов и пруссаки восторженно встречали русских избавителей. Саксонский корпус Ренье отступил к Калишу, но здесь был настигнут и разбит русскими. В плен было взято около 1,500 чел. при двух знаменах и 6-ти орудьях. Вскоре был заключен союз с Пруссией, по которому Россия обязывалась «не полагать оружия до восстановления Пруссии в границах 1806 года». Вновь организованные прусские войска возглавил Блюхер, но он был подчинен русскому главнокомандующему.

10-го февраля 1881 г. Ахал-Текинские Походы 1877-1881 годов были предприняты для замирения в Туркестанских степях тех воинствующих племен, которые, нападениями на караванные дороги и на сообщение между Красноводском (на Кас-

пийском Море), и Ташкентом, парализовали нормальное развитие Закаспийского Края. Из всех туркменских племен особой воинственностью, храбростью и свирепостью отличались **текинцы,** обитавшие в Ахал-Текинском и Мервском оазисах и в крепости Геок Тепе. В первые годы, походы в глубь безводных пустынь не принесли никаких результатов, но в самом начале 1880 г. Государь назначил начальником экспедиции ген. **Скобелева.** Силы текинцев насчитывали до 50,000 чел., из них около 10,000 отличных конников. Огнестрельного оружия им не хватало, пушка была только одна, но шашки и кинжалы были у всех и они владели ими с невероятной храбростью. У Скобелева было всего 8,000 штыков и сабель и 64 орудия. Но Скобелев вытребовал сюда, в Закаспийский край, все новинки техники — пулеметы, оптическую и электрическую сигнализацию, холодильники и опреснители и, наконец, аэростаты. Он берег силы солдата в походе и его кровь в бою. Уже в мае этого года он сделал хорошо расчитанный «скачек» и заняв оазис Бами, перенес свою базу на 400 верст вперед и, теперь, только 100 верст отделяло его от Геок Тепе. В Бами он «заставил пустыню кормить экспедицию» приказав развести здесь огороды и сняв поспевшую текинскую пшеницу. В июле он предпринял разведывательный набег на Геок Тепе причем он с музыкой обошел крепость со всех сторон, отразил, с незначительным уроном, натиск текинцев и вернулся. В конце ноября, когда войска были всем обеспечены, он выступил против крепости. В конце декабря началась 18-тидневная осада. В течение осады крепости, текинцы сделали несколько вылазок. Во время одной из них они захватили русскую пушку и бомбардира Агафона Никитина, которого стали пытать, добиваясь того, чтобы он научил их правильно стрелять из этой пушки. Несмотря на жестокие пытки, он отказался это сделать и погиб. Был сделан подкоп под стены крепости и после ошеломительного взрыва войска бросились на штурм. После короткой, но жестокой схватки, крепость была взята. Конница по пятам преследовала бегущие толпы, довершив их разгром. Наш урон — 398 чел., текинцев погибло, при взрыве, во время штурма и преследования, около 8,000 чел. Сердарь и старшины присягнули на подданство России и были отправлены депутацией к Государю, милостивно их принявшему. К 10-му февраля весь Асхабатский округ был занят и кампания закончилась. Скобелев был награжден Георгиевской Звездой.

12-го февраля 1713 г. При Фридрихсштадте, Царь Петр Великий, вступив в командование соединенными русско-датскими силами (46,000), и разбил 16-ти тысячный шведский отряд Стенбока, который после этого ушел в крепость Тенинген, но вскоре положил оружие (12,000 шведов), — Историк Керсновский пишет, что диспозиция к этому бою написана собственноручно Царем Петром и представляет собой важный документ для оценки полководческих способностей Царя. Петр, тут, на много опережает свою эпоху.

13-го февраля 1828 г. Вторая война с Персией была очень короткой. Она началась весной 1826 г. вторжением в Грузию 40,000-х полчищ Аббаса Мирзы. В течение дальнейших месяцев, первоначальное отступление и сопротивление крепости Шуши, в которой отсиживался небольшой русский отряд, перешло в ряд успешных боев, под Шамхором (3,000 бойцов кн. Мадатова разбили 15,000 персов), и у Елисаветполя (10,319 бойцов Паскевича и Мадатова наголову разбили 35,000 персов). В течение 1827 года было еще несколько успешных дел и взят ряд персидских укреплений. В течение сентября Паскевич подтянул главные силы к Эривани, а 1-го октября взял Эривань штурмом. Это нанесло окончательный удар Персии. В течение дальнейших месяцев, русскому оружию покорилась вся ее северо-западная часть, потом был взят Тавриз и Персия запросила мира. После долгих переговоров, мир был подписан в Туркманчае 13 февраля 1828 г., ровно в полночь, в момент признанный персидским астрологом самым благоприятным для его прочности. Россия получила от Персии ханства Нахичеванское и Эриванское, а также 20 миллионов рублей серебром контрибуции. Паскевич получил титул графа Эриванского.

15-го февраля 1814 г. Союзные войска, главным образом прусские, во главе с Блюхером, и русские, всю весну продолжали свой нажим на Наполеона, приближаясь к Парижу. 15-го февраля русский корпус Витгенштейна разбил корпуса Удино и Макдональда при Бар-сюр-Обе и через три дня союзники заняли город Труа.

19-го февраля 1861 г. Император Александр 2-ой Освободитель подписал манифест об освобождении крестьян. Крестьяне получали землю не в личную собственность, а в собственность всей крестьянской общины и пользовались этой землей по постановлениям своих «сходов». Манифест начинался словами: «Осени себя крестным знамением, православный рус-

ский народ, и призови Божье благословение на свой свободный труд».

20-го февраля 1799 г. В то время, когда Суворов сражался с французами в Италии, Ушаков был назначен командующим Русско-Турецким флотом и, выйдя из Дарданел, в короткий срок освободил от французов все острова Ионического моря. Дальше и упорнее других держался гарнизон острова Корфу, но 20-го февраля и он сдался. Русские моряки захватили свыше 600 орудий. За взятие Корфу Ушаков был произведен в адмиралы, а Суворов, узнав об этой победе, воскликнул: «...зачем не был я при Корфу хотя мичманом!».

20-го февраля 1842 г. На Кавказе, во время ряда операций предпринятых против Имама Шамиля, подымавшего против России Чечню и Аварию, которые проходили, в этом году, с переменными успехами, в этот день нами был взят приступом аул Гергебиль, важный опорный пункт Шамиля. После этого Шамиль пытался проникнуть в Южный Дагестан, но здесь, при Рычи, ему преградили путь Ширванский полк.

21-го февраля 1613 г. В этот день состоялось торжественное провозглашение **Михаила Федоровича Романова** царем и принесена ему присяга. Кончилось Смутное Время и началось правление династии **Романовых.**

24-го февраля 1840 г. Эта дата связана с вспыхнувшим на Кавказе поголовным восстанием всех лезгинских и черкесских племен. Горцы овладели, после отчаянной защиты фортом Лазаревым и небольшими укреплениями Николаевским, Вельяминовским и Михайловским. Михайловское укрепление защищали тегинцы и линейцы 5-го батальона под начальством шт.-капитана Лико. Эта горсть героев отбивалась три дня от 11,000 черкесов. Когда совершилось неизбежное и лавины горцев ворвались в укрепление, то рядовой Тегинского полка **Архип Осипов** взорвал укрепление вместе с остатками гарнизона и с победителями. Имя героя навсегда осталось в списках полка и с тех пор всегда вызывалось на перекличках.

26-го февраля 1904 г. В начале Русско-Японской войны, возвращаясь в Порт Артур после ночной разведки, миноносцы «Стрегущий» и «Решительный», обнаружили вблизи, в утреннем тумане, четыре японских миноносца. «Решительный», шедших первым, сразу же получил повреждение рулевых приводов от попадения японского снаряда. Потеряв способность маневрировать, но, прибавив ход, он ушел в Порт Артур. «Стрегущий» принял, и вел, упорный бой с неприятелем. Ко-

мандир миноносца, лейтенант Сергеев, был тяжело ранен в самом начале боя и командование принял мичман Кудревич. «Стрегущий» нанес ряд повреждений японским миноносцам, но на его палубе тоже беспрерывно рвались неприятельские снаряды и команда несла потери. Когда один из неприятельских снарядов повредил котлы, скорость судна упала, а защищаться можно было только ружейным огнем, японцы сделали попытку высадить призовую партию на «Стрегущий», чтобы взять его на буксир. В результате перестрелки и пулеметных очередей, с одного из японских судов, на палубе «Стрегущего» не оказалось больше живых защитников, но взять на буксир «Стрегущего» японцам не удалось. Двое матросов, запершись в машинном отделении, открыли иллюминаторы и кингстоны (клапаны для затопления судна), и миноносец пошел ко дну, вместе с героями-защитниками. Уговоры японцев сдаться не повлияли на них. (Сведения о геройстве двух русских матросов были получены из официального японского рапорта). На помощь «Стрегущему» вышли из Порт Артура легкий крейсер «Новик», под флагом адм. Макарова и крейсер «Аскольд», но, подойдя к месту гибели «Стрегущего» им не удалось никого спасти. В Петербурге героям «Стрегущего» был поставлен памятник.

27-го февраля 1813 г. Продвигаясь на запад, преследуя разбитую французскую армию Наполеона, русские войска, во главе с Витгенштейном, в этот раз, овладели Берлином. (Во второй раз).

МЕСЯЦ
МАРТ.

1-го марта 1809 г. Во время войны со Швецией, в этот день, русская армия, тремя колоннами перешла по льду Ботнического залива и неожиданно оказалась в самом сердце Швеции. Северная колонна Шувалова шла на Торнео и Умео, средняя Барклай де Толи на Кваркен и Умео, а южная Багратиона на Аланские острова и на Стокгольм. «Переход по льду удался блестяще», пишет историк Керсновский, «и по справедливости может считаться одной из славнейших страниц нашей военной истории». В результате этого смелого вторжения в Швецию, после ряда славных боев на ее территории, было заключено сначала перемирие, а к концу лета и мир со Швецией,

в результате которого к России были присоединены Аланские острова и вся Финляндия, бывшая до этого шведской провинцией.

5-го марта 1861 г. Был объявлен по всей Российской Империи манифест Царя-Освободителя об освобождении крестьян, подписанный Императором Александром II 19-го февраля того же года.

13-го марта 1813 г. После взятия Берлина 27-го февраля, русские войска продолжали очищать Пруссию от остатков наполеоновских войск. Особенно удачен был рейд Чернышева на Люнебург, где французская дивизия силою в 4,800 чел. была полностью уничтожена. Пленных было взято 2,300 чел. при 3-х знаменах и 11 орудиях. Наш урон 300 чел. убитыми и ранеными. После этого, 15-го марта был взят русскими войсками Дрезден.

13-го марта 1814 г. В начале марта этого года союзные армии, преследуя Наполеона, медленно продвигались к Парижу. В то время, как Блюхер и Шварценберг стремились, создав численное превосходство добивать силы Наполеона, Государь Александр I, не соглашаясь с этим планом, созвал военный совет русских военачальников (Барклай де Толи, кн. Волконский, Дибич и Толь), и принял решение двинуться на Париж, оставив лишь небольшие заслоны против частей Наполеона. Иностранцам пришлось с этим планом согласиться. На следующий же день, 13-го марта, русская конница, обеих шедших на Париж колонн, имела блистательное дело при **Фер-Шампенуаз.** Это была двойная победа. Конница главной армии — 8,000 сабель утром, выросшая до 12,000 сабель при 60 конн. орудиях в полдень, под командой Палена, разгромила корпуса Мармона и Мортье, 17,000 чел. при 68 орудиях. Бой продолжался три часа, маршалы были опрокинуты и окончательно разбиты, когда попытались контр-атаковать, приняв канонаду по соседству за приближение Наполеона. Они потеряли свыше 5,000 чел. и почти всю артиллерию (59 орудий).

В это самое время, русская конница бар. Корфа, имея всего 2,000 сабель при 4-х орудиях, наткнулась на дивизии Пакто и Аме — 6,000 чел. при 16 орудиях. Корф атаковал эти дивизии, дравшиеся с большим мужеством. Атака была поддержана и развита конницей Васильчикова, а Император Александр I лично привел сюда часть конницы главной армии. Обе французские дивизии были изрублены, а их остатки взяты в плен. Государю, въехавшему в самую сечу, еле удалось пре-

кратить резню. В обеих схватках, из 23,000 французов, было взято в плен 9,000 и 75 орудий. Потери русских 2,000 убит. и ранен.

18-го марта 1885 г. В течение 1882 по 84 годы была сооружена Закаспийская железная дорога от Красноводска на Мерв. 1-го января жители Мерва сами присягнули на русское подданство. Но окраины Мервского оазиса граничили с Афганистаном и афганский эмир, подстрекаемый Англией, наложил на эти земли свою руку. Начался острый и затяжной конфликт с Афганистаном и Англией. Обострение этого конфликта и дерзкое поведение афганцев привели к тому, что 18-го марта 1885 г. начальник Закаспийской области нанес афганцам сокрушительное поражение на реке **Кушка** и прогнал их за их границу. У Комарова было 1,800 чел. и 4 орудия. У афганцев 4,700 отборных воинов. Мы лишились 9 чел. убитыми и 45 ранеными и контуженными. У афганцев перебито больше 1,000 и взяты все бывшие у них 8 орудий и 2 знамени. Это было единственным военным действием в правление Царя Миротворца Александра III. Англия попыталась протестовать и угрожать войной, но Александр III круто отверг английские домогательства и дело закончилось, как того хотел Русский Царь.

19-го марта 1611 г. Ополчение князя Пожарского подходило к Москве, и, видя это, укрывавшиеся в Кремле польские части выехали из него отрядами и начали с разных сторон поджигать Москву. Жители стали отчаянно сопротивляться и в это время им на помощь подоспели передовые части ополчения вместе с кн. Пожарским. Поляки были загнаны в Китай-город и Кремль, но пожара остановить не удалось и город выгорел. Кн. Пожарский был тяжело ранен. На пожарище Москвы собралось все первое ополчение и осадило поляков. Это было начало будущего изгнания поляков и освобождения Москвы.

19-го марта 1814 г. Русские войска штурмом взяли Белльвильские высоты и Монмартр. В этом штурме Парижа приняло участие до 100,000 чел., почти все русские. Столицу защищало 40,000 французов, корпуса Мармона и Мортье и национальная гвардия. Потери штурмующих были велики, но в плен было взято около 1,000 защитников и 126 орудий из 154 бывших у французов. Париж был у ног Русского Царя и на следующий день русские и их союзники торжественно вступили в столицу Франции. Здесь уместно будет упомянуть, что главнокомандующий прусских частей Блюхер, во время наступления на

Париж тесно сотрудничавший с русскими, был убежденным руссофилом и всегда требовал себе в конвой русских гусар и казаков, ставя их в пример прусакам.

31-го марта 1904 г. Под Порт-Артуром с миноносцем «Страшным» почти повторилась история гибели мин. «Стрегущий». На рассвете, возвращаясь из ночной разведки, «Страшный» встретился с шедшими от Порт-Артура японскими миноносцами и вступил с ними в бой. Силы были далеко не равными и через некоторое время, сильно поврежденный «Страшный» стал тонуть, продолжая вести бой и не позволяя японцам приблизиться. Из Порт-Артура, полным ходом, шел на помощь «Страшному» броненосный крейсер «Баян» и, при виде его, японские миноносцы прервали бой и поторопились уйти. Спасти «Страшного» не удалось, но подойдя к месту его гибели, «Баян» застопорил машины и стал спасать из воды оставшихся в живых матросов «Страшного».

МЕСЯЦ
АПРЕЛЬ.

5-го апреля 1242 г. Несколько последних лет, перед этой датой, характерны тем, что соседи новгородцев, организованные в военно-монашеские ордена Крестоносцев, Меченосцев и Тевтонский орден, объединившиеся по повелению Папы Римского, для распространения христианства среди соседних народов, начали своего рода «крестовый поход» для уничтожения Православия на Русской Земле. За два года, до этой даты, новгородский князь Александр Ярославич, пра-правнук Владимира Мономаха, уничтожил первые отряды крестоносцев-шведов на реке Неве и получил за эту победу прозвание «Невского». В последующие годы, орденам удалось овладеть Псковом и сильно потеснить новгородские силы. В 1242 г. Александр Невский предпринял поход против рыцарей, освободил от них Псков, а затем, 5-го апреля, во главе новгородских и псковских дружин, на голову разбил главные силы объединенных орденов в **Ледовом Побоище,** на льду Чудского озера. Этим был положен конец «крестовому походу».

16-го апреля 1799 г. Прибыв в Италию и приняв командование над русско-австрийскими силами, Суворов, 8-го апреля, двинулся против французской армии Моро, находившейся в северной Италии. Его план был разбить порознь обе фран-

цузские армии. Сначала Моро, а потом южную армию Макдональда. У Суворова было 40,000 чел. 16-го апреля, на реке Адда, он атаковал армию Моро (28,000), и нанес ей полное поражение. Французы потеряли 2,500 убитыми и раненными и около 5,000 чел. при 27 орудиях попало в плен. Наш урон около 2,000 уб. и раненными. На следующий день Милан открыл свои ворота победителю, а в течение следующего месяца вся северная Италия была очищена от французов, сохранивших за собой лишь Геную и Ривьеру.

16-го апреля 1813 г. Скончался фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, победитель Наполеона.

20-го апреля 1839 г. На Кавказе, во время широкой операции по всему фронту, в этот день, дагестанский отряд ген. Головина, после упорного боя, занял аул Аргуань. Эта победа позволила отдельным русским отрядам объединиться и совместно осадить оплот Шамиля аул Ахульго и взять его после четырехмесячной осады.

25-го апреля 1709 г. К этой дате относится начало осады Полтавы Карлом XII. Гарнизон Полтавы, в составе 7,700 чел., из которых 2,660 было мещан, отбил три штурма армии шведов состоявшей из 33,000 чел. Здесь шведская армия надорвала свои силы и израсходовала почти все боевые припасы. Извне, конница Меньшикова, с половины мая, стала производить диверсии в виду крепости и смогла дать гарнизону пополнение в размере 900 человек. Гарнизон, под начальством полковника Келина, выдержал осаду длившуюся 63 дня. Вступив в Полтаву Петр I снял шляпу перед Келиным.

30-го апреля 1854 г. Начиная с середины апреля, англо-французский флот, в составе 10 парусных линейных кораблей и 8 пароходов-фрегатов, крейсировал у русских берегов и пытался высадить десант у Одессы, но был отбит артиллерийским огнем береговых батарей. Наконец, 30 апреля русскими был захвачен, в районе Одессы английский пароходо-фрегат «Тайгер», севший на мель.

30-го апреля 1904 г. С самого начала Русско-Японской войны, минный заградитель «Амур», под командой кап. 2-го ранга Иванова, участвовал в постановке минных заграждений около Порт-Артура. В эту ночь он поставил мины в 11 верстах от порта, на том фарватере, которым часто пользовалась японская эскадра. На следующее утро, два японских броненосца «Хатсудзе» и «Яшима» подорвались на этих минах. «Хатсудзе» затонул сразу ввиду Порт-Артура, а «Яшима», с боль-

шим креном, был отбуксирован в Японию и его ремонт продолжался много месяцев. Это случилось через несколько недель после гибели адм. Макарова на броненосце «Петропавловск» взорвавшемся на японской мине. После этого дня, японская эскадра долго не рисковала приближаться к Порт-Артуру.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН.

В газете «Вашингтон Пост», давно уже практикующей антирусизм, 14-го января появилась статья под заглавием «Новая мера для обороны». Автор ее бывший председатель комитета начальников штабов американской армии, авиации и флота генерал Максвелл Тэйлор рекомендует, в случае войны с Советским Союзом нанести основной удар «средствами массового истребления» по районам Советского Союза «с преимущественно русским этническим населением» и, по возможности ограничить урон населения в нерусских республиках. Генерал предполагает, что, сохранившееся после нанесения удара, население русских областей станет легкой добычей мстительно настроенных сателитов и нерусской части населения страны. Идеи эти, по словам генерала были навеяны ему профессором Гари Л. Гертнером, который недавно опубликовал статью в журнале «Политикал Сайенс Квортерли». Статья его «Стратегическая уязвимость многонационального государства — сдерживание Советского Союза» предполагает, это принятие доктрины о массированном ударе по русским областям, удержит Советский Союз от нанесения первого удара. Уничтожение основной этнической группы многонационального государства будет способствовать его безболезненному распаду, без потери живой силы воюющей с ним страны.

Нас поражает не содержание статьи, призывающей к геноциду русского народа по национальному признаку, столь решительно осужденному нюренбергскими законами, в основном, предложенными Соединенными Штатами в конце Второй мировой войны. Эти стратегические, политически подкрепленные установки, знакомы нам со времен прошлой войны, когда специалист по геноциду Адольф Гитлер проводил в жизнь эти же принципы, тщательно отделяя в лагерях для военнопленных великороссов и обрекая русских мальчишек на го-

лодную смерть для окончательного разрешения русского во проса.

Нас поражает то, что уроки такой стратегии, приведшей Германию Гитлера к небывалой катастрофе поражения и крепко спаявшей армию Советского Союза во имя победы для самосохранения, не учитываются, даже такими людьми, как заслуженным стратегом, достигшим высшего положения в армии Соединенных Штатов генералом Максвеллом Тэйлором. Разве не страшно куда толкает свою страну заслуженный генерал. Не русскими руками строится коммунистическая система угнетения личности, контроль экономики и стремление к мировой революции в Китае, Югославии и Албании, которые скорее относятся к противникам Советского Союза, чем к его друзьям. Не русскими руками, вопреки всем западным предсказаниям, сегодня в Польше удушается весна свободы. Польская армия, польскими руками пресекает попытки поляков прекратить марксистский опыт в этой стране. Помогать надо национальному возрождению, а не отталкивать его в безнадежность. На западном фронте, видимо, без перемен.

Н. В. К.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

От Объединения кадет в гор. Чикаго.

Дорогой однокашник!

Тебя и администрацию нашей «Переклички» поздравляем от имени нашей кадетской семьи г. Чикаго с праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

Желаем Вам всем доброго здравия и сил успешно продолжать патриотическое дело на благо всем нам кадетам.

Казначей : **Леонид Хантель**

Секретарь : **Св. Савицкий**

Письмо адресованное В. Г. Глинину

Дорогой Валя!

Мне захотелось сказать тебе спасибо за твою прекрасную статью в 27-ом номере «Переклички» «Христианство в Доисторической Руси». Очень она мне понравилась. Никогда мне

не было по душе сказание Нестора. Слыхал я об Ипатьевской летописи еще в Белграде. Потом в книге Миши Каратеева «Наше Прошлое» впервые почудилась мне правда о происхождении Рюрика, а теперь твоя статья окончательно меня убедила. Жаль только, что как Ипатьевская летопись погибла так погибли и дощечки Влесовой летописи. Одно обстоятельство обратило мое внимание — это имена Рюрика и Синеуса. Мне кажется просто на слух, что имя Рюрик славянское производное от известного нам имени Юрий. Уменьшительное от Юрия — Юрик с приставкой Р указывает нам на Рюгенское происхождение этого имени. Славянское происхождение имени Синеуса не внушает никаких сомнений. Ведь до сих пор про очень черные волосы говорят «иссиня черные», т. к. действительно черный цвет иногда отливает синевой. Да это не только у русских. У французов есть легенда о Синей Бороде почему же по черным усам не назвать человека Синеус. Вот и все что я хотел тебе написать.

Передай пожалуйста Коле Козякину, что теперь, после перехода Переклички с чисто кадетских рельс на литературный путь, я признаю свою ошибку, когда считал, что Перекличка должна отражать только кадетские дела. Я не ожидал что у нас есть такие литературные таланты и авторы научно-исследовательских статей.

ХраниБог тебя, Колю и ваши семьи,

твой **Сергей Ольденборгер.**

—

Дорогой Николай Васильевич,

очень прошу поместить в журнале эти дополнительные сведения к статье «Ген. В. О. Каппель и его Каппелевцы», напечатанной в «Перекличке» № 29. В ней я уделил довольно много места поведению в Сибири чехов и некрасивой роли их главнокомандующего, ген. Сырового, выдавшего адм. Колчака большевикам. Писал о том, как ген. Каппель, возмущенный поведением Сырового, вызвал его на дуэль, но не получил от него никакого ответа. Писал о том, как Ижевцы и Воткинцы в Чите преподнесли «Командующему Чехословацкими войсками в Сибири, генералу Яну Сыровому, тридцать «серебреников», подобно Иуде предавшему своих бывших союзников — Белых.

Конечно, все это далекое прошлое и неприятно вспоминать эти прошлые грехи хотя и славянина, но, как видно, чуж-

дого России человека, народу которого Россия ничего плохого за всю свою историю, не делала.

Но в интересах истины, чтобы предотвратить возможность обвинения в клевете и предвзятости, я хочу привести один документ НЕ РУССКОГО происхождения, относящийся к событиям того времени, а именно письмо к ген. Сыровому польского офицера, капитана польских войск в Сибири.

Нужно сказать, что сформированные в Сибири польская дивизия и сербский полк остались не в пример чехам верными Белым до конца и вместе с ними проделали Сибирский Ледяной Поход. При отступлении их раненые, жены и дети эвакуировались по железной дороге, где хозяйничали чехи. Там они в замерзших эшелонах, с потухшими паровозами или вообще без паровозов, отобранных для себя чехами, наравне с русскими ранеными и беженцами, гибли или попадали в руки большевиков.

Это письмо приводит в своих воспоминаниях проф. Г. К. Гинс, член Колчаковского Правительства в Омске.

«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕН. СЫРОВОМУ»

«Как капитан Польских войск, славянофил, давно посвятивший свою жизнь идее единения славян — обращаюсь лично к Вам, Генерал, с тяжелым для меня как славянина, обвинением.

Я, официальное лицо, участник переговоров с Вами по прямому проводу со ст. Клюквенной, требую от Вас ответа и довожу до сведения Ваших солдат и всего мира о том позорном предательстве, которое несмываемым пятном ляжет на Вашу совесть и на Ваш «новенький» чехословацкий мундир.

Вы жестоко ошибаетесь, Генерал, если думаете, что Вы, палач славян, собственными руками похоронивший в снегах и тюрьмах Сибири возвращающуюся русско-славянскую армию с многострадальным русским офицерством, 5-ю польскую дивизию и полк сербов и позорно предавший адмирала Колчака — безнаказанно уйдете из Сибири. Нет, Генерал, армии погибли, но славянская Россия, Польша и Сербия будут вечно жить и проклинать убийцу возрождения славянского дела.

Я требую от Вас, Генерал, ответа за наших женщин и детей, преданных Вами в публичные дома и общественное пользование «товарищей», оставляя в стороне факты выдачи на ст. Тулуне, Зиме, Половине и Иркутске русских офицеров на моих глазах, дружественно переданных по соглашению с Вами для

расстрела в руки товарищей совдепско-эсеровской России. Но за всех их, замученных и расстрелянных, несомненно, потребуют ответа мои братья славяне, русские. Я же лично, Генерал, требую от Вас ответа хотя бы только за нас, поляков.

Как поляк, офицер и славянин, обращаюсь к Вам: К барьеру, Генерал! Пусть дух славянства решит наш спор — иначе, Генерал, я называю Вас трусом и подлецом, достойным быть убитым в спину.

Капитан Польских Войск в Сибири

Ясинский-Стахурек.

5-ое февраля 1920 года».

(Г. К. Гинс «Сибирь, Союзники и Колчак», том 2-ой, стр. 507).

Конечно, Сыровой не ответил на этот вызов, как не ответил и на вызов ген. Каппеля.

Как завершение истории пребывания чехов в России, ген. Сыровой безнаказанно уехал из Сибири и даже в Харбине был награжден ген. Жаненом, Главнокомандующим всеми Союзными Войсками в Сибири, за «успешную» эвакуацию чехов, орденом Почетного Легиона.

Борис Павлов.

—

Париж, 11 ноября 1981 г.

Дорогой Николай Васильевич!

Простите за большое промедление с ответом на Ваше письмо, вложенное в № 28-й «Переклички», благополучно мною полученный вместе с № 27-м, за которые очень Вас благодарю.

Не удивляйтесь, когда получите от А. Д. Шмемана мою статью, которая м. б. заинтересует читателей «Переклички», т. к. является первой частью доклада, сокращенной для экономии времени участников Съезда с 30 до 3 страниц. Зная о полной невозможности для меня взяться за какую-нибудь новую серьезную работу, А. Д. Ш. уговорил меня послать Вам то, что было у меня уже готового. Само собой разумеется, что я предоставляю Вам решить, стоит ли помещать ее в журнале, и обещаю не обижаться в случае ее неиспользования.

По поводу № 28-го: в нем обращает на себя внимание короткая статья В. Бодиско, с чьим анализом трех «волн» эмиграции нельзя не согласиться. Нужно при этом заметить, что из трех волн только первые две можно называть русскими, в то время как третья, должна быть, за исключением только

лишь некоторых ее представителей, названа эмиграцией советской.

Возвращаясь к статье Бодиско, добавлю, что недоумеваю, почему он, говоря о моем выступлении на Съезде, произвел меня, через два чина сразу, в капитаны. Прочтет это кто-нибудь из знавших меня еще кадетом или юнкером и с полным правом назовет меня самозванцем. Поэтому я был бы Вам очень обязан, если Вы найдете возможным поместить в «Перекличке» короткую заметку о том, что, мол, К. М. Перепеловский просит уточнить, что он вовсе не капитан, а подпоручик.

Заинтересовала меня также и выдержка из воспоминаний Сердаковского о Тифлисском корпусе.

Сердаковский очень мало пишет собственно о корпусе. Конечно, проведя 14-15 учебный год в Вольске, он ничего не мог скаазть о посещении нашего корпуса Государем в октябре 14-го года проездом на Турецкий фронт, но о корпусном празднике ноября 15-го года он мог бы упомянуть, так как парад наш в этот день принимал Вел. Кн. Николай Николаевич, только что назначенный Наместником Государя на Кавказе. На параде этом Вел. Кн. сам приколол три Георгиевских креста и три медали на мундиры шести кадет, побывавших на фронте во время летних каникул. В том же 15-ом году в Тифлис был привезен прах князя Багратиона, офицера, кажется, лейб-гвардии Конного полка, перешедшего в начале войны в пехоту и убитого на Германском фронте. Кн. Багратион был мужем дочери Вел. Кн. Константина Константиновича Княжны Татьяны, впоследствии игуменьи Тамары. В Тифлисе на всем пути торжественной похоронной процессии были выстроены шпалерами войска гарнизона и все учебные заведения города и наш корпус. Уже в 60-х годах, встретив на кладбище в Сент-Женевьев игуменью Тамару, возвращавшуюся из Нью-Йорка в Иерусалим, я представился ей, как преемственно возглавлявший тогда Объединение Киевского военного училища, шефом которого был ее отец, и напомнил ей об этих похоронах, на которых присутствовал еще мальчиком. Был там, наверно, и Сердаковский.

Относительно откликов читателей «Переклички» на опубликованный текст доклада, хочу поделиться с Вами некоторымоим удивлением, не обнаружив в № 28-ом ни одного, который касался бы содержания доклада или же вообще той обстановки, в которой протекала вооруженная борьба, и, в част-

ности тех ее элементов, о которых не было возможности ни сказать в Буживале, экономя время участников Съезда, ни напомнить уже потом в и так уже длинной статье, занявшей бы тогда все страницы журнала. Ведь история Белого движения включает в себя не только описание вооруженной борьбы, которой, собственно, и был посвящен доклад, но еще и многие другие главы, посвященные другим вопросам, так или иначе повлиявшим на судьбу движения, и которые по упомянутым выше причинам пришлось обойти молчанием. Надо сказать, что, готовя доклад, я имел в виду не только нарисовать общую картину военных действий против красных, но еще и пробудить в слушателях и потом в читателях интерес к прошлому, и я думал, что для продолжателей Белого Дела было бы нормальным стремление узнать некоторые подробности, например, взаимоотношений с союзниками и с германскими оккупационными войсками и также с новыми государственными образованиями, возникшими на развалинах Российской империи, или о роли в Белом движении казачества и о самостийных течениях в казачьих областях, или еще (почему нет?) даже о «черных», по выражению генерала Деникина, страницах в истории Добровольческой армии, как вообще о многих других вопросах, перечислять которые нет необходимости.

Еще раз прошу простить меня за промедление с ответом и с благодарностью за присланные номера журнала.

Шлю Вам мой сердечный привет и самые добрые пожелания.

Ваш **К. Перепеловский.**

Редакция обратилась с просьбой к Константину Михайловичу написать для нашего журнала статьи на любую из упомянутых в его письме тем. Было бы очень ценным, не только для нас читателей, но и для будущих исследователей этой страшной эпохи ознакомиться о взаимоотношении с внешними силами, пытавшимся извлечь наибольшую выгоду от русской смуты. Черные страницы движения помогут нам в историческом аспекте не повторять совершенных ошибок, а главное, быть беспристрастным в оценке и себя и противника. Нам бы также очень хотелось услышать мнение автора почему белое движение не удержало победы в своих руках и что, по мнению автора следовало бы сделать или изменить чтобы история России пошла по иному пути.

— **Н. В. К.**

Дорогой Коля!

Очень был бы тебе признателен, если бы Ты нашел возможным поместить в «Перекличке» это письмо, которым я хочу от лица всех нас поблагодарить нашего однокашника Александра Евгеньевича Кулакова за жертвенную помощь нашей молодежи и его патриотическую деятельность.

Александр Евгеньевич происходит из военной семьи. Отец его в Первую мировую войну вступил вольноопределяющимся в 6-ой гусарский Клястицкий ген. Кульнева полк и закончил гражданскую войну в чине ротмистра Дикой Дивизии.

Он же вступив в Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кад. Корпус вместе с корпусом в 1944 году эвакуировался в Германию, но 8-го Класса ему, как и его сверстникам закончить в Корпусе не пришлось, ибо в 1945 г. Корпус прекратил свое существование.

Заканчивал он свое образование уже в Америке где в Станфордском Университете и познакомился со своей будущей женой. Выбрав себе профессию он открыл собственную контору по продаже недвижимого имущества... Умением, настойчивостью, отчасти быть может и везением он успел укрепить свои дела и занялся, кроме продажи, и постройками целых городских кварталов.

К несчастью большое горе постигло эту хорошую русскую семью. Старшая дочь и младший сын умерли от сердечного недуга чуть ли не в том же самом возрасте с разницей в восемь лет насколько сын был младше дочери. Хотя удача в делах сопровождала его и казалось бы, что ничто не мешало ему последовать примеру тех «бизнесменов», которые сколотив «копейку» ушли в быт, с ним этого не случилось. Он не забыл своего «рода и племени», как не забыл и православия и по мере своих возможностей помогал и постройке местной Православной церкви и Русской Школе-Гимназии, в которой училась дочь Оля, так печально недожив до момента ее окончания, а потом и сын Женя, красивый, стройный, аккуратно подтянутый и воспитанный юноша, которому так же как и его сестре не удалось закончить нашу Гимназию, в которой и я преподавал в старших классах ему литературу. Нужно отдать должное Жене, что он был любим не только своими сверстниками однокашниками, но так же и педагогами и конечно скаутами и их руководителями местной скаутской дружины имени генерала барона П. Н. Врангеля.

На этих днях, состоя членом Русского Ветеранского Общества я получил протокол о деятельности общества по сбору средств для все еще проживающих инвалидов 1-ой мировой войны.....

Между перечислением жертвователей выделяется сумма в 1.500 дол. переданная в кассу князем Василием от этого нашего однокашника. В тот же день я прочел в газете Русская Жизнь благодарность ему же от Правления Дома имени Св. Прав. Иоанна Кронштадтского в Кастро Валей. Благодарность гласила: «За **Ваше сердечное отношение к нашей больнице и большую помощь оказанную нам»**.

Я не знаю о высоте оказанной помощи, но для меня ясно, что благодаря за сердечное отношение к больнице и **большую помощь** оказанную самому правлению Дома не может быть маленькой и безусловно была **щедрой.**

А перед этим было со стороны его еще несколько пожертвований. Было крупное пожертвование на местный Храм, было пожертвование в сумме 5.000 дол. для Школы, в которой обучались и Оля и Женя. Было пожертвование на ту же сумму и для Скаутской Дружины ген. Врангеля, членами которой так же были его дети....

В г. Сан Франциско скауты имеют собственный домик (откровенно сказав избушка на курьих ножках). Сам домик имеет очень удачное расположение. Он находится точно напротив нашего Нового Собора.

Еще в прошлом году преодолев препятствия разделявшие 2 скаутские организации они решили совместно собирать деньги для постройки хорошего большого здания, в котором помимо помещения для скаутов нашлись бы помещения и для остальных национальных и воинских объединений и обществ... Узнав об этом последовал и щедрый дар в виде чека на сумму в 100.000 долларов.

В этом подарке сказался не только широкий размах русской души, но в нем заложено что-то более дорогое и глубокое, а именно тот патриотизм, который должен быть присущ каждому воспитаннику славных Российских Военных школ.

Но это не все:

А. Е. Кулаков узнал, что в Институте Гувера при Станфордском Университете находятся черно-белые фильмы заснятые в Императорской России, как до 1914 года, так и во время Первой мировой войны с некоторыми кадрами из фрон-

товой боевой жизни на Кавказе и частично на западном фронте.

Эти фильмы были откуплены у наследников того, кто их успел вывезти из России в самом начале революции и до сегодняшнего дня нигде не демонстрировались. А. Е. Кулаков заинтересовался ими и установив, что они в прекрасном состоянии, но сняты на ленте в 35 мм. посоветовал руководству института их синхронизировать приурочивая к нынешнему стандарту кинематографической индустрии.

Но так как у руководства не оказалось нужных средств, он предложил им взять на себя расходы выговорив себе право на 2 копии с переснятых фильмов.

И несмотря на то, что расходы выразились в **тридцати** тысячах долларов он успешно провел эту «операцию» и недавно стал обладателем 2 копий уникальных фильмов.

По его словам он предполагает по получении нужной аппаратуры ознакомить с этими фильмами широкую общественность....

Я думаю, что все описанное мною не следует скрывать как от наших однокашников так и от остальной **русской общественности** как доказательство того, что не все так темно в нашем Зарубежьи. **Алексей Мальчевский.**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Память их в род и род

прот. о. Александр Киселев

Посвящена эта книга, вышедшая из печати ко дню прославления новомучеников российских, памяти изуверски убиенных Императора Николая Александровича, его семьи и верных слуг, отдавших свои жизни России с непоколебимой преданностью христианским заветам любви и кротости.

Инородные и ненавидевшие Россию убийцы царской семьи совершили это нечеловеческое преступление с одной только целью — уничтожить носителя идеи православного государства.

О. Александр убедительно рисует хорошо подобранным материалом, облик Государя, его семью и сподвижников в

последний период их жизни, смиренный и кроткий образ которых, так ярко выступает в одном из писем вел. княжны Ольги Николаевны переданным из заключения: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан и тем на кого они могут иметь влияние — чтобы они не мстили за него, так как он всех простил, и за всех молится, и чтобы помнили что не зло победит зло, а только любовь».

Прочтя эту книгу невольно вспоминаются слова старца Зосимы о том, что смиренная любовь есть «страшная сила, изо всех сильнейшая, подобно которой и нет ничего».

Книгу можно выписать по адресу:

V. Rev. Alexander Kiselev,
St. Seraphim Church
322 West 108 street, New York, N. Y. 10025. U.S.A.

—

«Правда об убийстве Царской Семьи»

проф. Павел Пагануцци

В номере 22-ом нашего журнала была напечатана статья проф. П. Пагануцци «Екатеринбургское Злодеяние», которая легла в основу недавно вышедшей из печати книги того же автора «Правда об убийстве Царской Семьи».

Этот хорошо документированный труд с многочисленными фотографиями, многие из которых публикуются впервые, собственно, не нуждается в рецензии. Эту книгу нужно иметь на своем столе, чтобы всегда помнить, что истребление царственного дома не было вызвано чувством ненависти революционеров к представителям существующей системы, как было во Франции, а основой его был хорошо обдуманный и с холодной расчетливостью проведенный план уничтожения русской государственности, ведущего слоя всех сословий и национальной и религиозной мысли.

Если книга «Память их в род и род» говорит нам о кротости и смиренной любви тех, кто стал жертвой этого заговора, то книга П. Пагануцци выявляет жестокую и ненавистническую сущность возглавителей и исполнителей его. Забыть это нельзя. Даже если Государь и просил об этом.

Н. В. К.

—

Годы смут и надежд
1917-1919

с предисловием Александра Солженицына.

Обновленное издательство
«РУСЬ»
сообщает о выходе в свет первой книги воспоминаний
Кн. Гр. Н. ТРУБЕЦКОГО
Императорского чрезвычайного посла в Сербии
в 1914-1917 года.

В начале воспоминаний автор описывает свое участие в СОБОРЕ по выброу ПАТРИАРХА в 1917 г.

После захвата власти большевиками кн. Трубецкой становится видным членом ПРАВОГО ЦЕНТРА (в Москве и Киеве), который ведет переговоры и выискивает возможности сотрудничества Союзников или немцев в свержении кровавого большевистского режима.

В конце 1917 г. кн. Трубецкой едет на юг, на Дон и Кубань, и на его глазах зарождается ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ. В книге потрясающе описан жертвенный порыв русской молодежи вступавших в ряды ДОБРОВОЛЬЦЕВ: «Эти дети горели святым огнем и радостно умирали за родину».

Летом 1918 года автор пробирается в Киев, где в это время бурлит, под защитой вражеских, германских штыков, политическая жизнь. Он подробно описывает роль киевских КАДЕТ, вошедших сплоченной группой, в марионеточное, самостийное правительство с целью бороться против украинизации. В книге мастерски описана сложная политическая обстановка на Украине.

Кн. Трубецкой дает яркие и меткие характеристики военным, политическим и общественным деятелям, с которыми ему приходилось встречаться. В ярком калейдоскопе проходят перед читателем, как живые, образы вел. кн. Николая Николаевича, Милюкова, генералов Алексеева, Деникина, Каледина, Корнилова, атамана Краснова, Савинкова, Скоропадского и др.

Особого интереса заслуживает описание встречи с лидером к.-д. партии Милюковым и публикуемое письмо Милюкова от 11.VIII.18, в котором он выражает свои мысли и взгляды на политическую обстановку того времени, делая набросок

программы действий. Он одобряет действия своей партии в Киеве и готов принять помощь, при свержении большевиков от немцев, при известных условиях.

В конце книги описывается неприглядная роль «доблестных» Союзников России в гражданскую войну и воспроизводится обозначенный «совершенно секретно» документ: «Очерк взаимоотношений Вооруженных Сил на Юге России и представителей Французского Командования», в котором говорится о предательстве французами Добровольческой Армии.

Вот что пишет Солженицын о книге Издателю:

«Все Воспоминания Вашего отца всегда очень интересно читаются... Много дают для общего понимания гражданской войны, Добровольческой Армии, казачества, союзников и чудесные картинки помещичьего быта 1918 года».

ОТ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ 8-го СЪЕЗДА КАДЕТ РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ, В 1982 ГОДУ, В ЛОС-АНЖЕЛЕСЕ.

—

СООБЩЕНИЕ № 2.

В прошлом сообщении, помещенном в ПЕРЕКЛИЧКЕ №29, было сказано, что 8-ой Всекадетский Съезд откроется в воскресенье 1-го августа 1982 г. молебном и парадом, а закроется в пятницу 6-го августа прощальным балом. Там же было указано, что основная тема для докладов на Съезде выбрана очень широкая, а именно: «Светлое Прошлое России».

Теперь мы с радостью сообщаем следующее:

1) В ответ на наше приглашение, мы имели честь получить согласие, на ВОЗГЛАВЛЕНИЕ 8-го СЪЕЗДА, от Ея Высочества Княжны ВЕРЫ КОНСТАНТИНОВНЫ. Приводим выдержки из ее письма:

Дорогой Игорь Александрович!.. Конечно мне известно, что наш кадетский Съезд, 8-ой, состоится в будущем году в Лос Анжелесе и уже радуюсь принять в нем участие, если буду жива и Господь благословит.

С радостью возглавлю Съезд.

Очень рада, что Вы назначили Съезд на первую неделю августа, таким образом избегая Успенский Пост, такой же строгий, как Великий.

...Буду с удовольствием получать все дальнейшие сведения от Вас.

Шлю кадетский привет Вам и всем кадетам, с семьями, в Лос Анжелесе.

Старшая сестра всех кадет, (подпись):

ВЕРА

2) Приглашения быть ПОЧЕТНЫМИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯМИ Съезда отправлены двум Преосвященным Владыкам, бывшим кадетам: Антонию, архиепископу Лос Анжелескому и Южно-Калифорнийскому и Антонию, архиепископу Сан-Франциского и Западно-Американскому.

3) Посланы приглашения двум организациям русской молодежи в Лос Анжелесе; Обществу «Русский Сокол» и Дружине Разведчиков «Нижний Новгород», участвовать в нашем традиционном Параде, находясь в строю отдельными взводами. Мы считаем, что такой Парад запомнится русской национальной молодежью на всю жизнь. Согласия обоих организаций получены.

4) Разосланы «Анкеты» и предводительные письма ВСЕМ ОБЪЕДИНЕНИЯМ Кадет Р.К.К. и тем «одиночкам», живущим вдали от больших центров, чьи адреса мы знали, с просьбой вернуть «Анкеты» и первый взнос за пребывание в гостинице, во время Съезда, ДО 15-го ДЕКАБРЯ с. г.

5) Отпечатаны лотерейные билеты, для БОЛЬШОЙ ЛОТЕРЕИ Съезда и будут в ближайшее время разосланы по всем Объединениям и «одиночкам». Просьба распространять билеты возможно шире, т. к. все пять первых выигрышей и ценны и интересны. Первые три выигрыша это картины. Перечисляем их в алфавитном порядке фамилий художников: 1) Картина «Первый Снег» известного художника С. Н. Байкалова-Латышева, бывшего кадета. 2) Картина «Поите Веккио» — итальянский вид, талантливой молодой художницы из Лос-Анжелеса К. В. Бугреевой. 3) Картина «Утро в лесу» известного художника М. И. Черкашенинова. Выигрыш № 4: Электронный переводчик с английского языка на другие языки. Выигрыш № 5: Часы браслет. Стоимость билетов — 1 дол.

По всем вопросам, касающимся Съезда, следует писать Игорю Александровичу Автамонову, по адресу:

Mr. IGOR AWTAMONOW,
731 So. Kingsley Dr.,
Los Angeles, Ca., 90005, U.S.A.

Председатель Комиссии по организации 8-го Съезда

И. А. Автамонов

ХРОНИКА

ВЫСОКОЕ ПРИЗНАНИЕ ЗАСЛУГ С. А. ЖАРОВА.

17-го октября 1981 года Сергей Алексеевич Жаров, бессменный руководитель Донского Казачьего Хора, прославивший на весь мир русское хоровое искусство своей аранжировкой и исполнением духовных песнопений и народной песни, был введен в Палату Славы Конгресса Русских Американцев.

В большом зале клуба «Родина» в городе Лейквуде, вместившем около 300 почитателей его таланта, официальных представителей властей и организаций русских и американских и многочисленных репортеров, председатель Конгресса Русских Американцев вручил юбиляру диплом и поздравил его со вступлением в Палату Славы.

Привествия были получены из канцелярии Президента Соединенных Штатов Америки, и от многих организаций и общественных деятелей. Выступавшие на банкете с приветствиями, отмечали заслуги С. А. Жарова в прославлении русского искусства в мире.

В своем слове приветствия представитель Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов отметил следующее:

«Вы, Сергей Алексеевич, не только прославили русское имя, среди иностранцев, но своей интерпретацией русской духовной, военной и народной песни, способствовали укреплению в нас, нашем поколении покинувшим Родину юношами и детьми, горячей и преданной любви к России, которую мы и донесли до преклонных лет. Россия должна быть Вам благодарна за это. Благодарит Вас и наше поколение.

Спасибо Вам дорогой Сергей Алексеевич».

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА.

Из Бельгии, Голландии и Германии (прислано Е. Ивановым).

А. Векслер 170 б. ф.; П. Борисенко 200; А. И. Бураковская 200; Г. Гуторович 250; И. Ветров 400; Е. Иванов 500; В. Будде 500; Дмитревский 500; М. Лахматов 1000; В. Рекк 500; Н. Н. Попова-Иванова 500; В. Левин 800; Ф. Отзолиг 1000; Е. Мейер 1064; Н. Киевский 4200; Объед. К.Р.К.К. в Бельгии 2216. **Всего 14,000 бельг. франков.**

Из других стран:

Кадетское Объединение в Чикаго 20 д., Объединение Дроздовцев через Новицкого 88 д., Св.-Троицкий монастырь 100 дол., Б. Павлов 16 д., А. Берендс 8; П. Стефановский 8; А. Кузменко 8; Г. Чариков в память племянника Бориса 10; Н. Новиков 4; В. Данилов 8; В. Архипов 10; И. Донцов 8; Д. Горбенко 11; Г. Харитонов 2; Е. Кормилев 5; Г. Пустовалов 2; В. Радостовец 3; А. Руссиян 4; Д. Свербилов 2; В. Величков 2 дол.

Выражаем глубокую благодарность всем жертвователям.

В № 28 нашего журнала было пропущено указание, что внесенные Л. Хантелем 20 дол. были пожертвованы Кадетским Объединением гор. Чикаго.

В июне 1978 года вышел из печати сборник стихов

кн. Николая Всеволодовича Кудашева

«ТЕНИ»

Цена 7 долларов.

Получить информации и выписать сборник можно по адресу:

Mrs. K. G. Kudashev
581 West 185 str. Apt. 2-D.
New York, N. Y. 10033
Tel. No (212) - 781 - 9414

Вечная память

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

4 октября 1981 г. в Калифорнии скончался

ГРИГОРИЙ ЧЕРНОЗУБОВ

Кадет Крымского кадетского корпуса выпуска 1926 года.

---

10 июня 1981 г. в г. Чачак, Югославия, скончался

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ БОРОВСКИЙ

кадет Хабаровского и Донского Кадетских Корпусов выпуска 1928 г. Покойный закончил Богословский факультет и был законоучителем в Приштине. Будучи резервным офицером провел 4 года в плену у немцев и по возвращении в Югославию преподавал русский язык в гимназии. После его смерти осталась вдова Мария Степановна, ур. Кондрашева, б. воспитанница Донского Института.

---

10 декабря 1981 г. в г. Ванкувер, Канада, скончался ротмистр 12 драгунского Стародубовского полка

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ МЕРЦЕДИН

кадет Суворовского кадетского корпуса.

---

3 декабря 1981 г. в Висбадене, Германия, скончался

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КИССЕЛЬ-ЗАГОРЯНСКИЙ

кадет Полтавского и Крымского кадетских корпусов выпуска 1924 года.

---

21 сентября 1981 года скончался

БОРИС ЧАРИКОВ

сын Николая Чарикова, кадета Крымского кадетского корпуса. Кадеты Крымцы выражают искреннее соболезнование семье своего однокашника.

---

10 октября 1981 г. в Мюнхене, Германия, скончался

СЕРГЕЙ ГАМБУРЦЕВ

бывший в Буюк Дере (Турция) кадетом Донского кадетского корпуса до окончательного его расформирования.

В Австралии скончались:

М. КРИВЕНКО

1-го Сибирского кад. корпуса

И. НИКОНИШИН

Хабаровского кад. корпуса

ВЛАДИМИР ОЗЕРОВ

1-го Русского Кад. корпуса

ВИКТОР КОСТРОМИН

Хабаровского и Русского кад. корпусов, 8-го выпуска.

---

12 ноября 1981 г. в Калифорнии скончался капитан

БОРИС АНДРИАНОВИЧ ЗАЛЕССКИЙ

кадет Александровского кадетского корпуса выпуска 1917 г.

Кадетское Объединение в Сан-Франциско с прискорбием извещает о кончине следующих членов Объединения:

ПОЛОВНЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ.

Родился 3-9-1904 года.Окончил 1-й Сибирский Имп. Александра 1-го К.К. Скончался 17 февраля 1981 года.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ЗАВЬЯЛОВ.

Родился 15-12-1898 года. Окончил 1-й Сибирский Имп. Александра 1-го К.К. вице-унтер-офицером в 1916 г. Вышел в Константиновское Арт. Училище в Петрограде. Скончался 14 марта 1981 года.

Отец МИХАИЛ СОКОЛОВ.

Родился 5-5-1901 года. Окончил 1-й Кадетский Корпус в Петрограде в 1917 году. Сдал экзамены на мичмана и служил во Флоте. Окончил Свято-Сергиевскую Духовную Академию и рукоположен в священники в 1928 году в Париже. Скончался 16 марта 1981 года.

ДИМИТРИЙ ИОСИФОВИЧ ДЕМУШКИН

Родился 20-9-1898 года. Окончил Владикавказский К.К. в 1916 году. Есаул Червленной станицы Терского Каз. Войска. Скончался 20 апреля 1981 года.

ДИМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЧНЕВ

Родился 10-9-1893 года. Окончил Оренбургский Неплюевский К.К. в 1912 г. Подполковник Оренбургского Каз. Войска. Скончался 21 мая 1981 года.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ОРТ.

Родился 22-11-1889 года. Окончил Воронежский Вел. Кн. Михаила Павловича К.К. в 1908 г. Полковник Артиллерии. Скончался 26 июля 1981 года.

---

20 января 1981 года в гор. Чикаго после продолжительной болезни скончался наш дорогой председатель

ЛЕОНИД (Леня) ИВАНОВ.

Покойный поступил в первый класс 1-го Сибирского Императора Александра 1-го кадетский корпус в Омске в 1918 году. В августе 1919 года корпус был эвакуирован в г. Владивосток (на Русский остров). В 1922 году корпус снова был эвакуирован в гор. Шанхай. В 1924 г. последняя эвакуация в Югославию, где сибиряки были влиты в Донской Императора Александра III кадетский корпус. После окончания корпуса, закончив успешно Белградский университет, работал лесным инженером.

14-го ноября 1981 года в Бельгии погиб

ИВАН ПАГАНУЦЦИ

кадет 22-го выпуска I Русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса, брат, сотрудника нашего журнала, проф. П. Н. Паганучци.

22-го декабря 1981 года в городе Моглинген в Германии скончался

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ ОСИПОВ

кадет 1-го Сибирского Кадетского Корпуса.

7-го февраля 1982 г. в Нью-Йорке скончался
подпоручик РОА
МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОТОЦКИЙ
кадет Полтавского и Крымского Кад. Корпусов, принимавший участие в гражданской войне в составе 12 гусарского Ахтырского Полка.

—

В Лейквуде США скончался куратор и основатель музея «Родина»
ВСЕВОЛОД ПАВЛОВИЧ СТЕЛЛЕЦКИЙ
кадет Сумского и Крымского Кад. Корпусов, участник гражданской войны в составе 10 уланского Одесского полка.

—

В Сан Франциско скончался
МИХАИЛ ПАНАЕВ
вице ун.-офицер 8-го выпуска Русского Кадетского Корпуса.

—

1-го марта 1982 г. в Детройте США скончался
ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТАРАКАНОВ
вице унтер-офицер К.К.К., выпуска 1928 года. Кадеты выражают искреннее соболезнование Елене Георгиевне и всем родственникам покойного.

—

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
РОСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА ПОПОВА.

Р. В. Попов родился 2-го апреля в С.-Петербурге. Свое образование он начал в Петровском-Полтавском Кадетском Корпусе и закончил уже на чужбине, первый выпуск Крымского Кадетского Корпуса в 1921 году. В этом же году и я закончил 1-ый Русский Кадетский Корпус, но был 2-го выпуска, так как 1-ый ускоренный выпуск, вернулся в Россию, где Белая Армия держала еще Крымский полуостров.

Приехав в Бельгию, Р. В. Попов работал в области усовершенствования кино-аппаратов, и реализовал несколько новых изобретений, его интересовало также электричество, ко-

торое тесно связано с кино-техникой. В 1950-х годах, Ростислав Владимирович, войдя в Объединение Княже-Константиновцев в Бельгии, полностью сроднился с ним и имея спокойный, хороший характер до глубины пропитанный старыми кадетскими традициями, он долгие годы занимал пост Вице-Председателя Объединения К.Р.К.К. в Бельгии. Его гостеприимный дом, милая, чисто русская семья, сам Славик — привлекали к ним, не только нас — кадет, но и также многих друзей из русской брюссельской колонии.

В воскресенье 16 августа с. г., выехав рано утром из Брюсселя и направляясь в Швейцарию на летний отдых, около города Бастонь на его машину (по неизвестной причине), налетела встречная — столкновение было ужасное, — Славик был убит на месте и потребовалось вызвать скорую помощь и пожарную команду, для освобождения четырех тяжело раненых и двух убитых.

20-го августа, тело Ростислава Владимировича, было перевезено в Брюссель. В церкви, на отпевании, присутствовало много кадет, знакомых и друзей. По традиции, как всегда, кадеты Объединения покрыли гроб национальным флагом и возложили большой венок.

Вначале отпевания был вынесен знаменный флаг, у которого чередовались все кадеты. Венки, букеты цветов или просто несколько роз, принесенные друзьями и знакомыми, полностью покрыли гроб, он тонул в цветах.

На кладбище, у свеже вырытой могилы, когда священник читал последние молитвы и гроб, с положенной на него горсточкой, родной Русской Земли, опускали на вечный покой, вдруг на чистое, голубое небо, набежала маленькая тучка и оросила крупными каплями гроб, как будто оплакивая с нами, трагическую потерю нашего друга.

Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов в Бельгии, просит Нину Николаевну и детей Ирину, Светлану, Александра и их семьи принять наше искреннее и сердечное соболознование.

Мир праху твоему, дорогой Славик, и да будет легка тебе чужая земля!

Память о тебе на долго сохранится в нашей уже малочисленной, но дружной, кадетской семье.

Г. С. Гуторович.

КОСТЯ - ОФИЦЕР.

В красивое время
Слова были тверды
Друзья были честны
Все рыцари горды
Все дамы прелестны.

«Гаспада Карнеты — пола-к шесть, вставайте»! слышен сквозь сон голосок кашевара Михенча, в его русско-сербской формуле, произносимой каждое утро. Еще минута и кавалерийский сигнал «садись» резко рвет сладкую дрему и сонная память вторит заученными словами: «А полковник Вергилесна чердак уже полез... Тра-та-та-тра-та-та». Барак зашевелился и звенит сотней молодых голосов.

Сон окончательно смывает струя горной реки Ибра, что бежит рядом. Хлебнув из котелка горячего чаю с краюхой хлеба, вскидываем на плечи кирки и лопаты.

Так начинали мы свой день, Третий Эскадрон Дивизиона Николаевского Кавалерийского Училища. То были двадцатые годы. Тогда, почти везде на Балканах можно было видеть воинов Белой Армии, сменивших«мечи на орала» на разных стройках.

Об этом талантливо рассказал в своей книге «Белогвардейцы на Балканах» наш соратник и однокашник князь Карачевский-Каратеев.

Однако возникает недоуменный вопрос: Что заставляло этих молодых людей предпочесть лучшему применению своих сил и способностей, жизнь в грубых условиях балканской глуши, снося тяжелый труд на постройке дороги по 10-12 часов в день?

Ответ общий: ЛЮБОВЬ.

Любовь к красоте оставленной России. неизбывное желание ей жертвенно служить. Любовь к своей Армии, к своему воинскому призванию! Ради этого, жертва лишений была легка. Мы верили, что иначе и не должно быть, ибо долг служения этого требует...

Бросая взгляд назад, мы видим, что это была жертва мечтательная, что нас еще призовут, как белых воинов, что мы еще понадобимся. Далекой была для нас политика «на высшем уровне», как говорят теперь. Но как бы то ни было, самоценность жертвы оттается неизменной. Формы и средства могли меняться и они менялись.

За протекшие десятилетия многие ушли в личную жизнь, отложив в сторону идею служения. Но не таков был КОНСТАНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ КУРАКИН — Костя-Офицер, как звали его в Русской колонии в Сантьяго.

Широко гостеприимный, отзывчивый нуждавшимся в его помощи, он был тверд в своей вере, в любви к исторической России, и неизменен в этом. Он ей продолжал служить в разных видах общественной деятельности: будь это необходимость устраивать церковь или разные светские начинания, как любительский театр (в котором, кстати, талантливо исполнял разные роли), концерты, лекции, воинские организации и благотворительные вечера. Во всем этом мы видели его щедрую жертвенность, будь то деньгами или работой. В своей частной жизни — он собиратель ценной библиотеки исторического содрежания и своего домашнего музея разных вещей.

Во всем Костя-Офицер был типичным выразителем нашего уходящего поколения, принявшего эстафету служения России от своих отцов еще в своих отроческих летах, в огне гражданской войны.

Мальчиком в 10 лет он надел синие погоны Одесского Вел. Кн. Константина Константиновича Кадетского Корпуса. Отсюда он бежит к отцу на фронт, но, возвращенный в Корпус, в 1920 году, с Корпусом эвакуируется в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где, по окончании, поступает в Николаевское Кавалерийское Училище, окончив которое выпущен корнетом в 18-й Драгунский, Короля Датского Христиана Первого, полк.

Звание русского офицера для него явилось равным высокому посвящению в рыцарское достоинство, как орденское служение исторической России. Родовая наследственность играла в этом не последнюю роль.

С прибытием волны русских после Второй мировой войны, дом Куракиных стал прибежищем для всех прибывших и нуждающихся в первой помощи на новом месте, в незнакомой стране. Не проходило и дня, чтобы сам Куракин и его супруга и дочь не шли бы хлопотать: о квартире, мебели или службе. Тогда же понадобилось создать русскую организацию, Союз Русских Белых (Бланко) в Чили. В его помещениях сосредоточилась вся общественная жизнь русской колонии Сантьяго, насчитывавшей больше 100 человек. Здесь была устроена церковь Иконы Матери Божией Казанской. От-

крыты для общего пользования библиотека, столовая, концертный и театральный зал, — все это создавалось на собственные гроши, без всяких дотаций со стороны, а на доброхотные сборы по подписным листам, где всегда за именем Куракина стояла заметная цифра. Он был постоянно избираемым членом правления Союза, вплоть до его закрытия с приходом к власти коммуниста Айенде.

Каждое поколение беспокоит все тот же вопрос: какова будет его смена? Волнует он и нас, уже уходящих, проживших свои трудные, а часто и драматические 70-80 лет нашего века. Да можно ли говорить всерьез о нашей смене за рубежом? Не мечтательство ли это? На чужой земле, среди людей чуждой культуры и чуждых нам идеалов. Несмотря на высокое благородство наших усилий — сохранить молодежь. Не пришла ли пора пристальнее всмотреться в то, что растет и уже выросло ТАМ, на нашей Родине, как полноценные наследники и будущие деятели Русской Тысячелетней Традиции? И недаром, кремлевские лжевластители после 60-тилетней своей власти видят вокруг себя только чиновников, лишенных идейного горения и того пафоса, что был в первое десятилетие после октября.

Если это так, то наша зарубежная озабоченность должна смениться твердой верой, что исторический путь нашего народа не прерван и сулит великие перспективы развития впереди.

Об этом уже сказано и предсказано нашими Святыми Отцами Православной Церкви в разное время, чтобы не угасла наша вера в Высший Промысел о нашем Отечестве.

С этими мыслями и чувствами ушел от нас 3-го января наш друг, товарищ и однокашник — КОСТЯ-ОФИЦЕР.

Димитрий Гаузен,
Владимир Фишер,
Сергей Латышев.

В ПАМЯТЬ ИГОРЯ ФЕДОРОВИЧА СТУДЕНЦОВА.

Дорогой одноклассник, однокашник и соратник, хочу сказать Тебе последнее «прости» от себя и Твоих друзей. Твоя преждевременная кончина потрясла нас, знавших Тебя с детских и юношеских лет, совместно деливших с Тобой забавы, радости и детские горести. Ты был для нас добрым другом и кадетом-товарищем.

Но вот пришел час, когда каждый из нас должен был отозваться на голос своей совести и Ты избрал путь борьбы за свободу и правду своего Народа. Идя честным путем Русского воина, нес этот крест с достоинством, как христианин, боец и друг, и Господь сохранил Тебя в это тяжелое, смутное время.

В мирное время, трудясь над собой, умножил, в меру своих сил, полученный Тобой от Бога талант: прекрасный голос и умелое руководство хором, оставив нам дивные Православные церковные песнопения в исполнении своего хора, созданного Тобой в трудных условиях.

Неутомимый закон Природы физически отделил Тебя от друзей, но духовно Ты с нами.

Да упокоит Господь Твою светлую душу в Селении Праведных, а нам оставит на веки незабвенную память.

Да будет Тебе легка чужая земля вдали от любимой Отчизны.

Надежде Христофоровне, дочери и всем родственникам, выражаем глубокое соболезнование, и да поможет им Всевышний, как можно легче перенести тяжелую утрату.

А. Политанский.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

А. П. МАЛЬЧЕВСКОГО

«СТУПЕНЯМИ В ПРОШЛОЕ»

В книге 14 рассказов, о лично пережитом самим автором или пережитом его друзьями чему он был свидетелем.

Автор широко известен своими произведениями печатавшимися в русской зарубежной печати.

Книга имеет 175 стр. Цена — 5 долл.
Пересылка 1 долл.

Alex Malcevski
853 Homer
Palo Alto, CA 94301

Поступили в продажу книги

М. Д. КАРАТЕЕВА

1. **ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА**

Два тома — каждый том по **15 ам. дол.**

2. **АРАБЕСКИ ИСТОРИИ**
«Мусульманский восток»
— 10.00 ам. дол.

3. **ПО СЛЕДАМ КОНКВИСТАДОРОВ**
— 10.00 ам. дол.

4. **БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ НА БАЛКАНАХ**
— 10.00 ам. дол.

Обращаться к мадам Е. С. Орчинской:

3479 Jeanne Mance
Montreal, Que. Canada

«ПРАВДА О ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ ЗЛОДЕЯНИИ»

книга проф. П. Н. Пагануцци,

которая является расширенным изданием статьи **«Екатеринбургское Злодеяние»** впервые напечатанной в 22-ом номере нашего журнала, вышла из печати. Издание на русском языке можно выписать от

HOLY TRINITY MONASTERY BOOKSTORE
Jordanville, N. Y. 13361. U.S.A:

по цене 10 дол. в мягком переплете или 15 дол. в твердом.

Английская версия выйдет из печати через пол года.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.30

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal,
Quebec. H3N 2K4. CANADA.